

Книга третья

1908 г.

Общество ревнителей военных знаний.

Комитетом по образованію войск журналъ рекомендо-
ванъ для оф. библіотекъ.

(Циркуляръ Гл. Шт. 8 окт. 1907 г. № 310).

С.-Петербургъ.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Біографическій очеркъ.

Предисловіе.

Русская память коротка, и иностранцы не напрасно упрекаютъ насъ въ неумѣнны цѣнить по достоинству своихъ даровитыхъ и знаменитыхъ людей.

Въ этихъ словахъ горькая истина.

26 лѣтъ истекло со времени кончины М. Д. Скобелева, а соотечественники почти забыли о немъ; между тѣмъ онъ стоитъ того, чтобы хранить о немъ память и притомъ не одну платоническую. Правда, подражать ему безъ искры Божіей нельзя, но учиться у него нужно, не теряя драгоценнаго времени, какъ у настоящаго знатока военного дѣла въ теоріи и практикѣ.

Желающихъ серьезно ознакомиться со Скобелевскою практикою мы отсылаемъ къ классическимъ трудамъ А. Н. Куропаткина и Н. И. Гродекова, здѣсь же приведемъ только черты изъ біографіи М. Д., разбросанныя въ многочисленныхъ литературныхъ изданіяхъ, мало доступныхъ для большинства читателей.

Во всѣ вѣка, во всѣхъ странахъ чувство благоговѣйной памяти къ людямъ, отличившимъ себя заслугами отечеству, считалось святою обязанностью потомковъ.

Въ древности народныя герои причислялись къ полубогамъ и имъ воздвигались алтари. Просвѣщеніе и образованность народовъ новѣйшихъ познаются мѣрою почтительной памяти, воздаваемой ими людямъ, ознаменовавшимъ себя подвигами на пользу отечества.

А если такъ, то почему же потеряно время четверти вѣка для изученія личности нашего легендарнаго героя общемою массою русскаго воинства? Почему не вѣсѣмъ одинаково дороги страницы печати, посвященныя описанію его кипучей жизни. Незнающій жизни и подвиговъ Михаила Дмитріевича, этого настоящаго русскаго исполина духомъ и витязя съ непоколебимой волей, отрываетъ себя отъ живительнаго источника силы, гордости и вѣры въ себя. Задача компилятора пока довольно скудныхъ матеріаловъ по біогра-

фии М. Д. Скобелева,—дать читателю возможность въ простомъ, ясномъ и образномъ разсказѣ его современниковъ узнать и полюбить гениальнаго полководца ближайшаго къ намъ времени. Можетъ быть, идя по стезямъ М. Д., мы скорѣй дождемся того свѣтлаго дня, когда омраченный неудачною войною съ японцами исхони славный вѣнецъ русской арміи загорится новымъ и не гаснущимъ блескомъ.

Только служба и подвиги М. Д. дадутъ офицеру матеріалъ для развитія и поднятія моральной стороны солдата. Только чарующимъ именемъ излюбленнаго и гениальнаго русскаго героя можно связать и сроднить съ частью вновь вступающаго въ полковую семью, ибо каждый новобранецъ еще въ деревнѣ слышалъ о подвигахъ Скобелева отъ ветерановъ соратниковъ его, разнесшихъ по всѣмъ уголкамъ Россіи свою горячую до обожанія любовь къ этому истинному кумиру солдатъ, настоящему русскому витязю, предъ какимъ издревле привыкли благоговѣть народныя массы. Никто не будетъ оспаривать, какъ сильно и ярко можетъ сказаться вліяніе патріотическаго мышленія М. Д. Скобелева на нашихъ дняхъ, когда повсюду расшатываются и подтачиваются авторитеты военачальниковъ, бывшихъ доселѣ свѣтилами не только теоріи, но и практики военнаго дѣла. Только побѣдителей не судятъ, а побѣдный ореолъ не омраченъ лишь у Суворова и Скобелева. Если современная техника мало-по-малу вытѣснила Суворовскій методъ войны, то военная школа Скобелева создалась во всеоружіи современнаго военнаго знанія. Самъ онъ, получивъ академическое образованіе, не переставалъ изучать военную исторію до послѣднихъ дней своего бытія. Ворохъ фоліантовъ военной исторіи не удовлетворилъ его, онъ ѣздилъ въ Испанію къ карлистамъ, чтобы прочесть и тѣ скучныя странички военной исторіи о горной войнѣ, которая тогда еще не были написаны. Эту жажду полезныхъ знаній привить каждому трудно и въ большинствѣ случаевъ невозможно. Но стремиться къ этому должно—это завѣщалъ намъ М. Д. Скобелевъ въ своемъ приказѣ 1876 г. № 418: „Всѣхъ офицеровъ прошу побольше читать, что до нашего дѣла относится“.

Зададимъ себѣ вопросъ, кто изъ русскихъ людей XIX-го вѣка болѣе М. Д. Скобелева заработалъ благодарную память потомства? Герой Хивы, Махрама, Андижана, Кокана, Ловчи, Зеленыхъ горъ, Шейнова и Геокъ-Тепе—извѣстенъ и популяренъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества; такъ извѣстенъ еще только Суворовъ. Природа щедро наградила Скобелева своими дарами: орлиный полетъ генія, сказочное могущество богатыря. Таланты административныя не отставали отъ великополководческихъ.

Какъ истый исполинъ земли русской и государственный дѣятель, онъ провидѣлъ не только настоящее, но и будущее нашего отечества. Онъ специально и серьезно изучалъ войну во всѣхъ ея проявленіяхъ и, кромѣ неувядаемой славы совершенныхъ безпримѣрныхъ военныхъ подвиговъ, занялъ видное мѣсто въ исторіи славянскаго самосознанія. Для полной біографіи М. Д. не настало еще время, такъ какъ далеко еще не всѣ документы о немъ обнародованы. Мы не располагаемъ его манускриптами и потому тѣ немногіе военные, которые постоянно слѣдятъ за литературою и все читаютъ,

не найдуть въ нашемъ трудѣ ничего, кромѣ ранѣе изданнаго. Наша задача, подобно Голикову, собрать матеріалы о дѣяніяхъ М. Д. Скобелева и удовлетворить любознательности общей массы офицеровъ, которые не имѣютъ ни времени, ни средствъ прочесть все напечатанное о Скобелевѣ.

Вѣдь писалъ же въ газетѣ „Новости“ гвардіи полковникъ Богусhevскій, что онъ не знаетъ, что такое для Россіи сдѣлалъ Скобелевъ!

Приложенный къ этому краткому біографическому очерку указатель литературы облегчитъ имъ отысканіе каждаго заинтересовавшаго ихъ первоисточника.

М. Поляискій.

1. Рожденіе.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ родился въ Петербургѣ 17 сентября 1843 г.

Въ метрической книгѣ собора Петропавловской крѣпости за 1843 г. подъ № 15 записано:

„Родился 17 сентября, крещенъ 14 октября 1843 г. Михаилъ у поручика Кавалергардскаго Ея Величества полка Дмитрія Ивановича Скобелева и законной жены его Ольги Николаевны, оба первообращенные и православные.

„Восприемниками были: Комендантъ Петропавловской крѣпости генералъ-отъ-инфантеріи Иванъ Никитичъ Скобелевъ и жена адъютанта Государя Наслѣдника Цесаревича штабъ-капитана Александра Владиміровича Адлерберга—Екатерина Николаевна.

„Таинство крещенія совершили ключарь собора свящ. Григорій Алексѣевъ Добротворскій съ дьячкомъ Стефаномъ Петровымъ Мысловскимъ“.

2. Родъ Скобелевыхъ.

Передаютъ, что прадѣдъ М. Д. Скобелева — Никита Скобелевъ изъ дворянъ-дворянъ дослужился до сержанта и былъ помѣщикомъ Ставропольскаго уѣзда, Симбирской губерніи, что нынѣ Самарской, владѣя с. Озерки и Новиковкой. Последняя досталась ему въ приданое за женою Татьяною Михайловною (Уваровою-Коревою).

Англійскій журналистъ Морлей въ своей статьѣ: „The fortnightly review“ London. October 1882 г. „The Russian Bayard“ выводитъ родословіе прадѣда Скобелева не изъ дворянъ, а изъ шотландскихъ эмигрантовъ, переселившихся въ Россію подъ фамиліей Скобей.

Справку эту Морлей получилъ отъ нашего посланника въ Бухарестъ барона Стюарта. По свидѣтельству Морлея, Михаилъ Дмитріевичъ при жизни не отрицалъ иноземнаго происхожденія своего праѣда, заявивъ при этомъ, что онъ лично весьма мало придаетъ значенія родословному дереву, такъ какъ высокое происхождение никогда никого не дѣлало великимъ.

Извѣстно, что прабабка Михаила Дмитріевича—Татьяна Михайловна Корева ¹⁾—принадлежала къ старинной дворянской фамиліи Калужской губерніи (владѣла селомъ Чернышино), и традиціи не допустили-бы ея брака съ русскимъ просолою иноми. Къ брачнымъ-же союзамъ съ иноземцами тогда относились безъ спѣсиваго предубѣжденія, почему и можно вѣрить указанію Морлея ²⁾.

Мои личные розыски въ архивахъ о родословіи Скобелевыхъ лишь подтвердили указанія Морлея, такъ какъ Иванъ Никитичъ при поступленіи его на службу вольноопредѣляющимся въ 1793 году въ первый Оренбургскій полевой баталіонъ, что нынѣ 66 п. Бутырскій полкъ, записанъ по формуляру безъ обозначенія происхожденія, что дѣлалось тогда только съ иностранцами и ихъ дѣтьми. Версія о старинномъ дворянствѣ Скобелевыхъ, будто бы утраченномъ за бытность въ „нѣтяхъ“ еще во времена Петра Великаго, опровергаются самимъ Иваномъ Никитичемъ Скобелевымъ, любившимъ указывать разможенною своею рукою на остатокъ другой оторванной руки, какъ на доказательство заслуженнаго въ бояхъ дворянства, что русскіе столбовые дворяне гнушались утверждать, почитая древность рода выше заслугъ.

Въ наставленіи своему сыну, Скобелевъ-дѣдъ писалъ: „Совѣтую не забывать, что ты не болѣе, какъ сынъ русскаго солдата и что въ родословной твоей первый, свинцомъ означенный, кружокъ—вмѣщаетъ порохоми законченную фигуру отца твоего, который потому только не носилъ лаптей, что босикомъ бѣгать было ему легче. Впрочемъ, фамилію свою можешь ты, не красѣя, произносить во всѣхъ углахъ нашего обширнаго отечества. И сей-то исключительно важнѣйшій для гражданина шагъ, ты, не употреби собственнаго труда, уже сдѣлавъ, опершись на бѣдный полуостовъ грѣшнаго тѣла отца своего, который пролилъ свою кровь за честь и славу Бѣлаго Царя и положилъ фунтовъ пять костей на престолъ милого отечества“.

Традиціи заслуженнаго дворянства не чета родовому, хотя бы и столбовому дворянству.

Иванъ Скобелевъ заработалъ свои два Георгіевскихъ креста при взятіи Парижа и Варшавы; Дмитрій Скобелевъ, будучи съ обезпеченною карьерою блестящаго кавалергарда, ѣздилъ за своими двумя Георгіевскими крестами на тотъ погубельный Кавказъ, откуда немногимъ было суждено вернуться къ пенатамъ, и затѣмъ въ Турцію. Наконецъ самый блестящій представитель этой фамиліи—Михаилъ Дмитріевичъ заработалъ всѣ три своихъ Георгіевскихъ креста

1) Русск. Стар. 1878 г. т. XXII, 1882 г. т. XXXVI и 1890 г. т. LXVII.

2) Кубасовъ въ своемъ очеркѣ характеристики И. Н. Скобелева ошибочно называетъ его мать крестьянкою.

въ Средней Азии. Ъздилъ М. Д. за Георгіевскимъ крестомъ и въ Турцію. Вся Россія дивилась и восторгалась его отвагою и дарованіями, такъ ярко проявленными въ цѣломъ рядѣ личныхъ подвиговъ, но поиски имени М. Д. въ спискѣ новыхъ Георгіевскихъ кавалеровъ за турецкую войну были тщетны.

Звѣзда его военного генія и безъ того свѣтила во всеѣхъ углахъ необъятнаго отечества ласкающимъ и чарующимъ блескомъ, иначе онъ могъ бы затеряться въ толпѣ отличенныхъ этою наградою за подвиги въ послѣдней войнѣ съ турками.

Разгадку этого факта можно найти въ томъ обстоятельствѣ, что когда М. Д., бывшаго комендантомъ Плевны, посѣтилъ Императоръ Александръ II, то Его Величество не призналъ возможнымъ на глазахъ Своей Свиты поблагодарить Скобелева за его выдающуюся боевую дѣятельность, пошелъ съ нимъ въ другую комнату, приказавъ Свитѣ не сопровождать Себя, и съ глазу на глазъ, выражая Царское Спасибо, поцѣловать героя войны.

М. Д. былъ въ родствѣ съ графами Адлербергами, графами Барановыми, Опочиниными, Кутузовыми, Шереметьевыми, князьями Бѣлосельскими-Бѣлозерскими и герцогами Лейхтенбергскими. Отецъ его Дмитрій Ивановичъ—владелъ 40.000 десятинами земли.

3. Дѣтскіе и учебные годы.

Литература объ этомъ періодѣ жизни М. Д. весьма скудна.

Г-жа Новикова, урожденная Кирѣева, свидѣтельствуеетъ, что мать М. Д. выучила его читать и привила ему съ дѣтскаго возраста любовь къ поэзіи. Байронъ и Шиллеръ остались любимыми поэтами М. Д. до конца его жизни.

Состоявшій въ родствѣ съ М. Д. и сподвижникъ въ его походахъ А. Н. Масловъ пишетъ въ своихъ матеріалахъ для біографіи и характеристики его слѣдующее:

М. Д. Скобелевъ въ дѣтствѣ былъ красивый мальчикъ съ быстрымъ взглядомъ, золотистыми волосами и нѣжнымъ цвѣтомъ лица. Характера былъ нервнаго, впечатлительнаго и подвижнаго. По рассказамъ самого Скобелева, отецъ его былъ человекъ довольно суровый и старыхъ порядковъ. Воспитывать сына онъ хотѣлъ тоже сурово. Онъ нанялъ сыну гувернера нѣмца—Каница, который оказался человекомъ жестокимъ, билъ мальчика прутомъ за дурно выученный урокъ и вообще за всякій пустякъ. Скобелевъ, обладая съ дѣтства независимой натурой и отличаясь вспыльчивостью, доходившею до буйства, сердился, капризничалъ и поэтому между гувернеромъ и ученикомъ установилась суровая и нелѣпая вражда. Маленькій Скобелевъ измышлялъ разныя средства, чтобы досадить своему тирану.

Такъ, напримѣръ, гувернеръ ухаживалъ за какой-то особой и, отправляясь къ ней, надѣвалъ фракъ, цилиндръ и новыя перчатки. Скобелевъ, замѣчая эти приготовления, мазалъ ручку двери, которую долженъ былъ отворить гувернеръ, ваксой, или прилѣплялъ ему на спину грязную бумагу.

Двѣнадцати лѣтъ М. Д. былъ влюбленъ въ дѣвочку тѣхъ же лѣтъ и въ деревнѣ катался иногда съ нею верхомъ. Однажды, въ присутствіи ея, гувернеръ ударилъ его по лицу. Скобелевъ вскочилъ, какъ ужаленный, возвратилъ ему пощечину и, кромѣ того, плюнулъ нѣмцу въ лицо. Послѣ этого эпизода Дмитрій Ивановичъ повялъ, что жестокому нѣмцу не справиться съ сыномъ, и отдалъ его Дезидерію Дезидеріевичу Жирарде, державшему пансіонъ въ Парижѣ. Перебѣла для молодого Скобелева была неописуема. Здѣсь онъ встрѣтилъ, вмѣсто звѣрства учителя-нѣмца, — настоящую симпатію опытнаго педагога, вмѣсто прежней жестокости, — доброту и постоянное побужденіе къ прилежанію. Буйный ранѣ юноша превратился въ прилежнѣйшаго ученика, и всю жизнь привязанность его къ своему наставнику росла до самой смерти.

Жирарде — образованный, благородный и честный человѣкъ, имѣлъ большое вліяніе на нравственное воспитаніе Скобелева. Михаилъ Дмитріевичъ говорилъ впоследствии, что Жирарде воспиталъ въ немъ религію долга.

По настоянію О. Н. Скобелевой, Жирарде закрылъ свой пансіонъ и послѣдовалъ за своимъ воспитанникомъ въ Россію, гдѣ и остался. Впоследствии воспитатель пріѣзжалъ въ гости къ своему воспитаннику даже на войну; такъ, онъ былъ въ Новгородѣ, послѣ — въ Ферганѣ во время Алайской экспедиціи, въ Санъ-Стефано послѣ заключенія мира, въ Ахаль-Теке по окончаніи экспедиціи и въ Спасскомъ, когда туда набѣждалъ Скобелевъ. Жирарде былъ самою искреннею привязанностью Скобелева; во многихъ вопросахъ онъ съ нимъ совѣтовался и въ своемъ завѣщаніи оставилъ ему довольно значительную сумму денегъ.

По словамъ Жирарде, Скобелевъ былъ въ дѣтствѣ очень свободнымъ и живымъ мальчикомъ. Друзей между своими сверстниками не имѣлъ, а только товарищей, съ которыми любилъ играть въ войско, при чемъ всегда бралъ на себя роль командира. Только съ однимъ изъ товарищей по школѣ онъ велъ болѣе близкое знакомство; это былъ юный англичанинъ съ характеромъ авантюриста, теперь онъ поселился въ Америкѣ. Съ этимъ англичаниномъ Скобелевъ предпринималъ прогулки верхомъ и на лодкѣ. Со своими родными и близкими онъ былъ рѣзокъ, часто ссорился, но умѣлъ искупить свою грубость ласковыми словами и тонкой лестью, внушаемой прочемъ искреннимъ чувствомъ, которое въ немъ являлось въ данную минуту. Семейное общество онъ не любилъ съ дѣтства, но когда его отецъ, окруженный старыми офицерами, велъ бесѣды о войнѣ на Кавказѣ, въ Венгріи, въ Крыму, то будущій воинъ слушалъ съ жаднымъ вниманіемъ и нерѣдко самъ задавалъ вопросы.

Такимъ образомъ, еще съ дѣтства онъ удержалъ въ памяти множество военныхъ событій, именъ и названій мѣстъ. Что касается сердечныхъ отношеній, то, какъ уже было сказано выше, онъ разъ былъ нѣжко влюбленъ въ дѣвочку лѣтъ тринадцати, которая въ настоящее время жива и замужемъ.

Какъ во всѣхъ богатыхъ дворянскихъ домахъ, въ образованіи юнаго Скобелева было обращено особенное вниманіе на изученіе языковъ и изящныхъ искусствъ. Скобелевъ отлично владѣлъ фран-

цѣскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками, но музыкѣ учился дѣлливо и неохотно, хотя всѣ его сестры прекрасно знаютъ музыку. Скобелевъ, можно сказать, стыдился музыки и танцевъ и нерѣдко упрекалъ свою мать за то, что его не учатъ рисованію. Въ послѣдствіи, уже въ академіи, онъ научился недурно чертить карандашемъ. Театръ его особенно не занималъ, такъ какъ онъ чересчуръ былъ исполненъ своими собственными чувствами и замыслами. Изъ русскихъ поэтовъ любилъ одного Лермонтова, а изъ иностранныхъ Гете, Байрона и Гюго, изъ которыхъ заучивалъ тирады, напоминая ему Лермонтова, и вообще любилъ стихи воинственные и громкіе. Въ школѣ, какъ и въ академіи, онъ былъ совершенно равнодушенъ ко всѣмъ наукамъ, которыя не имѣли непосредственнаго отношенія къ военному дѣлу. Такъ, напримѣръ, онъ упорно отказывался изучать латынь, пока его не заставили заниматься этимъ языкомъ вмѣстѣ съ другимъ (Араповымъ) молодымъ человѣкомъ, который грозилъ обогнать его въ занятіяхъ.

Оба они одновременно вступили въ С.-Петербургскій университетъ и оба оставили его вскорѣ по одной и той же причинѣ. Возникшіе въ 1861 г. студенческіе безпорядки повлекли за собою временное закрытіе университета. М. Д. находился тогда на математическомъ факультетѣ, но продолжалъ попрежнему интересоваться военнымъ дѣломъ и съ завистью смотрѣлъ на своихъ сверстниковъ, уже носившихъ офицерскіе эполеты.

Хотя подъ руководствомъ Жирарде М. Д. прошелъ лицейскій курсъ, но для поступленія въ русскій университетъ потребовалась подготовка его русскими педагогами подъ наблюденіемъ академика А. В. Никитенко въ 1858, 1859 и 1860 гг.

Изъ письма Льва Николаевича Модзалевскаго видно, что онъ подготавливалъ Скобелева и Адлерберга (сынъ Министра Двора) къ университетскому экзамену и что на бывшемъ домашнемъ экзаменѣ на аттестатъ зрѣлости, въ присутствіи попечителя учебнаго округа и двухъ профессоровъ, въ квартирѣ молодого Адлерберга, успѣхами М. Д. всѣ остались довольны.

Закрытіе въ 1861 г. Петербургскаго университета совершенно измѣнило будущность М. Д., направивъ его на тотъ путь, на которомъ онъ заслужилъ такую громкую извѣстность.

Жирарде всегда отзывался о своемъ гениальномъ ученикѣ, что не сдѣлалъ онъ полководцемъ, онъ прославился бы въ ученѣмъ мірѣ, такъ какъ онъ жаждалъ знаній и горячо любилъ науки.

Скобелевъ часто говаривалъ о пользѣ изученія языковъ: „каждый обогатившійся знаніемъ языковъ столько разъ становится культурнымъ человѣкомъ, сколько ему удалось изучить языковъ“.

М. Д., принадлежа къ аристократической по богатству и службѣ при Дворѣ семьѣ, былъ отгороженъ крѣпкою стѣною отъ остальнаго міра, почему никто изъ друзей дѣтства не описалъ его оригинальной натуры за этотъ періодъ времени.

Близкій къ семьѣ Скобелевыхъ священникъ Петропавловской церкви Григорій Алексѣевичъ Добротворскій оставилъ намъ слѣдующія черты десятилѣтняго М. Д. Когда онъ въ 1853 г., на Пасхѣ, со св. Крестомъ пріѣзжалъ на квартиру Дмитрія Ивановича Скобелева,

то при входѣ въ залъ на встрѣчу ему выбѣжалъ стройный и полѣтамъ довольно высокій мальчикъ, произнесшій:

„Христосъ Воскресе! Григорій Алексѣевичъ!“ и при этомъ хотѣлъ съ нимъ похристосоваться, но о. Добротворскій, разчесывавшій свою бороду, остановить его словами: „Погодь, Мишка, развѣ не видишь, что я чешу бороду“, но М. Д. снова потянулся къ священнику и уцепивъ его за бороду. „Экой неугомонъ“, сказалъ отецъ Добротворскій:— „подъ сюда“. Когда М. Д. подошелъ, то онъ взялъ его за оба уха, приподнялъ въ уровень съ собою и медленно трижды поцѣловалъ его, приговаривая „Христосъ Воскресе!“ „Больно“, раздался крикъ М. Д. и на глазахъ его навернулись слезы, но онъ скоро поборолъ себя и засмѣялся. Опустивъ мальчика на полъ, онъ далъ ему такое наставленіе: „больно было тебѣ, Мишка, терпи, казакъ, атаманомъ будешь“. М. Д., какъ ни въ чемъ не бывало, весело начинать бесѣду:

„Знаете ли, Гр. Ал., папа вчера только пріѣхалъ съ Кавказа и получилъ награду, больше которой нельзя въ его чинѣ (полковника) получить.—Владиміра на шею“.

Такъ, еще въ дѣтской головкѣ великаго полководца, радужно рисовались знаки отличія. Славныя боевыя традиціи дѣда и отца привились къ М. Д. въ самой высокой степени.

4. Семейныя традиціи Скобелевыхъ.

Михаилъ Дмитріевичъ до шестилѣтняго возраста былъ баловнемъ своего дѣда Ивана Никитича, умершаго въ 1849 г. М. Д., по мѣрѣ своего физическаго развитія и зарождавшагося мышленія, имѣлъ передъ собою чудный, обаятельный примѣръ героя-воина, израненнаго въ многочисленныхъ бояхъ за отечество: 25 іюня 1807 г. въ сраженіи подъ Фридландомъ онъ раненъ пулею на вылетъ въ правую ногу; 20 августа 1808 г. при завоеваніи Финляндіи Ивану Никитичу у кирки Коуртане оторвало указательный и средній пальцы правой руки, съ поврежденіемъ кости у четвертаго пальца той же руки и контузіею въ грудь; 18 марта 1814 г. подъ Парижемъ онъ раненъ въ артерію лѣвой руки и 14 апрѣля 1831 г. въ сраженіи съ польскими мятежниками подъ Минскомъ Ивану Никитичу ядромъ оторвало кисть лѣвой руки. Онъ тутъ же на мѣстѣ сраженія, позади колонны нашихъ, подъ неумолкающимъ огнемъ мятежниковъ, далъ оперировать повисшую на одной кожѣ руку свою, не потерявъ своего самообладанія отъ адской боли и потери крови. Когда поляки были прогнаны къ Милоснѣ, Иванъ Никитичъ не только не сдалъ команды надъ подчиненною ему 2 пѣх. дивизіею, но еще имѣлъ мужество въ тотъ же день продиктовать приказъ по дивизіи.

Замѣчательно, что этою же 2-ю п. дивизіею довелось командовать и внуку при взятіи г. Ловчи въ 1877 г.

Передъ началомъ упомянутой выше послѣдней въ жизни Ивана Никитича битвы онъ обратился къ солдатамъ съ слѣдующею рѣчью:

„Солдаты! Святой храмъ Русскаго Бога, законныя права отца нашего Царя, благодарными подданными оскорбленныя, и обширныя границы драгоцѣннаго намъ отечества всегда имѣли стальной, непобѣдимый щитъ въ груди вѣрныхъ сыновъ своихъ. Слава наша всегда, во всѣхъ концахъ земли, гремѣла подъ луною, и Русскій въ полѣ штыкомъ писалъ врагу законы. Теперь слѣдуетъ вопросъ: будемъ ли мы въ христіанскихъ обязанностяхъ слабѣ предковъ? Измѣнилась ли въ насъ важность присяги? Простыла ли любовь къ родинѣ и менѣ ли дорога намъ честь матери нашей—Россіи?

„Скорѣе въ землю обратимся, но не осрамимся! Слышу, воркуетъ молодецкое сердце побѣдоносныхъ товарищей! Вижу огненную готовность неустрашимыхъ сразиться, побѣдить или умереть! Вѣрю искреннимъ чувствамъ и пламенному желанію! Восхищаюсь, но не удивляюсь! Къ чему неспособны и чего не сдѣлаютъ Богомъ возлюбленныя дѣти страшнаго врагамъ Сѣвера, братья родныхъ русскихъ вихрей, вьюгъ и бурановъ? Но чей души не грѣютъ молитвы, въ храмѣ живого Бога за насъ возсылаемая, кто не питаетъ твердой надежды на Господа Вседержителя, Покровителя правыхъ, кто въ бою на ногу тяжель, чья пуля невѣрна и чей штыкъ не лизнетъ басурманской крови—тотъ не герой и не товарищъ мой!

„Храбрый повялъ меня и вѣрить слову, а трусу я покажу на дѣлѣ, какъ жить и умереть со славою. Праотцы наши не знали середины, и завѣтъ этотъ булатными мечами вписали въ кровавое, въ святое Знамя Россіи, въ Куликово поле.

„Какъ старшій изъ Васъ солдаты, я первый вамъ примѣръ и первая причина къ доказательству, что за святое дѣло умереть весело, славно!“

Вотъ откуда М. Д. провѣдалъ вѣрный путь къ солдатскому сердцу, къ возбужденію его ревности и честолюбія—этимъ истиннымъ залогомъ всякаго успѣха и побѣды.

Какъ только М. Д. выучился грамотѣ, первыми книгами для его чтенія были литературные труды его героя—дѣда: „Бесѣда русскаго инвалида“ (изд. 1838 г.). „Приказы“ (1836) „Кремлевъ—русскій солдатъ“, „Спены въ Москвѣ въ 1812 г.“, „Письма изъ Бородинѣ отъ безрукаго къ безногую инвалиду“ (1839 г.) и „Переписка и рассказы русскаго инвалида“, трижды изданныя въ 1838, 1841 и 1844 г.

Дѣдъ Михаила Дмитріевича прослужилъ 11 лѣтъ въ нижнихъ чинахъ и потому на опытѣ изучилъ всю важность роли воспитателя солдатъ и психологію—воина простолюдина. Его немудрыя творенія были написаны доступнымъ солдату языкомъ и, благодаря патристическому настроенію своему, имѣли необычайный успѣхъ у солдатъ и народа.

Формуляръ дѣда тоже не могъ не наводить внука на восхищеніе родовой доблестью и на помыслы, какъ сдѣлаться настоящимъ военнымъ и заслужить, подобно дѣду и отцу, Георгіевскій крестъ. Извѣстно, что М. Д. носилъ дѣдовскій Георгіевскій крестъ вмѣстѣ съ тѣльнымъ подъ рубашкою до того времени, пока самъ заслу-

жилъ его, чтобы носить на показъ. Дѣйствительно, М. Д. до педантизма подражалъ своему дѣду, являя собою, такъ сказать, дополненное образованностью его второе изданіе.

Заглянувъ въ формуляръ Ивана Никитича, мы увидимъ, что онъ, поступивъ 22 марта 1793 г. капраломъ изъ вольноопредѣляющихся въ 1-й Оренбургскій полевой баталіонъ, прошелъ всѣ солдатскія степени:

Сержантомъ—1 апрѣля 1795 г.

Кадетомъ—2 января 1796 г.

Портупей прапорщикомъ—12 августа 1803 г.

Произведенъ въ первый офицерскій чинъ 12 августа 1804 г.

и въ 1807 г.—въ чинъ подпоручика 26-го Егерскаго полка, 28 февраля, въ Пруссіи получаетъ первое боевое крещеніе въ сраженіи съ французами.

Затѣмъ въ томъ же году сражается: 25 мая—при Петервальдѣ, 26 мая—при преслѣдованіи французовъ къ Гутенштадту, 27-го и 28-го мая—при деревнѣ Пекенъ и рѣкѣ Посигрѣ, 29 и 30 мая—при Гейльсбергѣ, 2 іюня—при Фридландѣ (награжд. орд. св. Анны 4 степени). Въ слѣдующемъ 1808 г., въ чинѣ поручика, 9 февраля переходитъ границу Финляндіи и сражается со шведами 12 февраля при Арцію, 14 февраля—при Арематилѣ, 16-го февраля—при Акеройсѣ (награжд. золотомъ шпагою за храбрость), 26 іюня и 2 іюля—при киркѣ Лаппо, 28 іюля—при Алаво, 5, 6 и 7 августа—при защитѣ обозовъ отряда генерала Эрексона, преслѣдуемыхъ шведами по пятамъ, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 августа—въ авангардныхъ бояхъ съ отступавшими шведами, въ отрядѣ генерала Кульнева до сбитія непріятельскихъ пикетовъ у Коуртане, 15 авг.—въ сраженіи при Алаво, 17-го августа—при Ачрюкѣ, гдѣ лично взялъ въ плѣнъ одного шведскаго офицера, 72 рядовыхъ и 3 зарядныхъ ящика (награжд. орд. Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ), 19 августа участвовалъ въ преслѣдованіи шведовъ и 20 августа въ сраженіи при киркѣ Коуртане, гдѣ раненъ въ руку (награжд. чиномъ штабсъ-капитана).

По завоеваніи Финляндіи, И. Н. отправился въ турецкій походъ и 28-го мая 1810 г. въ чинѣ капитана участвовалъ въ обложеніи крѣпости Силистріи, съ 24 по 30 мая—при отраженіи непріятельскихъ вылазокъ изъ крѣпости (награжд. ор. св. Анны 2 степени), 11 и 12 сентября—при занятіи горъ у крѣпости Шумлы (объявлено именное Монаршее благоволеніе). По окончаніи турецкой войны уволенъ въ отставку для излеченія здоровья.

Не долговъ былъ отдыхъ героя войны. Кутузовъ пригласилъ Ивана Никитича въ свои адъютанты. 26 августа 1812 г. за боевое отличіе подъ Бородинымъ онъ награжденъ чиномъ майора, за боевыя отличія 6 октября при Маломъ-Ярославцѣ онъ награждается чиномъ подполковника. За боевыя же отличія 5 и 6 ноября подъ Краснымъ награждается алмазными знаками къ ордену св. Анны 2 ст., 20 января 1813 г. производится за боевыя отличія въ полковники съ назначеніемъ командиромъ (шефомъ) Литовскаго полка, съ которымъ и участвуетъ въ сраженіи съ французами 20 апрѣля 1813 г. при Люцентѣ. Затѣмъ, послѣ похода чрезъ Германію, 23 февраля 1814 г. отбываетъ съ полкомъ вылазки изъ крѣпости Майнца, 28 февраля

штурмуетъ гор. Реймсъ, 1 марта отражаетъ пѣхотнымъ каре бѣшеную атаку на него французской кавалеріи.

За этотъ подвигъ онъ награждается орденомъ св. Георгія 4 ст., а полку его жалуются за отличіе надписи на кивера. 18 марта 1814 г. за штурмъ Монмартра и овладѣніе французскими батареями награжденъ орд. св. Влад. 3 ст.

Побывавъ съ полкомъ въ 1815 году въ непрерывныхъ походахъ въ Австріи, Баваріи и въ королевствѣ Виртембергскомъ и Баденскомъ, Иванъ Никитичъ вернулся опять во Францію въ гор. Шато-Тьеръ, откуда возвратился въ Россію, и 6 октября 1817 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 2 бригады 2 гренадерской дивизіи.

Въ 1831 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта онъ командовалъ 2 пѣх. дивизіею и въ бою съ польскими мятежниками лишился руки (награжденъ орд. св. Георгія 3 ст.).

Съ 1834 по 1836 г. былъ инспекторомъ всей резервной пѣхоты. Засимъ, послѣ отдыха для излеченія ранъ, 8 мая 1839 г. назначенъ комендантомъ Петропавловской крѣпости. 10 октября 1843 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. 5 сентября 1846 г. въ память геройскаго его подвига съ Рязанскимъ полкомъ подъ Реймсомъ онъ пожалованъ шефомъ Рязанскаго полка. Въ должности коменданта онъ скончался 19 февраля 1849 г.

Булгаринъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1850 г. № 38 пишетъ: „Иванъ Никитичъ Скобелевъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ необыкновенный и, можно смѣло сказать, истинный представитель русской народности: умный, смѣшленный, находчивый, храбрый, истинный христіанинъ, преданный душевно Престолу, любившій пламенно отечество и все отечественное, благотворительный и хлѣбосоль. Таковъ первообразъ русскаго характера, когда къ нему не пристала чужеземная плѣсень, и объ Иванѣ Никитичѣ можно сказать, что онъ былъ русакъ чистой крови (pur sang), самородное русское золото, безъ всякой примѣси“.

Напримѣръ, въ завѣщаніи И. Н. сыну между прочимъ говорится: „При всѣхъ высокихъ наукахъ отнюдь не слѣдуетъ умъ и сердце отучать отъ святой вѣры, главнѣйшее блаженство людей составляющей. Если человѣкъ одаренъ умомъ, постигъ науку, то онъ неизбѣжно поставленъ въ священную обязанность уплатить долгъ Творцу, сливая пестрые понятія людей ограниченныхъ, не дальнихъ, въ общій сосудъ вѣры, надежды и любви“.

Много глубины мысли встрѣчается и въ приказахъ Ивана Никитича, а потому приводимъ ниже нѣсколько выдержекъ изъ нихъ, имѣющихъ огромное значеніе и для воспитанія современнаго солдата.

I.

Приказъ рекрутамъ.

Осмотрѣвъ недавно поступившихъ рекрутъ въ баталіоны, при корпусной квартирѣ расположенные, къ полному удовольствію нашелъ я ихъ молодцами, хоть куда; ходятъ, какъ ученые, а смотрятъ,

какъ орлы, однимъ словомъ, ребята впрямь на военную руку. Приятно на нихъ поглядѣть, а пріятнѣе ихъ показать батюшкѣ Бѣлому Царю, который, какъ снѣгъ на голову, не утерпитъ, чтобъ не взглянуть на насъ и не порадоваться на дѣтей своихъ. Смотрите, ребята, держите ухо востро, не ударьте меня и себя лицомъ въ грязь, не у каждаго изъ васъ есть учителя, но у каждаго есть голова съ глазами; глядите десять на одного и старайтесь перенимать;—наше дѣло не мудрое, но любить охоту и усердію тотчасъ покореется. На то насъ Богъ создалъ, чтобъ сперва выучиться метать артикулъ, а потомъ бить проклятыхъ басурмановъ, какъ комаровъ, когда они непрошенные въ глаза лѣзутъ. Ремесло славное, хорошее, лишь надобно хорошо понять. Кто изъ васъ не знаетъ, что безъ воли Божіей и волосъ съ головы человѣка не спадаетъ;—стало быть, и мы въ солдаты поступили по святой волѣ Царя Небеснаго, для защиты храма Пресвятой Богородицы, для славы Отца нашего Великаго Государя и для спокойствія Отечества. На бѣломъ свѣтѣ есть разныя притчи: другому и дома не лучше нашего, все кажется ладно, а поглядишь у Карпа глазъ лопнулъ, Глѣбъ совсѣмъ ослѣпъ, а Тришку бревномъ прихватило и поминай, какъ звали.

Вездѣ, друзья, дѣла дѣлаются, какъ на небѣ написано; одному хорошо, другому дурно, а лучше всѣхъ именно намъ, живемъ мы для Господа Бога и умереть всегда для него готовы,—стало, дѣло наше сдѣлано, и такъ будь съ нами Его святая воля. Весною я поѣду всѣхъ смотрѣть и въ комъ найду охоту, похваляю сильно, но кто не радѣтъ, поѣмку крѣпко,—а здѣсь всѣ какъ-будто сговорились, такъ и лѣзутъ въ гору и разсердятся не на кого. До свиданія, товарищи, Христосъ съ вами! Знаю, что всѣ вы одного поля ягоды, будете стараться узнать свое дѣло и не доведете меня до дурного слова. Забота о солдатскомъ здоровьи—священнѣйшая обязанность наша, но тотъ не солдатъ еще, кто ружьемъ владѣтъ слабо, ходитъ какъ мужикъ; чтобъ побѣдить этакихъ неучей и мнѣ, безрукому, подюжины мало!

Прямой солдатъ и безъ оружія въ рукахъ, одною только воинственною фигурой, бодрою смѣлою походкой, быстрымъ орлинымъ взоромъ впуститъ морозъ въ неприятельскую шкуру. Вотъ что значитъ—славный, побѣдоносный русскій солдатъ и до чего должны мы достигать всѣми возможными и зависящими отъ насъ средствами, а изъ сего слѣдуетъ, что работы надобно умѣть дѣлать на силу и мастерство солдатъ, съ однимъ безъ другого онъ какъ ракъ на мели.

Командиръ резервной бригады 17 пѣх. див. не понятъ сужденія моего объ этомъ предметѣ, при первомъ свиданіи нашемъ, и потому приказъ сей относится прямо къ особѣ Его Высокоблагородія.

II.

Слово къ солдатамъ, слѣдующимъ на службу въ дѣйствующую армію.

Товарищи! Въ часъ выступленія нашего изъ Зарайска, при дурной погодѣ, при дурномъ, хиломъ здоровьи мнѣ не удалось проститься

съ вами и лично сказать полное спасибо за отличное поведение и усердную службу, чѣмъ радовали вы сердце мое, находясь подъ моимъ начальствомъ. Но присноравливаясь къ пословицѣ, что лучше поздно, чѣмъ никогда, и что для хорошаго дѣла всегда время, посылаю вамъ благодарность мою вдогонку съ искреннимъ желаніемъ здоровья, чести и славы.

Настало время, что и я вамъ завидую, ребята, но были, какъ говорится, рога въ торгу, хаживали и мы въ заморскія земли; поглядывали и на насъ заморскія красавицы, завидовали и намъ лѣнныя лежебоки. Теперь, какъ кровь грѣть перестала, хочешь—не хочешь, а пришлось полежать. Но это не конецъ: не дай Богъ войны! если же рокъ судилъ быть ей, хоть крови нѣтъ, закипитъ мозгъ въ костяхъ; у старыхъ солдатъ насчетъ немощей была нѣкогда поговорка: „не штука въ сапогахъ, штука босикомъ“. Ударить часъ воли Божіей, и мы, старики, какъ пить дадимъ, примкнемъ къ рядамъ молодыхъ героевъ, и не бось, не ударимъ оба лицомъ въ грязь. Вы слѣдуете въ дѣйствующую армію подъ предводительство знаменитаго полководца князя Варшавскаго, Графа Паскевича Эриванскаго. Грозенъ супостату въ мощной длани его всепоражающей булатный мечъ-кладенецъ: весело—служить подъ командою храбраго. Гдѣ же взять терпѣнія, чтобъ просидѣть покойно, въ лазаретномъ колпакѣ, услыша сладкій душѣ воина свистъ свинцовыхъ орѣховъ, чтобы не поспѣшить подъ сѣнь побѣдоносныхъ русскихъ орловъ, если придется потянуться съ врагами за вѣру Христову, за славу, за честь отечества и за святую нашу русскую землю: у насъ такая натура: мы не тронемъ, и насъ не замай! На драку не лѣземъ, отъ драки не прочь, откликнулись востряки! Давай ихъ сюда; любо не любо просимъ не пѣнять, не равно выворотимъ пріятелямъ шкуру, что и свои не узнаютъ. Никто не знаетъ, кому какой маршрутъ на небѣ написанъ, посему я не отчаиваюсь, ребята, вновь служить съ вами подъ знаменами на поляхъ чести. Авось, вмѣстѣ будемъ благодарить Господа силъ за дарованная намъ побѣды, разомъ гаркнемъ „ура!“ молодцу Фельдмаршалу и изъ одного котла хватимъ по чаркѣ зелена вина за драгоценное здоровье батюшки Бѣлаго Царя. Знаю и увѣренъ, что ни одного изъ васъ нѣтъ способнаго истребить въ душѣ своей вѣру Христову, измѣнить, обезобразить въ себѣ святость присяги и сдѣлаться подлымъ преступникомъ, проклятія и презрѣнія достойнымъ, слѣдственно не опасаясь, чтобы вы огорчили меня и осрамили лестныя надежды мои на похвальный образъ мыслей вашихъ.

Служите вѣрно, точно, постоянно, не переставайте исключительно въ однихъ только добродѣтельныхъ христіанскихъ подвигахъ искать себѣ награды отъ Царя небеснаго, отъ Царя земного.

III.

Въ десяти баталіонахъ, до сего мною осматрѣнныхъ, нашелъ я слѣдующее:

1. Отличное поведение нижнихъ чиновъ, кроткое дружелюбное ихъ обращеніе съ жителями свидѣлствуются не тѣмъ только, что

жалобъ нѣтъ, чего тоже было бы довольно, но не было города, села и деревни, гдѣ бѣ не являлись ко мнѣ власти съ благодарностью за столь примѣрно похвальное квартированіе Высочайше вѣрен-ныхъ мнѣ войскъ, а и это добрый знакъ, что люди при сборѣ въ лѣтнее время будутъ имѣть добрую приварку.

2. Солдаты веселы, здоровы и глядятъ бодро.

Больныхъ въ резервной дивизіи 5 пѣхотнаго корпуса мало, а въ резервной дивизіи 3 пѣхотнаго корпуса вовсе нѣтъ. Амуниція содержится въ изрядномъ примотрѣ и отвѣчаетъ исправности, сро-ками службы требующейся.

3. Стойка и выправка, составляющія украшенія людей въ мирное и наносящія страхъ врагу въ военное время, отлично хороши.

Но что у Г.г. баталіонныхъ командировъ недостаетъ многого, а именно: а) шагъ не во всѣхъ баталіонахъ одинаково ровный, въ одномъ чаще, въ другомъ рѣже, но въ томъ и другомъ случаѣ тактъ не вѣренъ, при построеніяхъ люди шевелятся, суетятся, и тѣмъ съ успѣхомъ поселяютъ мысль, что они въ дѣлѣ своемъ не тверды; изъ всѣхъ въ этомъ отношеніи лучший резервный баталіонъ Могилевскаго пѣхотнаго полка; б) унтеръ-офицеры по этой части заслуживаютъ особеннаго взысканія и даже строжайшаго преслѣдованія, они всюду бродили безъ вниманія, ровнялись дурно, ружья заваливали, что всего дурнѣе и безобразнѣе!

Подобный примѣръ, безъ сомнѣнія, не велить соблюдать молодымъ неопытнымъ солдатамъ счастливаго о строевой службѣ по-нятія.

Да будетъ извѣстно вамъ, милостивые государи, гг. баталіон-ные командиры, что по тишинѣ и спокойствію фронта, судится субор-динація службы и по этимъ святымъ догматамъ военной вѣры безъ ошибки можно опредѣлить чистоту службы и подписать аттестатъ нашъ.

Наконецъ 4-е, если въ нѣкоторыхъ баталіонахъ были ошибки гг. офицеровъ, такъ онѣ такъ мало значущи, что говорить о нихъ при первой встрѣчѣ не стоитъ, но при второй безъ этого не обой-дется. А въ заключеніе:

Командующему резервною дивизіею 5-го пѣхотнаго корпуса рекомендую бросить взоръ на форму одежды гг. офицеровъ и вну-шить имъ, что неопрятность наружная есть вывѣска неопрятности внутренней.

Всѣ начальники отъ большого до малаго и обратно, отъ малаго до большого, при первомъ возрѣніи на вѣренную имъ часть тотчасъ видны, служатъ они, или только что живутъ въ службѣ, по смыслу старинной поговорки: „кое-какъ, понемножку, черезъ ножку ковыляемъ, а день прошелъ и до насъ дошелъ“. Правило хотя и головоломное, но мирное и не зазорное, только вовсе не къ лицу человѣка, должен-ствующаго дѣйствовать на память людей, къ чести, славѣ отечества рожденныхъ.

Если-бы возможно было побѣждать непріятеля вилами, то и ви-лами владѣть все-таки надобно бы было учиться и тогда безъ сомнѣнія потребовалось бы мастерство.

Земной поклонъ отъ признательныхъ соотечественниковъ, умѣю-

щихъ достойно и праведно цѣнить благородныя жертвы храбрыхъ защитниковъ родного края. Не переставайте убѣждать себя въ неоспоримой истинѣ, что послѣ Бога, Государя и отечества, послѣ столь священныхъ намъ предметовъ, съ непоколебимымъ спокойствіемъ, славою и честію коихъ сопряжены счастье и слава нашего быта, все прочее вздоръ, суета, соблазнъ! Живой живое думаетъ. Гора только съ горою не сходится, человѣкъ съ человѣкомъ, кому продлить Богъ живота и вѣку, такъ или сякъ столкнется. Авось увидимся, надобно только усердно молить Господа-Покровителя о дарованіи намъ силъ бороть въ себѣ пагубныя страсти, направлять каждый шагъ свой къ пользѣ вѣры Христовой, закона Государева и собственной души, чтобъ упрочить ей раздолье за гробомъ".

IV.

Слово старымъ солдатамъ товарищамъ.

Военная сила съ русскимъ солдатомъ изъ вѣка шла въ рядахъ и въ ногу. Отъ времени, изъ памяти людей истребившихся, и до настоящаго мирныхъ, покойныхъ дней, славное имя грозныхъ дѣтей сѣвера гремѣло въ цѣломъ свѣтѣ. Дружьями оно произносилось съ уваженіемъ, врагами съ трепетомъ. Соотечественники, гордясь храбрыми своими защитниками, и на усердныхъ молитвахъ и на веселыхъ пиряхъ вспоминали о нихъ съ благодарностью и восторгомъ. На кровавыхъ поляхъ чести русскіе герои не знали преградъ и не встрѣчали препятствій. Смертный огонь и роковыя непріятельскія батареи казались имъ разудалымъ кулачнымъ боемъ въ масляницу. Великимъ постомъ считали они время, доколѣ не разрѣшенъ бывалъ штурмъ и доколѣ военный кликъ „ура“ не колебалъ воздухъ, не потрясалъ земли! Но лишь молодецкое слово: „въ штыки!“ достигало ихъ слуха, русскимъ героямъ наступалъ свѣтлый праздникъ и... чрезъ нѣсколько минутъ мастерской работы они цѣловались, даже мѣнялись непріятельскими трофеями.

Страхъ смерти не знакомъ былъ богатырямъ знаменитымъ русскимъ солдатамъ, святая вѣра, Царь и честь царства были ихъ знаменами; пламенная любовь къ этимъ драгоценнымъ предметамъ горѣла въ каменной груди каждаго изъ нихъ и ретивое сердце каждаго готово было вырваться и раздребезжиться при малѣйшей въ бою неудачѣ, но неудачъ они не знали, у нихъ было два лазунга: отвалить басурмана, чтобъ шерсть не выросла, и жить со славою, или умереть за святую вѣру и на судъ страшномъ стать одесную. Подлая трусость, преступная лѣнь и богопротивная измѣна присягѣ всегда признавались у насъ порокомъ ужаснымъ, гнуснымъ, непростительнымъ. Напротивъ того, приверженность къ религіи, вѣрность къ Государю, любовь къ отечеству и храбрость въ бою, въ лицѣ война, понимающаго священные обязанности, постигающаго удѣлъ, ожидающій его за чертою честной выслуги опредѣленного срока, и усматривающаго неизбѣжный конецъ сей временной, бурной и многоиспы-

тательной жизни,—считалось дѣломъ святымъ, должнымъ, обыкновеннымъ; такъ чувствовалъ русскій солдатъ, къ вѣрѣ чести и славы направленный. И изъ сей-то патріотической, спасительной и похвальной мысли, время отъ времени, составилъ благотворный источникъ, изъ котораго излилась славная независимость матери нашей русской земли. Оковы татаръ и поляковъ, бывшія нѣкогда тяжкимъ ярмомъ страдальцевъ праотцевъ нашихъ, обратились въ лавровые вѣнки, святая русская земля усвоила и усыновила себѣ новыя земли и русскій въ полѣ славы, по повелѣнію помазанниковъ Божіихъ, царей своихъ, стѣснявшимъ прежде святую Русь заморскимъ проказникамъ-штыкомъ сталъ писать законы. Не говоря о блестящихъ побѣдахъ отцовъ и праотцевъ нашихъ, для исчисления которыхъ потребовалось бы нарочитое время, спросимъ, что сдѣлали русскіе солдаты подъ начальствомъ славныхъ вождей своихъ и въ послѣднія даже 40 лѣтъ. Съ Суворовымъ они перешагнули Чертовъ мостъ и прежде, нежели въ Тартарѣ полученъ былъ рапортъ, прежде нежели сатана далъ резолюцію, молодцы на могучихъ плечахъ, съ помощью офицерскихъ шарфовъ, передвинули и пушки, и двуглавый нашъ орелъ парилъ уже на неизмѣримой горѣ выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго. Это чудо изъ чудесъ, гаркнулъ народъ Божій; русскіе не устали и меня, со вздохомъ, шепнула побѣждаемая природа, съ чѣмъ вмѣстѣ у добрыхъ нѣмцевъ мурашки по кожѣ заползали, а у хвастунишковъ французишковъ поджилки затрепетали.

Давно уже просвѣщеніе и наука озаряютъ умъ людей, но честолюбіе, славолюбіе, себялюбіе, пагубная ихъ спутница зависть, отъ праотца Адама, не переставали грызть сердце человѣческое. За нѣсколько еще столѣтій предъ симъ, воинственные Цари и счастливые оружіемъ военачальники въ борьбу со шведами ломали себѣ голову, предпринимая перенестись на противоположный берегъ за Финскій заливъ и симъ нечаяннымъ впаденіемъ въ утробу Швеции произвести въ непріятельской землѣ бѣдственную кутерьму. Наконецъ, сочтя дѣло это несбыточнымъ, отложивъ попеченіе, вовсе оставили мысль эту, но Провидѣніе готовило новый вѣнецъ русскому орлу.

Оскорбленный кичливою непреклонностью шведовъ, Александръ Благословенный повелѣлъ вождю своему Барклаю-де-Толли,—и горсть неустрашимыхъ близъ ста верстъ перелетѣла заливъ по ненадежному льду, держала надъ храбрыми въ свою очередь шведами блестящую побѣду и съ приобрѣтенною громкою славою, съ богатою военною добычею и трофеями возвратилась однимъ и тѣмъ же путемъ. Столь отчаянный подвигъ удивилъ людей всѣхъ концовъ земли, изумилъ птицъ, устрасилъ рыбъ и самый даже ледъ ужаснымъ стономъ и трескомъ, казалось, давалъ чувствовать, что онъ гордился тяжестью русскихъ дружинъ, спасалъ разудалыхъ молодцовъ, въ отчаяніи и храбрости примѣра не имѣющихъ.

Мы живемъ въ тѣ именно времена, когда искусства и грамотная премудрость льются къ намъ струями, ихъ черпаютъ и глотаютъ вострѣчный и поперечный. Нынѣ у насъ всѣ почти поголовно знаютъ исторію въ роскошной праздности павіиныхъ, а наконецъ и вообще уничтожившихся царствъ, но никто не найдетъ странички, могущей указать хотя на одну изъ упокоившихся въ вѣчной памяти

монархій, которая въ рѣшительную минуту своего паденія была въ положеніи худшемъ противъ того, въ какомъ находилась Россія въ 1812 году.

Наполеонъ, дивный геній различными превратностями преисполненнаго вѣка, бичъ, созданный на страхъ и гибель смертнымъ, съ двадцатью языками, съ полчищами безъ числа, съ пушками безъ счета, и и съ порохомъ безъ вѣса, врѣзался въ самое сердце Россіи.

Прощай, добрый народъ, былъ общій гласъ всѣхъ добрыхъ людей. Вѣчная память самостоятельности и славы могучей державы, бормотали по-своему злобные исполнители варварской воли, подрывая святыи Кремль въ матушкѣ бѣлокаменной Москвѣ. Но кончилось не тѣмъ: прочтите со вниманіемъ собственно для васъ по Высочайшему соизволенію изданную мною книжку подъ названіемъ „Подарокъ товарищамъ“, въ ней увидите козни враговъ, терпѣніе благовѣрнаго Царя, благородный порывъ русскаго народа и необыкновенную храбрость русскихъ солдатъ. Порхнулъ ангелъ въ небо, не стало Александра Благословеннаго, мудраго и въ политикѣ не подражаемаго монарха, съ чѣмъ вмѣстѣ персіяне, турки, а наконецъ и кровная собственность наша, поляки вздумали измѣрить силу ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ. Но вы знаете, что обожглись на молочкѣ старички сердечные и теперь еще дуютъ на водичу.

Указавъ на достоинство, труды и храбрость русскихъ солдатъ въ бояхъ противъ враговъ, къ слову пришлось указать вамъ, товарищи, на средства, которыми и безъ драки съ неприятелемъ честный добрый солдатъ легко заслужить можетъ всемилостивѣйшее благоволеніе Монарха, возбудить всеобщее уваженіе и ощущать въ себѣ торжество честолюбія и чести. Есть мирныя добродѣтели, которыя не только не уступаютъ военнымъ доблестямъ, но и превосходятъ оныя. Къ симъ то именно добродѣтелямъ ведетъ насъ счастливая звѣзда.

Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть отнынѣ впредь всѣхъ солдатъ, безпорочно 15 лѣтъ выслужившихъ, обращать въ резервную пѣхоту, а не дослужившихъ сего термина отправлять въ дѣйствующую армію. Это значитъ, чтобы старые солдаты были учителями, а молодые не опытные—учениками, и къ намъ же направляются всѣ преступники, для исправленія изуродованной и искажившейся въ нихъ нравственности.

Вотъ обширное поле христіанскому сердцу къ произрашенію благихъ богоугодныхъ плодовъ, научите ихъ вѣрѣ и вѣрности, терпѣнію и покорности. Самъ Христосъ Искупитель рода христіанскаго, оставилъ намъ разительный примѣръ безропотнаго страданія; влейте въ грудь грѣшниковъ отрадную надежду въ Господа Бога, согрѣйте сердце его религіею, научите знать Творца во всѣхъ предметахъ, во всѣхъ движеніяхъ вселенной видимаго, спасите заблудшаго отъ гибели, поставьте его на дорогу къ чести, укажите путь къ славѣ, сдѣлайте изъ него покорнаго исполнителя священныхъ и гражданскихъ законовъ, поборите въ немъ пагубныя вредныя ему самому и обществу страсти, заставьте быть христіаниномъ, героемъ, молодцомъ употребите на это великое дѣло вашу благоразумною смѣтку, и если трудъ оправдается успѣхомъ, вы сдѣлаете далеко болѣе богатырей, предѣстниковъ вашихъ, угодите Богу, окажете важную и истинную

заслугу Царю и отечеству и выполните священную обязанность, нынѣ на душѣ и совѣсти нашей лежащую. Трудная борьба съ врагомъ искusstелемъ рода христiанскаго, за то мысль о будущемъ плѣнительна вознесшемся надъ слабостями и поставившему себя выше соблазна. Но человѣкъ, убѣжденный ужь въ несомнѣнной истинѣ, что есть Верховный Судья и будетъ воздаяніе каждому по дѣламъ своимъ, ограничивая въ себѣ буйную волю и ограждая себя отъ порока, всегда смѣль, бодръ и въ часъ смерти веселъ.

Молодой неопытный рекрутъ есть пустой кошель, отъ воли ума зависить, чѣмъ пустоту эту наполнить. Часто первая встрѣча рекрута со старымъ порядочнымъ солдатомъ рѣшаетъ жребій его на всю жизнь. Первый урокъ весьма силенъ—заложить въ унылую осиротѣвшую душу грустнаго новичка фундаментъ къ добру и злу и часто отъ сей только скользкой минуты зависить возвращеніе его на милую родину, или вѣчная разлука съ милыми сердцу. Теперь, товарищи, положите руку на сердце, разочтите драгоценныя выгоды ваши, вы ясно увидите, что быть спасителемъ несчастнаго ближняго есть лестная награда бдящаго Промысла. Надобно только умѣть воспользо-ваться столь щедрымъ даромъ милосердаго къ намъ неба. Не ученый и не просвѣщенный опытами человѣкъ тоже, что жалкій слѣпецъ безъ вожаго, упاداющій въ яму на пути къ цѣли; но не каждому судить Богъ встрѣтить науки въ молодости, у всякаго свой талантъ. Счастливыхъ воспитываютъ родители, счастливейшихъ образуетъ попечительное правительство, мы, отторгнутые суровымъ жребіемъ отъ средствъ къ наукамъ, имѣя, впрочемъ, по милости Божіей: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе, читая въ каждомъ растеніи, на каждомъ древесномъ листкѣ непреложную волю Творца, видя на лицѣ земли и въ небесахъ единообразное и неукоснительное исполненіе предписаннаго Создателемъ закона, который даже и муравей понялъ, являя собою примѣръ слѣпому къ властямъ повиновенія, должны ли чувствами любви, надежды, благодарности быть ниже ученыхъ людей, должны ли думать, что крылья вѣры нашей короче и что пространство къ Богу для насъ неизмѣримѣ, должны ли менѣе любить Его, менѣе на Него надѣяться, и съ понятіемъ, жалкому невѣжеству свойственнымъ, пасть до степени презрѣнія, даже и отъ насѣкомыхъ, неутомимо двигающихся и въ пользу общаго согласія безъ уговону трудящихся.

Нѣтъ, друзья, не такъ; „въ корень не голень, такъ на пристяжку хорошъ“, говоритъ пословица. Отчаяніе удѣлъ глупости, разврата и смертный грѣхъ. Не переставая по возможности учиться сами, будемъ вести молодыхъ нашихъ героевъ по слѣдамъ вѣры, не перестанемъ дышать въ пользу религіи, Царя и отечества, будемъ любить покровителя сиротъ всемогущаго Бога, всемъ сердцемъ принадлежать Ему всѣми чувствами, всѣми намѣреніями и помышленіями, хранить искреннюю преданность Монарху, покорность къ началству и уваженіе къ почтенной сѣдинѣ, увѣримся и безъ сомнѣнія не обманемся, что на этомъ благонадежномъ, благотворномъ пути и одного только ржаного сухаря не придется намъ дать за всѣхъ науки грамотѣвъ, въ безвѣрніи бѣснующихся и ко вреду ближняго существующихъ.

Нѣтъ ничего величественнѣе Бога и нѣтъ ничего утѣшительнѣе, какъ уповать на Его всевышую благодать, жить безъ порока, и умирать безъ страха.

Вотъ всѣхъ высокихъ наукъ казовой конецъ¹⁾.

Изъ этихъ немудрыхъ приказовъ мы видимъ, кто показалъ Михаилу Дмитріевичу дорогу къ солдатскому сердцу, кто своимъ опытомъ научилъ повелѣвать массами, на какихъ узорахъ вылились рѣчи Михаила Дмитріевича къ солдатамъ, на примѣръ, въ бояхъ на Зеленыхъ горахъ:

„Поздравляю васъ, славно отбили атаку. Смотрите же, честно стоять за вѣру, престоль и отечество.

Послужите, братцы, Богу и великому Государю!“

5. *Опредѣленіе въ военную службу.*

Лѣтомъ 1858 года Михаилъ Дмитріевичъ пятнадцатилѣтнимъ юношей пріѣхалъ изъ Парижскаго пансіона въ Петербургъ и, подъ руководствомъ академика А. В. Никитенко, подготовлялся къ экзамену на аттестатъ зрѣлости профессоромъ Львомъ Николаевичемъ Модзалевскимъ въ теченіе 1858, 1859, 1860 и 1861 гг. Затѣмъ выдержалъ вступительный экзаменъ на физико-математическій факультетъ Петербургскаго Университета въ августѣ 1861 г., но по закрытіи университета, вслѣдствіе бывшихъ студенческихъ волненій, М. Д. 22 ноября 1861 г. поступилъ вольноопредѣляющимся въ Кавалергардскій полкъ. 19 декабря 1861 г. переименованъ въ юнкера; 8 сентября 1862 г., по выдержаніи офицерскаго экзамена, переименованъ въ портупей-юнкера, а 31 марта 1863 г. произведенъ въ корнеты въ тотъ же полкъ. Послѣ годичной службы въ Кавалергардскомъ полку онъ былъ командированъ ординарцемъ къ генералъ-адъютанту графу Баранову въ Варшаву и затѣмъ 19 марта 1864 г. переведенъ въ Л. Гв. Гродненскій гусарскій полкъ¹⁾.

Находясь въ двадцативосьмидневномъ отпуску для свиданія съ отцомъ, служившимъ тогда въ Царствѣ Польскомъ, М. Д. случайно встрѣтился въ Августовской губерніи съ Л. Гв. Преображенскимъ полкомъ, преслѣдовавшимъ банду Шпака. Этого было достаточно, чтобы, вмѣсто продолженія пути къ отцу, М. Д. провелъ свой отпускъ въ

¹⁾ С. А. Панчулидзе въ „Исторія Кавалергардовъ. СПб. 1908 г.“, стр. 237, помѣтилъ въ биографіи М. Д. Скобелева слѣдующій любопытный документъ, извлеченный имъ изъ полковаго архива 1864 г. д. № 28: „Свидѣтельство. Кавалергардскаго полка корнетъ Скобелевъ, вслѣдствіе неоднократнаго паденія съ лошади и ушибовъ, полученныхъ отъ нея въ грудь, часто чувствуетъ тупую боль въ груди; при пошеивіи же кирасы всякій разъ боль эта усиливается; а потому я нахожу необходимымъ для него, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ, перемѣнить родъ службы и поступить въ легкую кавалерію. Въ удостовѣреніе чего свидѣтельствую 1864 года марта 7 дня. С.-Петербургъ № 54. Подписаль: Старшій Лекаръ Надворный Совѣтникъ Медико-Хирургъ Стеткевичъ“.

поискахъ и погонѣ за бандой въ качествѣ волонтера при Л. Гв. Преображенскомъ полку.

Скобелевъ прибылъ въ Гродненскій полкъ 31 марта 1864 г., а 7-го апрѣля того-же года, въ составѣ летучаго отряда подъ общимъ начальствомъ войскового старшины Занкисова, получилъ первое боевое крещеніе въ стычкахъ съ шайкою поляковъ Шеміота въ Радковицкомъ лѣсу. За личную храбрость въ этомъ дѣлѣ М. Д. пожалована первая боевая награда 10 июня 1865 г.—орденъ Св. Анны 4 степени съ надписью „За храбрость“¹⁾.

Послѣ возвращенія М. Д. изъ отпуска въ Гродненскій гусарскій полкъ, не было ни одной экспедиціи противъ польскихъ мятежниковъ, гдѣ бы онъ не участвовалъ, но, къ сожалѣнію, не было уже горячихъ дѣлъ, такъ какъ банды почти повсемѣстно стали сдаваться безъ боя.

По окончаніи военныхъ дѣйствій въ Польшѣ, М. Д. остался служить въ томъ же Гродненскомъ полку. Онъ тогда уже началъ проявлять задатки недюжинной богатой духомъ и свѣтлымъ умомъ чисто военной натуры. Гусарь трудно удивить лихостью и молодечествомъ, присущимъ молодымъ офицерамъ, но и между такими смѣльчаками М. Д. частенько являлся инициаторомъ предпріятій, гдѣ смѣлымъ, по нашей поговоркѣ, только Богъ владѣть. Напримѣръ, во время осенняго ледохода, рискуя жизнью, онъ вмѣстѣ съ товарищемъ Вейсомъ переплылъ Вислу, чтобы доказать товарищамъ, что такое предпріятіе возможно при надлежащемъ развитіи духа рѣшимости. Однажды онъ сдѣлалъ прыжокъ въ паркъ изъ второго этажа своей квартиры, все съ тою же цѣлью оправданія поговорки: „смѣлымъ Богъ владѣть“. Очевидно, что въ полковомъ кружкѣ товарищей ему не было смысла удивлять и рисоваться лихостью и, если онъ это дѣлалъ, то отдавая лишь дань своей кипучей, жаждавшей дѣятельности и сильныхъ ощущений натурѣ. Въ службѣ онъ много занимался военною исторіею и тщательно изучалъ различныя кампаніи, запираясь на ключъ отъ товарищей. Часто съ циркулемъ и карандашемъ въ рукахъ, сидя за столомъ или даже лежа на полу надъ планами, занимавшими половину комнаты, онъ проводилъ цѣлые дни самъ—другъ съ военною исторіею. Уже въ это время онъ часто говорилъ о походѣ въ Азію.

Служа въ Гродненскихъ гусарахъ, М. Д. былъ неоднократно посылаемъ, какъ лихой и расторопный офицеръ, съ дипломатическими бумагами отъ Намѣстника фельдмаршала графа Берга въ Парижъ, Берлинъ, Вѣну, Дрезденъ и Торнъ. Скобелевъ съ нынѣ здравствующимъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ, тогда тоже поручикомъ Гродненскаго полка, былъ въ составѣ эскадрона представителей на погребеніи въ Петербургѣ своего Шефа—Цесаревича Ни-

¹⁾ С. А. Панчулидзевъ на страницѣ 237 своей „Исторіи Кавалергардовъ“ приводитъ слѣдующую справку изъ награднаго листа о пожалованіи М. Д. Скобелеву первой боевой награды, навлеченную изъ Общаго арх. Главнаго Штаба инсп. департ., 3 отд., 1 ст., 1865 г. д. 167, стр. 8.

„Прямое и отличное исполненіе приказаній, а также оказанное мужество при взытіи въ плѣнъ доудда Безкишкина, 15 апрѣля, вполнѣ заслуживаютъ награды Св. Анны 4 ст. за храбрость. Подполковникъ Занкисовъ 20 мая 1864 г. Варшава“.

колая Александровича. Онъ, какъ квартиргеръ, выѣхалъ впередъ въ Петербургъ для приѣма помѣщеній для сборнаго эскадрона въ казармахъ Л. Гв. Коннаго полка.

Въ 1864 году Скобелевъ ѣздилъ въ заграничный отпускъ. Не поспѣвъ къ войнѣ датчанъ съ пруссаками, онъ все же на мѣстѣ осмотрѣлъ и изучилъ театръ войны. Онъ тогда уже составилъ себѣ убѣжденіе, что всякій настоящій военный обязанъ изучать военное дѣло не въ теоріи только, а и на практикѣ, пользуясь всякимъ удобнымъ для того случаемъ. Его особенно интересовало дѣйствіе новыхъ игольчатыхъ ружей, долженствовавшихъ произвести переворотъ въ современной тактикѣ. По его словамъ, нигдѣ нельзя лучше научиться военному искусству, какъ только на войнѣ. Вотъ разгадка, почему его, по окончаніи академіи, тотчасъ потянуло въ Туркестанъ, въ практическую военную школу. Г-жа Новикова записала съ его словъ слѣдующую фразу: „главное условіе для каждаго офицера—привычка къ опасности и отвѣтственности командовать подъ огнемъ“. Подобная привычка, уравнивавшая опасность по предшествовавшимъ опытамъ, ободряетъ на болѣе свободныя дѣйствія противъ враговъ.

30 августа 1864 г. М. Д. былъ произведенъ въ поручики. 16 декабря 1865 г. перечисленъ въ резервный эскадронъ своего полка, находившійся тогда въ Селищинскихъ казармахъ Новгородской губерніи,—для подготовленія къ поступленію въ академію генеральнаго штаба.

По выдержаніи вступительнаго экзамена (двѣнадцатымъ по списку) М. Д. осенью 1866 г. зачисленъ въ академію. По окончаніи курса въ мартѣ 1868 г., имѣя общій средній баллъ = 10,3, но въ виду того, что по специальнымъ предметамъ у него не хватило трехъ десятыхъ до 10 балловъ, М. Д. былъ выпущенъ изъ академіи по второму разряду, пятымъ по списку.

На вступительныхъ въ академію генеральнаго штаба экзаменахъ М. Д. получилъ слѣдующіе баллы:

Русскій языкъ	11
Математика	9,7
Строевые уставы	7
Артиллерія	9
Фортификація	7
Географія	7,5
Политическая исторія	11
Иностранные языки	12

Средній баллъ 9

Поступилъ 12-мъ по списку.

На экзаменахъ изъ младшаго теоретическаго въ старшій практический курсъ:

Тактика	8
Военная исторія	7

Военная администрація	8
Геодезія	10,5
Съемка	9,5

Средній баллъ по главнымъ предм. 8,6

Артиллерія	9
Фортификація	9,5
Политическая исторія	11
Русскій языкъ	11
Иностранные языки	12

Средній баллъ по вспомогательн. предм. 10,5

Перешелъ въ старшій курсъ 25-мъ по списку.

Въ мартѣ 1868 г. окончилъ курсъ академіи по второму разряду 5 по списку, съ слѣдующими баллами:

Тактика	10,7
Стратегія	12
Военная исторія	12
Военная администрація	9
Военная статистика	8
Геодезія	12
Съемка	10,5

Средній баллъ по главнымъ предм. 9,7¹⁾.

Артиллерія	9
Фортификація	11
Политическая исторія	12
Русскій языкъ	11
Иностранные языки	12

Средній баллъ 10,6

Во время пребыванія Скобелева въ академіи о немъ составились разныя мнѣнія. Товарищи цѣнили его, начальство считало его способнымъ, но лѣнливымъ.

На самомъ дѣлѣ Скобелевъ, подобно большинству замѣчательныхъ людей, не подходилъ подъ общую мѣрку. Онъ занимался съ упоеніемъ тѣмъ, что его привлекало, и часто пренебрегалъ тѣмъ, чего требовала школьная рутина. Нерѣдко Скобелевъ собиралъ вокругъ себя товарищей, читалъ имъ какую-нибудь записку своего сочиненія, касавшуюся походовъ Наполеона, или какого-либо событія изъ русской военной исторіи. Это чтеніе всегда приводило товарищей въ восторгъ, вызывало оживленные споры и разсужденія. Несмотря на то, что Скобелевъ читалъ массу книгъ, начальство было увѣрено, что онъ ровно ничего не дѣлаетъ, на экзаменахъ онъ отвѣчалъ плохо, съ отсебятиной и потому выпущенъ изъ академіи по второму разряду.

¹⁾ Принимая во вниманіе по одинаковымъ предметамъ младшаго и старшаго классовъ баллы средіе за оба года.

6. Причисленіе къ генеральному штабу и начало службы въ Туркестанѣ.

20 мая 1868 г. Скобелевъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры, 19 ноября 1868 г. причисленъ къ генеральному штабу съ назначеніемъ въ штабъ Туркестанскаго военнаго округа.

По прибытіи въ Туркестанъ въ декабрѣ 1868 г. М. Д. участвовалъ въ теченіе 1869 г. въ мелкихъ дѣлахъ на Бухарской границѣ. Вотъ что пишетъ про службу Скобелева въ Туркестанѣ генераль отъ инфантеріи В. Д. Дандевиль ¹⁾.

„Въ декабрѣ 1868 г. въ Ташкентѣ представлялся своему начальнику штабсъ-ротмистръ Л. Гв. Гродненскаго гусарскаго полка Скобелевъ.

Щегольски, но строго по формѣ, одѣтый, свѣтлорусый молодой человекъ, стройный, съ голубыми глазами и твердымъ взглядомъ, стоялъ вытянувшись въ трехъ шагахъ отъ входа въ пріемную. Не вдругъ онъ оставилъ свои короткіе, ясные и вѣжливые отвѣты на разспросы начальника о его службѣ, держась строго officialнаго разговора.

Но, видя желаніе его ближе познакомиться съ извѣстнымъ уже въ генеральномъ штабѣ лихимъ офицеромъ и ѣздокомъ,—послѣ приглашенія въ кабинетъ, онъ разговаривалъ. Выразивъ желаніе послужить въ строю до перехода въ генеральный штабъ, чѣмъ не торопился, штабсъ—ротмистръ Скобелевъ просилъ дать ему возможность быть въ первой экспедиціи, а покуда дать командовать хоть казачьей сотней. Однако начальникъ просилъ его принять покуда въ свое вѣдѣніе съемочную партію, посылаемую въ Самаркандъ для спѣшныхъ работъ въ нашемъ новомъ приобрѣтеніи, на что онъ согласился очень охотно.

Кончивъ это порученіе съ большимъ успѣхомъ, онъ принялъ въ Самаркандѣ 9-ю Сибирскую казачью сотню, съ которой весною 1869 г. вызвался проводить одного изъ начальниковъ, по обычаю, за нѣсколько верстъ, когда тотъ выѣзжалъ изъ Самарканда, который постигъ по дѣламъ службы. Сотня Скобелева, окруживъ почтовый тарантасъ, скакала по рвамъ и канавамъ съ пальбой и джигитовкой и тутъ видно было, что могъ сдѣлать съ этой сотней штабсъ-ротмистръ Скобелевъ, въ короткое время командованія его. Сотня слушалась взмаха его руки, смотрѣла ему въ глаза.

Но это не идетъ къ дѣлу. Расскажу только, какъ штабсъ-ротмистръ Скобелевъ на степномъ конѣ и въ черкесскомъ сѣдлѣ обучалъ свою сотню.

Восхищаясь ловкостью казаковъ, начальникъ штаба (Викторъ Дезидеріевичъ Дандевиль) разспрашивалъ Михаила Дмитріевича, какъ это сьумѣлъ онъ въ короткое время сдѣлать изъ сотни такихъ лихихъ наѣздниковъ?

— „Да вѣдь это не трудно; надобно только имъ показать; они все сдѣлаютъ. Вотъ, напримѣръ, если я переѣду черезъ эту садовую

¹⁾ „Русь“ 1882 г. № 31.

стѣнку, такъ каждый изъ нихъ переѣдетъ. Они легче и сильнѣе насъ, только этого не знаютъ“.

Усомнился однако начальникъ въ возможности переѣхать верхомъ черезъ садовую ограду. Эти ограды дѣлаются всѣ одинаково и образуютъ стѣнку изъ глиняныхъ комьевъ, сложенную на краю неглубокаго, но широкаго рва, дающаго и глину для обмазки стѣны.

Стѣна имѣетъ до 2½ аршинъ въ основаніи и до 3—4 аршинъ вышины, суживаясь кверху и образуя тонкій гребень, обсаженный сухимъ колючимъ кустарникомъ.

Недолго думая, Скобелевъ повернулъ коня къ стѣнѣ; тарантасъ остановился. Подъѣхавъ къ стѣнкѣ, онъ во рву поднялъ коня на дыбы и хлестнулъ нагайкой. Конь ударилъ передними ногами въ верхнюю часть стѣнки, которая обвалилась въ садъ. Еще нагайка—и передняя половина за оградой. Одно мгновеніе лошадь лежала брюхомъ на провалъ въ стѣнѣ, немилосердно брыкая передними и задними ногами и разбивая стѣнку; въ облакъ пыли Скобелевъ работалъ своими ногами и нагайкой. Затѣмъ сверкнули заднія подковы коня, взмахнулъ хвостъ, и—Скобелевъ въ саду. Назадъ уже было легче. Мы оглянулись на сотню, собравшуюся на дорогѣ. Казаки улыбались, но не дивились и не смотрѣли на Скобелева; видно не то еще онъ имъ показывать! Они пристально вглядывались въ въ наши лица, желая видѣть произведенное на насъ впечатлѣніе.

Не тотъ же ли это самый лучший способъ обученія и вдохновенія солдата личнымъ показомъ и примѣромъ, который Скобелевъ употреблялъ всегда и впослѣдствіи и между прочимъ на предсмертномъ маневрѣ при переправѣ вплавъ драгунъ 4-го корпуса 12 іюня 1882 г. Не явно ли, что еще въ самомъ началѣ своей службы Скобелевъ уже былъ увѣренъ въ своемъ умѣнн дѣлать лично, не жалѣя себя, все, что требуется отъ солдата, и прежде его.

Но очевидно, что на этой увѣренности онъ основалъ впослѣдствіи другую сильнѣйшую вѣру—въ то, что, поднявши духъ нашего солдата въ бою опять-таки личнымъ примѣромъ, можно съ нимъ дѣлать чудеса,—вѣру, съ которою онъ совершилъ свои подвиги подъ Ловчей, Плевной, Шейновымъ и Геокъ-Тепе.

Переправа кавалеріи вплавъ была однимъ изъ любимыхъ учебныхъ упражненій штабсъ-ротмистра Скобелева. Въ 1870 году, находясь съ сотнею въ Чиназѣ, онъ не разъ переплывалъ съ нею рѣку Сыръ-Дарью.

Весною 1869 г. Скобелеву удалось въ Туркестанскомъ краѣ показать себя и на дѣлѣ. По распоряженію генерала Абрамова онъ былъ посланъ изъ Самарканда со своею сотнею для преслѣдованія шайки разбойниковъ, грабителей на Бухарской границѣ, о наказаніи которой просилъ генераль-губернатора эмиръ, не могшій съ ней справиться.

Прибывъ на границу къ другой сотнѣ, находившейся подъ начальствомъ корнета, присланнаго въ Туркестанскій край, какъ у насъ говорили „на исправленіе“, и принявши командованіе всѣмъ отрядомъ, штабсъ-ротмистръ Скобелевъ распорядился съ замѣчательною быстротою и искусствомъ, которая могутъ быть вполне оцѣнены только тѣми, кто знаетъ, каковы эти степныя шайки барантачей. Шайка была окружена въ небольшой деревнѣ темною ночью. Казаки

подобрались въ полной тишинѣ и ворвались въ деревушку, гдѣ ночевали разбойники, такъ неожиданно и быстро, что успѣлъ ускокаться только предводитель съ половиною шайки. Остальные послѣ отчаяннаго, но тщетнаго сопротивленія были перевязаны и отосланы Бухарскому эмиру, который повѣсилъ ихъ на базарѣ своей столицы и прислалъ благодарить генераль-губернатора, покойнаго генераль-адъютанта Кауфмана. Послѣ этого о шайкѣ не было слышно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія штабсъ-ротмистра Скобелева въ Самаркандъ, въ Ташкентѣ всѣ были очень удивлены пришедшею оттуда новостью.

Генераль-Абрамовъ извѣщалъ, что вслѣдствіе толковъ, ходящихъ между офицерами Самаркандскаго гарнизона о томъ, что Скобелевъ въ дѣлѣ съ шайкою струсилъ, штабсъ-ротмистръ просить о назначеніи формальнаго слѣдствія, для розысканія причинъ появленія этихъ толковъ. Генераль-адъютантъ Кауфманъ назначилъ слѣдственную комиссію, подъ предсѣдательствомъ полковника, который отправился немедленно въ Самаркандъ.

Произведя слѣдствіе съ полнымъ безпристрастіемъ, всѣми уважаемый полковникъ между прочимъ дозналъ, отъ кого пошли толки, оскорбительные для Скобелева. Оказалось таковыхъ двое: корнетъ Г., вѣроятно, недовольный тѣмъ, что начальство пограничнымъ отрядомъ поручено было Скобелеву, и подполковникъ, въ дѣлѣ съ шайкою не бывшій. Остальные офицеры гарнизона повторяли слышанное отъ этихъ двухъ.

Бывшіе въ ночномъ дѣлѣ офицеры и нижніе чины не показывали ничего похожаго на толки. Многіе не видѣли начальника отряда во время дѣла, да и не могли видѣть, врываясь въ деревню съ разныхъ сторонъ. Бывшіе при Скобелевѣ показали, что, сдѣлавъ всѣ распоряженія, онъ во время драки впотьмахъ стоялъ у одной изъ крайнихъ хатъ и ждалъ исхода спокойно и хладнокровно. Одинъ топографъ показалъ, что еще зимою, во время ночной тревоги въ съемочной партіи, Скобелевъ (легко одѣвавшійся по обыкновенію) сильно дрожалъ, выйдя изъ кибитки. Вотъ и всѣ обвинительные пункты. Виновики слуховъ не могли указать ни одного факта въ свое оправданіе.

Собравъ офицеровъ отряда штабсъ-ротмистра Скобелева, другихъ допрошенныхъ офицеровъ и членовъ слѣдственной комиссіи въ Ташкентѣ, генераль-адъютантъ Кауфманъ въ своемъ кабинетѣ объявилъ имъ, что вся эта исторія весьма прискорбна; что онъ никогда не сомнѣвался въ исходѣ слѣдствія и назначилъ комиссію по желанію штабсъ-ротмистра Скобелева, которому не имѣлъ права отказать; что онъ даже не допускаетъ мысли, чтобы могъ струснуть офицеръ, носящій русскій мундиръ. Затѣмъ генераль-адъютантъ Кауфманъ объявилъ, что считаетъ это дѣло конченнымъ, полагая, что виновники неосновательныхъ слуховъ про своего товарища, такъ блистательно исполнившаго данное ему порученіе, должны чувствовать свою вину послѣ формальнаго разъясненія дѣла¹⁾. Всѣ вышли послѣ молчаливаго поклона.

¹⁾ В. В. Верещагінъ описалъ этотъ фактъ не точно, очевидно, со словъ недоброжелателей Скобелева.

Не удовольствовался однако же этимъ рѣшеніемъ штабсъ-ротмистръ Скобелевъ, видѣвшій во всемъ этомъ дѣлѣ двѣ стороны: одну—формальную, служебную, а другую—частную, товарищескую. Зналъ онъ, что ему, носящему гвардейскій мундиръ, недостаточно обѣлить себя официальнымъ порядкомъ; ему, новому человѣку въ Туркестанскомъ округѣ, удостоенному уже къ переводу въ генеральный штабъ, надобно было не теоретически, а наглядно, показомъ, убѣдить своихъ товарищей, въ дѣлѣ съ нимъ не бывшихъ, въ томъ, что толки про него вздорны и неблагонамѣренны.

Вотъ съ которыхъ поръ Михаилу Дмитріевичу приходилось уже имѣть дѣло съ тѣми, которые ревниво оберегали отъ него свою карьеру, чувствуя его превосходство.

Пожалуй, всѣ видѣли, что молодой Скобелевъ желаетъ сдѣлать карьеру въ Туркестанскомъ краѣ, но какъ же не понять, что всякая карьера можетъ быть зазорна только тогда, когда дѣлающій ее не достоинъ повышеній, не заслужилъ ихъ ничѣмъ особеннымъ, получилъ ихъ по протекціи? Что можно было сказать противъ начинающейся карьеры Скобелева, который въ каждомъ своемъ подвигѣ, въ каждомъ трудѣ дѣлалъ въ десять разъ больше иныхъ, получавшихъ тѣ же повышенія, тѣ же награды?

Онъ тогда уже отдавался дѣлу весь, себя не жалѣя, и приносилъ на пользу этого дѣла твердыя убѣжденія, рѣдкую настойчивость, энергію и способности, выходящія изъ ряда.

За ночное дѣло съ шайкою, о которомъ генераль-адъютантъ Кауфманъ доносилъ и описаніе котораго было въ свое время опубликовано въ „Русскомъ Инвалидѣ“, — штабсъ-ротмистръ Скобелевъ къ тому же ни къ какой наградѣ представленъ не былъ. Въ томъ году онъ представлялся къ очередному ордену за отличное исполненіе съемочныхъ работъ въ долину Заравшана.

Нѣсколько дней спустя послѣ рѣшенія генераль-адъютанта Кауфмана, стало извѣстно, что, выйдя изъ кабинета его, Скобелевъ обратился къ подполковнику П. и корнету Г. съ вопросомъ: „признаютъ ли они послѣ словъ, сказанныхъ командующимъ войсками, что неправы противъ него и что не имѣли основаній распускать противъ него оскорбительные слухи?“ Ему отвѣчали, что формальное разслѣдованіе дѣла не измѣняетъ ихъ оцѣнки его дѣйствій; что они остаются при своихъ мнѣніяхъ о немъ. Какъ правъ былъ Скобелевъ, сдѣлавъ свой вопросъ! Тогда онъ попросилъ позволенія прислать имъ своихъ секундантовъ. Корнетъ отказался стрѣляться со Скобелевымъ, но пошелъ секундantomъ къ подполковнику, принявшему вызовъ.

На другой день, въ ташкентскихъ садахъ, въ 5 часовъ утра, противники сошлись на поединокъ. Щегольски одѣтый, раздушенный, въ бѣлоснѣжныхъ перчаткахъ явился Михаилъ Дмитріевичъ на эту церемонію, какъ на балъ.

Веселымъ расположеніемъ духа, спокойствіемъ и пріятливостью своей онъ очаровалъ не только секундантовъ, но и оскорбителей. Когда противники обмѣнялись первыми, безвредными выстрѣлами и когда Скобелевъ протянулъ свой пистолетъ секунданту, прося снова зарядить, подполковникъ, — старый кавказскій офицеръ, видѣвшій людей подл пулями, былъ такъ пораженъ безстрашнымъ хладнокровіемъ

своего противника, не измѣнившего даже пріятнаго выраженія лица, что протянулъ ему руку и выразилъ сожалѣніе, что, не зная его, дать вѣру чужимъ словамъ.

— „Теперь я вижу“, сказалъ онъ: „что толки о васъ были вздорны: трусы подъ пулями такъ не стоятъ!“

Они обнялись и поцѣловались.

— „Теперь ваша очередь“, обратился Михаилъ Дмитріевичъ къ корнету—секунданту, отказывавшемуся отъ поединка. Общее замѣшательство, совѣщаніе секундантовъ, и корнетъ всталъ на барьеръ. Еще два выстрѣла; корнетъ упалъ съ прострѣленной ногой.

Скобелевъ стрѣлялъ очень хорошо. Хотя и съ легкою раной, но почти два мѣсяца пролежалъ юноша, принявъ нѣсколько посѣщеній Скобелева, и потомъ, по его требованію, въ присутствіи всѣхъ наличныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, объявилъ, что виноватъ передъ Скобелевымъ и что не имѣлъ основанія говорить про него дурно. Тяжело было бѣдному юношѣ, но кто же скажетъ, что онъ не дослужилъ этого урока? Очевидно, нужно было очень сильное и честное нравственное вліяніе Скобелева на юношу, чтобъ возвысить его до откровеннаго и гласнаго сознанія своего проступка. Послѣ этого противники помирились“.

Не знаетъ ли каждый изъ военныхъ людей въ этомъ разсказѣ того же Скобелева, который рыдалъ, какъ ребенокъ, послѣ отмѣны приказа идти на Константинополь? Въ обоихъ случаяхъ у него отнимали завѣтную мечту: и тамъ, и тутъ онъ оскорблялся въ самыхъ чистыхъ стремленіяхъ, въ самыхъ твердыхъ убѣжденіяхъ, терялъ самую радужную надежду. Въ первомъ случаѣ дѣло касалось лично его и онъ всталъ подъ пулю. Во второмъ—онъ не могъ ничѣмъ помочь дѣлу и потерялъ власть надъ собою.

7. Командованіе 9-ю Сибирскою казачьею сотнею.

Съ января до ноября 1870 г. Михаилъ Дмитріевичъ командовалъ 9-ю Сибирскою казачьею сотнею.

Во время предпринятой генераломъ Абрамовымъ шахрисябской экспедиціи, изъ Ура-Тюбе штабсъ-ротмистръ Скобелевъ былъ посланъ 23 августа 1870 г. съ 50-ю казаками 9-ой Сибирской сотни по дорогѣ на Исфане въ Ходжентскомъ уѣздѣ, съ приказаніемъ настигнуть шахрисябскихъ бековъ Джура-бека и Баба-бека съ 300 ч. вооруженныхъ всадниковъ, отложившихся изъ подъ власти бухарскаго эмира и грабившихъ нашъ сосѣдній Зарявшанскій округъ.

Выступивъ изъ Ура-Тюбе 23 августа, въ 12 часовъ дня, Скобелевъ прибылъ къ вечеру въ Зомбарычъ. Здѣсь онъ узналъ отъ жителей, что 22 числа, послѣ заката солнца, къ кишлаку подошла вооруженная шайка, но, не входя въ него, свернула по трудно проходимою горной тропѣ на Исфане.

Скобелевъ немедленно двинулся по тому же пути и, недоходя 4-хъ верстъ до названнаго селенія, остановился для отдыха и развѣдки. Послѣдняя выяснила, что беки дѣйствительно проѣхали прош-

лою ночью по этой дорогѣ, но въ Исфаге не заходили, а, взявъ у жителей барана, продолжали путь по Лейлякской дорогѣ.

Въ 12 час. ночи Скобелевъ пошелъ на Лейлякъ, пославъ извѣстіе о томъ помощнику начальника Ходженскаго уѣзда.

Въ селеніи Кара-Булакѣ отрядъ узналъ, что 23-го утромъ шахрисябцы прослѣдовали черезъ этотъ кишлакъ на Лейлякъ.

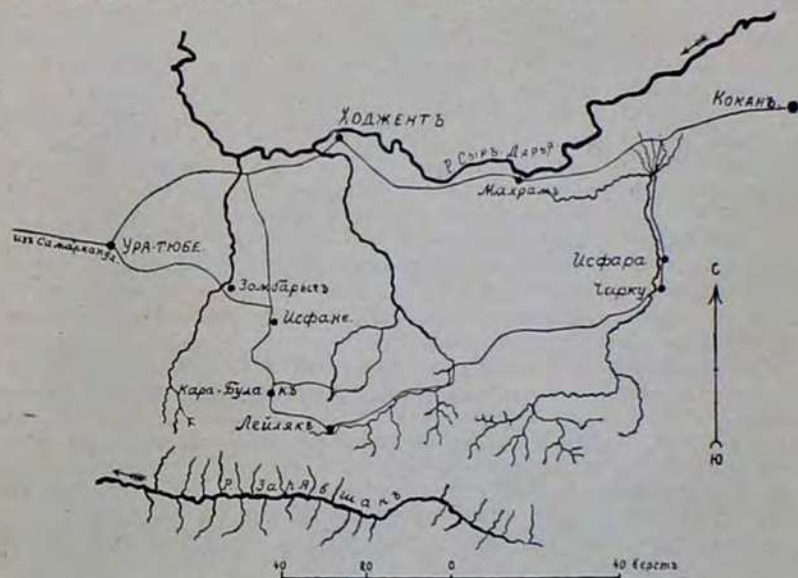

Схема 1.—Районъ дѣйствій Скобелева во время шахрисябской экспедиціи 1870 г.

Киргизскій бій Халыкулъ, узнавъ объ этомъ, бросился со своими джигитами за ними въ погоню.

24 числа, въ 7 часовъ утра, Скобелевъ прибылъ въ Лейлякъ, гдѣ былъ встрѣченъ Халыкуломъ, который доложилъ ему, что онъ преслѣдовалъ бѣглецовъ до границы, перейдя которую, шахрисябцы остановились и встрѣтили его джигитовъ выстрѣлами.

Сила шайки опредѣлялась Халыкуломъ въ 125 всадниковъ, изъ которыхъ 107 вооружены были ружьями. Лошади бѣглецовъ были крайне утомлены.

Давъ своему отряду нѣсколько часовъ отдыха, Скобелевъ въ 3 часа дня, съ цѣлью изгнать изъ нашихъ предѣловъ посты, которые по слухамъ были разставлены Джура-бекомъ на нашей территории, погнался по пятамъ.

Въ тотъ же день, въ 8 час. вечера, Скобелевъ вернулся обратно въ Лейлякъ, не увидѣвъ ни одного непріятеля.

Посланные имъ ночью лазутчики, доставленные Скобелеву Халыкуломъ, на утро сообщили ему точныя свѣдѣнія о пребываніи Джура-бека въ гор. Чарку, отстоящемъ въ 58 верстахъ отъ Лейляка и находящемся въ коканскихъ предѣлахъ.

По ихъ словамъ беки остановились на городскомъ базарѣ и отправили къ хану въ Коканъ гонца просить разрѣшенія явиться къ нему.

Въ то же утро Скобелевъ узналъ, что сто казаковъ прибыло въ Исфаге; это была 8-я Оренбургская сотня, высланная подъ начальствомъ подполковника Ончакова изъ Ходжента.

Опираясь на могущую подкрѣпить его сотню, Скобелевъ рѣшился произвести набѣгъ на Чарку съ цѣлью, какъ онъ доносилъ послѣ въ своемъ рапортѣ, разсѣять въ жителяхъ мнѣніе, не разъ ими повторяемое, что „50 казаковъ не посмѣютъ вступить въ коканскіе предѣлы“. О своемъ намѣреніи онъ сообщилъ подполковнику Ончакову лутчюкой, прося его прибыть непременно въ Лейлякъ къ ночи; вмѣстѣ съ тѣмъ говорилось, что если въ 6 часовъ утра 26-го Ончаковымъ не будетъ получено извѣстіе о Скобелевѣ, то это будетъ значить, что сообщеніе между ними прервано.

За нѣсколько минутъ до выступленія Скобелева изъ Лейляка, сюда прибылъ изъ Ончаковской сотни офицеръ Кириловъ, которому Скобелевъ еще разъ повторилъ и разъяснилъ все изложенное въ запискѣ и просилъ передать командиру сотни просьбу о помощи, если таковая потребуется. Сибирцы выступили изъ Лейляка въ 3 часа пополудни 25 и въ 8 ч. вечера были въ Рабатѣ.

Рабатъ этотъ представлялъ изъ себя прочную каменную постройку, сооруженную Тамерланомъ.

Съ цѣлью имѣть въ тылу опорный пунктъ, а также для того, чтобы сохранить связь съ Оренбургской сотней, Скобелевъ оставилъ здѣсь пикетъ изъ нѣсколькихъ джигитовъ. Здѣсь же, въ Рабатѣ, посланные утромъ лазутчики донесли, что въ полдень Джурабекъ находился еще въ Чарку и не дѣлалъ никакихъ приготовленій къ выступленію.

Сдѣлавъ казакамъ расчетъ для пѣшаго строя на случай боя на уликахъ Чарку, Скобелевъ двинулся туда въ 9 часовъ вечера. Въ 18 верстахъ отъ города, у Чажа-Дара, шедшіе впереди сотни джигиты наткнулись на непріятельскій пикетъ, который, увидя слѣдующихъ за ними русскихъ, поскакалъ по дорогѣ въ Чарку.

Это обстоятельство убѣдило Скобелева, что беки находятся тамъ, и онъ пошелъ крупною рысью, желая ворваться въ городъ на плечахъ пикета.

Вслѣдствіе изнуренія лошадей много казаковъ отстало.

Рисовыя поля и сады сильно затрудняли движеніе, кромѣ того Скобелевъ предполагалъ, что Чарку расположенъ на этой сторонѣ рѣки Ваарвань-су (на 40 верстной картѣ рѣка Исфара), но оказалось, что надо переправиться черезъ рѣку.

Не долго думая, Скобелевъ, а за нимъ и казаки бросились, впадѣвъ, при чемъ двѣ лошади потонули и сбившій съ лошади казакъ Швецовъ потерялъ ружье. Большинство патроновъ было поѣмочено.

Несмотря на все это, Скобелевъ безстрашно проникъ въ городъ до самаго базара, на которомъ, за нѣсколько минутъ до появленія казаковъ, помѣшались шахрисябцы. Встревоженный пикетомъ непріятель бѣжалъ въ Исфару. 28 августа сотни вернулись въ Ура-Тюбе и Ходжентъ.

Джура и Баба-беки напрасно рассчитывали на гостеприимство коканскаго хана.

По повелѣнію его они были задержаны и 9 сентября, выданные русскимъ властямъ, прибыли плѣнниками въ гор. Ташкентъ.

Дальнѣйшая судьба бековъ хорошо характеризуетъ отношеніе Россіи къ побѣжденнымъ.

Оба бывшихъ правителя поступили на нашу службу. Оба умерли: Баба-бекъ—подполковникомъ, а Джура-бекъ—генераль-маіоромъ.

29 декабря 1870 г. Скобелевъ былъ командированъ въ распоряженіе Главнокомандующаго Кавказскою арміею. Съ января по юнь 1871 г. онъ опять командовалъ 9-ю Сибирскою казачьею сотнею. Съ 12 марта 1871 г. Скобелеву была подчинена вся кавалерія Красноводскаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ полковника Столѣтова и съ 13 по 22 мая онъ произвелъ скрытную рекогносцировку на Саракамышъ (путь Мулла-Кара-Узункую, 40 верстъ въ 9 дней, возвращеніе въ Кумъ-Себшенъ 126 вер. въ 16½ часовъ), описанную имъ самимъ и напечатанную въ „Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ С.-Петербургъ 1872 г. т. 8-й № 2.

8. Возвращеніе изъ Турнестана, переводъ въ генеральный штабъ, служба въ Новгородѣ и командованіе баталіономъ въ Ставропольскомъ полку.

Съ 23 іюля 1871 г. Михаилъ Дмитріевичъ находился въ одиннадцати—мѣсячномъ отпуску въ Россіи.

25 апрѣля 1872 г. онъ былъ прикомандированъ къ Главному Штабу, а 5 іюля 1872 г. назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба 22 пѣх. дивизіи въ Новгородѣ съ переводомъ въ генеральный штабъ капитаномъ.

Въ Новгородѣ онъ прослужилъ недолго. Его жизнь въ этотъ короткій періодъ времени извѣстна шагъ за шагомъ.

Домашнія вещи М. Д. и двѣ верховыя лошади, въ сопровожденіи урядника Собственнаго Его Величества конвоя Калиманова, прибыли въ Новгородъ 28 іюня, а самъ М. Д. пріѣхалъ въ Новгородъ 26 іюля. Явившись къ начальству, Михаилъ Дмитріевичъ отказался помѣститься въ казенной квартирѣ до ея отремонтированія. Послѣ полудня того же числа М. Д. вмѣстѣ съ казакомъ Калимановымъ поѣхалъ верхомъ обозрѣвать окрестности Новгорода; часъ спустя путники проѣзжали уже по Юрьевской слободкѣ, по направленію къ Перынскому скиту. Михаилъ Дмитріевичъ, очарованный видомъ на городъ, озеро Ильмень и утопающій въ рошѣ скитъ, пожелалъ нанять для себя временную квартиру въ Юрьевской слободкѣ. Ему удалось найти свободную крестьянскую избу на краю деревни. Калимановъ былъ посланъ въ городъ за вещами, а Михаилъ Дмитріевичъ помѣстился въ нанятой избѣ. Складная походная кровать и чемоданы съ вещами привезены были, когда уже наступили сумерки. Однако, несмотря на утомленіе съ дороги, Михаилъ Дмитріевичъ не могъ сомкнуть глазъ, въ виду грязи, неопрятности и множества насѣкомыхъ. Съ разсвѣтомъ 27 іюля онъ на-

всегда покинуть накануне облюбованное имъ жилище, уплативъ хозяину полностью мѣсячную плату. Пришлось искать квартиру въ городѣ. Таковая нашлась въ домѣ капитана артиллеріи Несговорова. Г-жа Несговорова не можетъ забыть до сего времени (съ той поры минуло болѣе тридцати лѣтъ) чарующаго впечатлѣнія перваго знакомства съ блестящимъ квартирантомъ и съ благоговѣніемъ указывала намъ на диванъ, столъ, кресла и стулья, которыми пользовался ея знаменитый квартирантъ.

Внушенное личностью М. Д. обожаніе сохранило въ памяти его квартирной хозяйки почти каждую фразу его бесѣды съ нею, изо дня въ день, въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Періодъ жизни М. Д. въ домѣ г-жи Несговоровой, конечно, невеликъ и скуденъ событиями чего нибудь выдающагося. По разсказу квартирной хозяйки о ея знаменитомъ „жильцѣ“,—уборка комнатъ лежала на женской прислугѣ хозяйки дома, такъ какъ Михаилъ Дмитріевичъ не любилъ держать въ домѣ денщика изъ простолюдиновъ, обыкновенно неряшливыхъ. Урядникъ Калимановъ ухаживалъ за лошадьми, кромѣ черной работы въ конюшнѣ, для которой ежедневно высылался изъ Выборгскаго полка конюхъ, получающій отъ М. Д. по 40 коп. въ сутки на свое довольствіе. Лошади М. Д. были кровныя: одна ворона, а другая гнѣдая, обѣ рослыя и красивыя. Ворона была покрыта проступающими яблоками сѣдой шерсти, что весьма удивляло М. Д., заявлявшаго, что годъ назадъ эта лошадь была какъ воронье крыло безъ отмѣтинъ, и года не такъ велики, чтобы начала сѣдѣть.

Кромѣ складной кровати, убранствомъ спальни М. Д. были ковры, сѣдла и кавказскіе чепраки. Чемоданы съ платьемъ, бѣльемъ и книгами не раскладывались вовсе и замѣнялись собою комоды и этажерки. Между книгами изобиловали иностранныя. М. Д. не терпѣлъ лампъ съ керосиновымъ освѣщеніемъ, замѣняя ихъ свѣчами; не долюбилъ чай, замѣняя его бѣлымъ и краснымъ винами. Волосы стригъ подъ гребенку, ершикомъ, бриться не любилъ, хотя тотчасъ по прѣздѣ въ Новгородъ нанялъ брадобрея съ помѣсячною платою. Брилъ только подбородокъ, а баки запуская, хотя они тогда были весьма жиденькія, свѣтло-рыжевато-русые.

Вставалъ по утрамъ въ 9 часовъ, конечно, когда служба не требовала въ болѣе ранній часъ. Въ 10 часовъ пилъ кофе съ хорошими сливками и сладкимъ бѣлымъ хлѣбомъ, нерѣдко съ масломъ, сбитымъ обязательно изъ сливокъ отъ вечерняго молочнаго удою. За сливки платилъ 3 рубля въ мѣсяцъ, кофе имѣлъ свой, очень хорошій, хозяйскаго пить не могъ. Кофе всегда пилъ за чтеніемъ, разсматривая карты и планы, а нерѣдко и самъ вычерчивая ихъ. Обѣды бралъ въ дворянскомъ собраніи, какъ для себя, такъ и для урядника Калиманова, котораго очень уважалъ за Георгіевскій крестъ.

Кромѣ лейбъ-драгунъ и Выборгскаго командира, флигель-адъютанта полковника Фуллона, никто не бывалъ у М. Д. Самъ онъ ѣздилъ въ Кречевицы къ драгунамъ всего однажды, а къ Фуллону ходилъ часто и пользовался у него роялемъ, на которомъ любилъ поиграть.

Водки и вообще крѣпкихъ напитковъ Михаилъ Дмитріевичъ не пилъ, а любилъ только кавказское бѣлое и красное вино; гостей

однако всегда угощалъ шампанскимъ. Въ комнатѣ у него всегда было сильно надушено. Спать на двухъ подушкахъ, наволочки на нихъ смѣнялъ ежедневно, одѣяло было кумачное, съ подбоемъ изъ розоваго шелковаго гласе. У изголовья висѣлъ образокъ Божіей Матери. По вечерамъ, возвращаясь изъ гостей, М. Д. всегда былъ въ веселомъ настроеніи и пѣлъ романсы, голосъ былъ — чарующій баритонъ.

Послѣ пѣнія ложился на кровать съ книгою въ рукахъ, чтобы читать при свѣчахъ, но часто такъ засыпалъ нераздѣтымъ. На извозчикахъ не ѣздили; прогулки всѣ совершалъ верхомъ, — всегда: утромъ на одной, а послѣ полудня на другой лошади; когда же ѣхалъ за городъ, то бралъ съ собою и урядника Калиманова. Ненастье не было препятствіемъ для прогулокъ.

М. Д. былъ весьма красивъ и строенъ, но цвѣтъ его лица началъ тогда уже терять свою свѣжесть. Вся фигура его обѣщала долговѣчность.

Когда казенная квартира въ штабѣ была отремонтирована, М. Д. послѣ мѣсячнаго квартированія у г-жи Несговоровой переѣхалъ на жительство въ штабъ дивизіи, не переставая ежедневно, до конца августа, пріѣзжать къ старой хозяйкѣ на утренній кофе.

Подъ квартирою М. Д. помѣщался дивизионный врачъ Зедегольмъ, вольнонаемный поваръ котораго, курляндецъ Гольдманъ, по отзыву его, кормилъ лучше дворянскаго собранія. Времени для обѣда опредѣлено не было, и поваръ иногда тѣтено ждалъ М. Д. до поздней ночи.

Г-жа Несговорова помнитъ, когда, во время квартированія у нея М. Д., навѣстить его пріѣхалъ изъ С.-Петербурга г. Деизидерій Жирарде. М. Д. рекомендовалъ ей, какъ лучшаго его друга и милого наставника. Обхожденіе его съ нимъ походило на сыновнее обожаніе нѣжно любимого отца. Г. Жирарде мало зналъ порусски, однако она слышала докладъ ему урядника Калиманова, что М. Д. за мѣсяцъ жизни въ Новгородѣ издержалъ 500 руб., и онъ ломаетъ себѣ голову, какой отчетъ въ этихъ деньгахъ представить „пашѣ“, такъ называлъ М. Д. своего отца, а съ его словъ и Калимановъ. Г. Жирарде велѣлъ показать расходъ только въ 200 рублей, а 300 рублей будто бы отданы ему, г. Жирарде. Лучшій другъ М. Д., очевидно, выручалъ его не разъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Передъ отъѣздомъ М. Д. въ Туркестанъ г-жа Несговорова живо помнитъ пророческія слова: „или меня убьютъ, или я вернусь генераломъ“, при этомъ добавилъ, что въ первую свою поѣздку въ Туркестанъ онъ съ 3-мя казаками проложилъ новую дорогу по непроходимой степи и если бы не несчастная дуэль, то теперь (въ 1872 г.) онъ былъ бы уже полковникомъ.

Изъ прочихъ современниковъ пребыванія М. Д. въ Новгородѣ, только старые офицеры полковъ 22 дивизіи хорошо его помнятъ. Они рассказываютъ эпизодъ, какъ однажды М. Д. опоздалъ на стрѣльбу 85-го пѣх. полка въ присутствіи начальника дивизіи. Только что послѣдній подѣхалъ къ полку, какъ изъ-за забора смежнаго со стрѣльбищемъ сада увидѣлъ прыжокъ всадника, а за нимъ и другого — Калиманова. Оказывается, М. Д., для сокращенія пути и выигрыша

времени на проѣздѣ, перескочилъ нѣсколько попутныхъ преградъ, (огороженныхъ заборами садовъ и огородовъ) на объѣздѣ коихъ было бы потеряно много времени, иначе бы онъ могъ опоздать къ началу стрѣльбы.

Другіе помнятъ, какъ нерѣдко М. Д., спѣша въ штабъ изъ своей частной квартиры на Разважской улицѣ, верхомъ переплывалъ рѣку Волховъ, чтобы не дѣлать крюкъ для объѣзда на мостъ.

Третьи рассказываютъ, что М. Д. былъ большой приверженецъ законности и считалъ неумѣстной любезность въ дѣлахъ службы. Напримѣръ, въ одномъ изъ полковъ дивизіи въ теченіе іюля 1872 г. было много поймано изъ бѣговъ солдатъ, а о побѣгахъ въ этомъ мѣсяцѣ донесено не было. Полковой командиръ просилъ М. Д. принять донесеніе заднимъ числомъ. М. Д. вспылилъ и, забывъ свой чинъ, воскликнулъ: — «Какъ вы можете воспитывать полкъ, полковникъ, если позволяете себѣ просить о подобной сдѣлкѣ для обмана моего начальства»¹⁾.

30 августа 1872 г. М. Д. былъ произведенъ въ подполковники съ переводомъ въ штабъ Московскаго военного округа. Не прибывая по этому назначенію, онъ былъ прикомандированъ для командованія баталіономъ къ 74 пѣхотному Ставропольскому полку.

Ставропольскій полкъ въ 1872 г. квартировалъ на Кавказѣ близъ города Майкопа, въ станицѣ Крымской. Офицерскій составъ былъ сплошь изъ участниковъ славнаго покоренія Кавказа, умѣвшихъ внушать беззабѣтную удалъ и молодецкій духъ, которыми всегда отличались кавказскія войска. Боевые кавказскіе офицеры всюду выгодно выдѣлялись, какъ носители высокаго чувства долга и чести.

Здѣсь Скобелевъ, въ качествѣ командира баталіона, попадаетъ въ муштру извѣстнаго полкового командира изъ пруссаковъ — полковника фонъ-Шака, у котораго съ любовью и изучаетъ въ зимній періодъ приемы строевой и стрѣлковой подготовки солдата. Онъ тутъ на опытъ познаетъ духъ армейскаго военного товарищества и боевую закваску полка, выработавшуюся въ непрерывной борьбѣ и постоянныхъ лишеніяхъ. Духовное единство этого славнаго боевого полка глубоко запало въ душу впечатлительнаго М. Д.

Каковъ былъ духъ и боевое воспитаніе Ставропольскаго полка, можно судить по тому, что за одну только войну 1877—78 гг. нижнимъ чинамъ названнаго полка за боевыя отличія пожаловано 402 знака отличія Военнаго Ордена. Цифра небывалая въ другихъ частяхъ.

Здѣсь у Скобелева завязываются знакомства съ его будущими боевыми товарищами, напримѣръ съ Козелковымъ, которому въ 1881 г. онъ ввѣряетъ одну изъ важнѣйшихъ колоннъ при штурмѣ Геокъ Тепе.

3-й баталіонъ Ставропольцевъ былъ настоящей Наполеоновой гвардіей въ ахаль-текинской экспедиціи. Скобелевъ бросалъ его туда же, куда и себя, какъ главный резервъ отряда, и дѣйствія Ставропольцевъ всегда были блистательными, покрывшими этотъ доблест-

¹⁾ Начальствомъ его въ это время были: нач. штаба — полк. Вобриковъ и нач. див. — ген.-лейтенантъ Римаевъ.

ный полкъ неувыдаемого славою, неразрывною съ именемъ Скобелева.

За отличіе въ дѣлѣ 4 января 1881 г. и при штурмѣ Геокъ-Тепе 12 января Скобелевскому 3-му баталіону Ставропольскаго полка 9 іюня 1882 г. Высочайше пожалованы Георгіевскія серебряныя трубы.

Въ очеркѣ генерала Гейсмана объ этомъ періодѣ жизни М. Д. въ Ставропольскомъ полку между прочимъ упомянуто, что требованія службы здѣсь онъ исполнялъ исправно и требовалъ того же отъ подчиненныхъ, внѣ службы относился къ нимъ по товарищески и его здѣсь полюбили. Чтеніе книгъ и занятія военною исторіею продолжались по прежнему и точно также по прежнему Скобелевъ переходилъ отъ нихъ къ самымъ разнообразнымъ увеселеніямъ, въ родѣ расположенія цѣлой веселой компаніи бивакомъ на площади среди города (Майкопа), съ варкою жженки, иллюминаціею и т. д. ¹⁾

9. Вторичная служба въ Туркестанѣ и участіе въ хивинскомъ походѣ.

Весною 1873 года Михаилъ Дмитріевичъ вновь былъ командированъ въ Среднюю Азію. Здѣсь въ это время готовилась экспедиція противъ Хивы.

Незначительное ханство, расположенное на нижнемъ теченіи Аму, конечно, само по себѣ не было страшно Россіи. Однако, будучи отдѣлено отъ нашихъ владѣній обширными безлюдными и безводными песчаными пустынями, оно не хотѣло прекратить безпокойные набѣги на наши владѣнія. Даже успѣхи русскаго оружія въ Бухарѣ, въ долинѣ Зарявшана и завоеваніе Самарканда въ 1868 году не заставили Хиву признать нашу власть. Она продолжала наносить чувствительный вредъ нашимъ торговымъ сношеніямъ съ Туркестаномъ, поддерживая партію недовольныхъ среди сосѣдняго, подвластнаго намъ кочеваго населенія и укрывая нападавшихъ на наши караваны.

Путей въ Хиву было три группы ²⁾: 1) изъ Туркестана, 2) изъ Оренбурга и 3) со стороны Каспія. Изъ Туркестана былъ направленъ отрядъ Кауфмана, главнаго начальника всей экспедиціи; изъ Оренбурга—отрядъ генер. Веревкина, а со стороны Каспія двинулись 2 отряда: южный полкъ Маркозова—изъ Красноводска и Чикишляра ³⁾ и сѣверный (Мангишлакскій) полкъ Ломакина—отъ залива Киндерли.

Отрядъ Маркозова не дошелъ по назначенію. Вслѣдствіе страшной жары и безводья онъ добрался лишь до Ортакую, пройдя около половины своего пути, и вернулся обратно. Мангишлакскій-же отрядъ благополучно достигъ Хивы.

Скобелевъ, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, назначенъ былъ состоять при отрядѣ полк. Ломакина. Предстояло пройти около 800 верстъ по пустынѣ Усть-Уртъ и вести борьбу съ природою и со всякими невзгодами.

¹⁾ П. Гейсманъ. Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. „В. Сборн.“ 1907 г., № 6.

²⁾ См. схему 2-ю.

³⁾ Путь движенія отряда полк. Маркозова означенъ на схемѣ 3-ей.

Бывали случаи, когда люди окончательно падали духомъ, приставали во время похода и приходилось прибѣгать даже къ крутымъ мѣрамъ, чтобы ихъ поддержать; разъ я одну роту провелъ подъ барабанъ и на плечо верстъ 5, чтобы поднять въ нихъ энергію. Особенно тяжелыя сцены приходилось наблюдать у колодець при раздачѣ воды: люди превращались тогда чуть не въ звѣрей и только благодаря офицерамъ порядокъ устанавливался.

„Мы выбивались изъ силъ, чтобы водворить порядокъ между измученными отъ усталости, жары и жажды людьми, десятки манерокъ спускалось въ колодець, солдаты отнимали воду у пившихъ верблюдовъ, лошадей, въ воздухѣ стояла ругань людей, вой животныхъ. Такимъ образомъ мы медленно подвигались впередъ черезъ колодцы Ильтеджъ, Байчагиръ къ Ибытаю. Вблизи этого послѣдняго колодца я имѣлъ стычку съ киргизами. Выступивъ 5 мая отъ колодець Мендали, я съ небольшимъ авангардомъ на рысяхъ поѣхалъ впередъ и оставилъ далеко позади свой отрядъ. За однимъ изъ песчаныхъ холмовъ мы вдругъ совершенно неожиданно наткнулись на караванъ киргизовъ—верблюдовъ въ 30. Верблюдожатые были застигнуты врасплохъ и безъ сопротивления сдались намъ. Отправивъ сдавшихся съ нѣсколькими казаками назадъ, на встрѣчу двигавшемуся отряду, я съ тремя офицерами и 8-ю казаками поѣхалъ еще дальше къ колодцамъ Ибытай, гдѣ, какъ намъ передавали сдавшіеся киргизы, двигался еще большій караванъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько верстъ мы увидѣли, въ сторонѣ отъ дороги, огромный караванъ верблюдовъ въ 300, при которыхъ находилось нѣсколько десятковъ, вооруженныхъ киргизовъ. Я подскакалъ къ каравану. Киргизы, видя нашу небольшую группу (10—12 чел.), не обратили никакого вниманія на мое предложеніе и стали гнать верблюдовъ въ обратную сторону, очевидно намѣреваясь уйти. Мнѣ оставалось одно: или спокойно глядѣть на ускользавшую изъ рукъ добычу, или попробовать счастья русскаго оружія, помня, что смѣлымъ Богъ владѣетъ. Я рѣшился на послѣднее: „маршъ-маршъ!“ и десятокъ русскихъ кавалеристовъ врубился между убѣгавшими въ безпорядкѣ навьюченными верблюдами и Златоустовскіе клинки стали добросовѣстно работать по чалмамъ и халатамъ дѣтей пустыни. Показалась кровь, послышались отчаянные крики, ругань, ревъ верблюдовъ, раздались ружейные и пистолетные выстрѣлы. Убѣгавшіе и опѣшенные киргизы стали инстинктивно защищаться пиками, шапками, револьверами. Послѣдовала горячая рукопашная схватка. Между тѣмъ мой отрядъ, за которымъ я послалъ, уже спѣшилъ на выстрѣлы; пѣхота бѣжала нѣсколько верстъ по страшной жарѣ и довершила нашу побѣду. Правда, часть киргизовъ съ верблюдами успѣла таки удрасть, но всетаки до 200 верблюдовъ съ выюками (около 800 пуд. крупы), остались въ нашихъ рукахъ. Эти трофеи намъ были очень кстати и солдаты вознаградили себя за долгій постъ. Въ этой стычкѣ нѣкоторые офицеры и казаки были ранены: я тоже получилъ нѣсколько ударовъ сабельныхъ, не могъ сѣсть на коня и улегся въ арбу. Но и киргизы не дешево отдѣлались: десятка два тѣлъ валялось на пескѣ съ порубленными черепами, въ окровавленныхъ халатахъ; раненыхъ оказалось тоже не мало... Какъ видите, господа, нашъ смѣлый,

дружный натискъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ; затѣмъ мой отрядъ направился къ колодцу Аланъ, присоединился къ другимъ колоннамъ и всѣ продолжали дальнѣйшее движеніе. Вскорѣ мы спустились съ безжизненнаго Усть-Урта въ хивинскій оазисъ, въ плодородную долину Аму-Дарыи и подошли къ г. Кунграду, который былъ уже занятъ частью войскъ Оренбургскаго отряда генерала Веревкина, слѣдовавшаго съ сѣвера по западному берегу Аральскаго моря. Немного южнѣй у г. Карабайхи нашъ отрядъ, т. е. Ломакина, присоединился къ отряду Веревкина и поступилъ подъ его команду. Соединенный отрядъ былъ силою до 4½ тыс. человѣкъ. Это было въ половинѣ мая. Продолжая двигаться лѣвымъ берегомъ Аму-Дарыи, мы заняли почти безъ сопротивленія гг. Ходжейлы и Мангитъ. Послѣ незначительнаго дѣла, бывшаго у Мангита, генералъ Веревкинъ приказалъ мнѣ съ двумя сотнями и ракетной командой преслѣдовать непріятельскія шайки и попутно разорять туркменскіе аулы за сочувствіе и помощь жителей войскамъ хана.

„Порученіе свое я выполнилъ въ точности, предалъ огню и мечу нѣсколько селеній, порубилъ не мало настигнутыхъ хивинцевъ, захватилъ много всякой добычи. Не разъ, увлеченные преслѣдованіемъ, мы натыкались на превосходныя силы противника и отъ наступленія переходили къ оборонѣ... Я не буду останавливаться на различныхъ, мелкихъ эпизодахъ этой своей командировки; скажу только, что затѣмъ я присоединился снова къ отряду и получилъ благодарность отъ Веревкина за хорошую работу казаковъ.

„При дальнѣйшемъ движеніи отряда къ г. Кяту я получилъ другое назначеніе—командовать авангардомъ. Двигаясь во главѣ Оренбургскаго и Кавказскаго отрядовъ, я съ казаками по пятамъ преслѣдовалъ отступавшія къ своей столицѣ непріятельскія полчища. Хивинскій арріергардъ старался портить дорогу, разрушалъ и жегъ мосты черезъ арыки; вообще всѣми силами затруднялъ наше движеніе. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ буквально наскакивать на нихъ и мѣшать имъ жечь мосты, портить дорогу... Съ поднятыми шашками бросались мои казаки на хивинцевъ и послѣдніе, бросая работу, поспѣшно отстрѣливались, садились на коней и улепетывали во всю прыть.

„Нѣкоторыя поломки мы быстро чинили (одинъ мостъ, помню, впрочемъ исправляли цѣлую ночь) и отрядъ безпрепятственно двигался впередъ. 25 мая я съ авангардомъ подошелъ къ г. Кошъ-Купарь, который находится верстахъ въ 30 отъ Хивы. Замѣтивъ, что нѣсколько человѣкъ хивинцевъ зажигаютъ мостъ, съ цѣлью не допустить насъ войти въ городъ, я съ казаками карьеромъ понесся къ мосту. Хивинцы бѣжали къ садамъ и оттуда открыли огонь. Велѣдъ затѣмъ мы подошли почти къ самой Хивѣ и остановились у городскихъ стѣнъ верстахъ въ 5—6.

„Веревкинъ поджидалъ Туркестанскій отрядъ, который двигался къ Хивѣ съ юга и долженъ былъ скоро подойти. 26 мая мнѣ поручено было съ двумя сотнями продвинуться еще ближе къ Хивѣ и произвести рекогносцировку окрестныхъ городскихъ стѣнъ. Двигаясь впередъ съ цѣлью наѣзdnиковъ по довольно пересѣченной мѣстности, я замѣтилъ нѣсколько хивинскихъ всадниковъ, разру-

шавшихъ мостъ черезъ армкѣ. При нашемъ появленіи они бросили свое дѣло, поспѣшно сѣли на коней и стали уходить, а я со своими казаками преслѣдовалъ по ихъ пятамъ. При этомъ намъ пришлось двигаться между двумя садами, обнесенными стѣнками. Такъ проскакали мы съ версту. Боясь, чтобы не зарваться и не попасть въ засаду, я приказалъ прекратить преслѣдованіе и началъ медленно отходить къ отряду. Непріятельскіе наѣзники, подкрѣпленные густыми конными толпами, видя наше отступленіе и объясняя его, вѣроятно, нашей трусостью, стали довольно энергично наѣдать на моихъ казаковъ. Пришлось спѣшить два взвода и усиленнымъ огнемъ прикрыть отступленіе остальныхъ черезъ дефиле. Къ счастью, въ главныхъ силахъ услышали нашу перестрѣлку и намъ въ подмогу были присланы двѣ сотни, которыя помогли моимъ казакамъ спокойно отойти назадъ. Отдѣлялись мы очень счастливо и потеряли 3 казаковъ, хотя хивинцевъ легко нѣсколько десятковъ отъ нашихъ пуль и шашекъ. Вернувшись на свой бивакъ въ авангардѣ, мы съ аппетитомъ поужинали жирной бараниной послѣ хорошей военной прогулки и улеглись спать. Но на слѣдующій день опять пришлось обнажить сабли. Рано утромъ хивинцы огромной массой—тысячи 1½, подъ прикрытіемъ садовъ, тихо обошли бивачное расположеніе нашего отряда и внезапно ударили на лѣвый флангъ, гдѣ паслись цѣлыя сотни верблюдовъ. Нападеніе было неожиданно для насъ и удачно для противника. Отбивъ штукъ 400 верблюдовъ, они быстро погнали ихъ къ городу. Услыхавъ тревогу и пальбу на лѣвомъ флангѣ, я посадилъ двѣ сотни на коней и поскакалъ съ ними и съ ракетнымъ станкомъ изъ авангарда на выстрѣлы. Черезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли столбы пыли, сотни бѣгущихъ верблюдовъ и торопливо погонявшихъ ихъ конныхъ хивинцевъ. Шашки вонъ—маршъ маршъ!.. командовалъ я и послѣдовала обычная картина лихой кавалерійской атаки. Казаки дѣйствовали молодцами и скоро съ помощью прибывшихъ еще 3-хъ сотенъ Леонтьева всѣ верблюды были отбиты, а на мѣстѣ побоища остались сотни двѣ хивинскихъ труповъ. Во время преслѣдованія нами конныхъ азіатовъ, угонявшихъ верблюдовъ, пѣшіе непріятельскіе стрѣлки заняли сады и открыли на насъ огонь. Съ прибытіемъ Леонтьева я пустилъ въ атаку и скоро казаки заставили ихъ очистить сады и удалиться. Вообще этотъ денекъ для нашихъ казаковъ очень былъ счастливъ и пріятенъ: казаки лихо работали и потеряли только десять своихъ товарищей. Въ этотъ же день мнѣ приказано было выдвинуть авангардъ на новую позицію, еще ближе къ городу и впередъ версты на 2. Сначала я произвелъ рекогносцировку, выбралъ наиболѣе удобное мѣсто, имѣлъ довольно сильную перестрѣлку съ хивинскими всадниками и, наконецъ, вечеромъ перевелъ на новую позицію свой авангардъ, который состоялъ изъ 3-хъ родовъ оружія. На слѣдующій день Вережкинъ двинулъ весь отрядъ впередъ съ цѣлью произвести усиленную рекогносцировку ближайшихъ окрестностей города. Наши орудія выѣхали на позицію и открыли огонь по городу. Хивинцы отвѣчали намъ тоже артиллерійскимъ огнемъ съ городскихъ стѣнъ. Наша пѣхота тоже стрѣляла по крѣпости, откуда и къ намъ летѣли пули. Къ вечеру всѣ войска отошли отъ города

и расположились на позиціи моего авангарда. Наконецъ, было получено извѣстіе о Туркестанскомъ отрядѣ и 29 мая Кауфманъ вступилъ въ Хиву съ южной стороны. Экспедиція была окончена, врагъ былъ усмирень и изъявилъ полную покорность¹⁾.

Походъ этотъ принесъ Скобелеву громадную пользу, выяснивъ ему всю сущность организаціи и техники исполненія движеній въ степяхъ.

Со взятіемъ Хивы военныя дѣйствія не прекратились. Необходимо было смирить туркменъ-юмудовъ,—и въ этой экспедиціи, продолжавшейся около мѣсяца, Михаилъ Дмитріевичъ принималъ дѣятельное участіе. Набѣгъ былъ выполненъ успѣшно и на азіатовъ навели изрядную панику, а для азіатовъ это главнымъ образомъ и требуется.

10. Подвигъ Скобелева: тайная развѣдка путей отъ Змукшира до Ортакую.

Одновременно съ возвращеніемъ въ Хиву карательнаго отряда, Михаилъ Дмитріевичъ въ началѣ августа произвелъ чрезвычайно смѣлую и рискованную развѣдку путей отъ Змукшира къ Нефесъ-Кули и Ортакую.

Какъ уже сказано было выше, отрядъ полк. Маркозова не дошелъ до Хивы, а, преодолевъ лишь половину пути, отъ Ортакую вернулся обратно къ Красноводску. Скобелева въ высшей степени заинтересовалъ вопросъ, могъ-ли отрядъ Маркозова дойти до Хивы или совершенно погибъ-бы, если бы двинулся еще дальше. Онъ доложилъ Кауфману о своей готовности развѣдать не пройденный Маркозовымъ участокъ пути (около 340 верстъ) и получить на это разрѣшеніе. Выполненіе этой задачи было сопряжено съ громаднымъ рискомъ, такъ какъ у каждаго колодца Скобелевъ могъ наткнуться на озлобленнаго врага. Да, кромѣ того, и само движеніе было крайне трудно.

Вотъ что рассказываетъ В. Я. Полторацкій въ своихъ запискахъ объ этой развѣдкѣ¹⁾.

„Скобелевъ предпринялъ экспедицію отъ Ильялы до Имды-Кулука, а оттуда обратно до Хивы, самъ шесть, то есть имѣя въ сопровожденіи трехъ турменъ, льготнаго казака Оренбургскаго войска и ех—крѣпостнаго форейтора, нынѣ служашаго при немъ по найму,—Мишку. Вооруженные Скобелевымъ, всѣ они, какъ и самъ временный повелитель ихъ, одѣты были туркменами, съ соблюденіемъ всѣхъ мѣстныхъ условій до тонкости и имѣли подъ собою добрыхъ лошадей, взятыхъ въ лагерь подъ Ильялы. Выѣхавъ ночью со 2 на 3 число, группа направилась на западъ и, осторожно подвигаясь впередъ, въ первый день благополучно достигла колодца, очень скуднаго водой за 32 версты отъ нашей позиціи. Скобелевъ измѣрялъ разстоянія быстрой ходьбой лошади на всемъ пути наносилъ на планъ все, что

1) В. Полторацкій. Воспоминанія. „Ист. Вѣстн.“ 1895 г. июль.

онъ встрѣчалъ въ дорогѣ или видѣлъ по сторонамъ на горизонтѣ. Въ нѣсколько листовъ склеенный egoquis всего пройденнаго пути до самыхъ колодцевъ Имды-Кудука, отчетливо указывалъ на кряжи, возвышенности, бахраны, занесенные Скобелевымъ съ поверстнымъ указаніемъ ихъ отъ избраннаго имъ направленія.

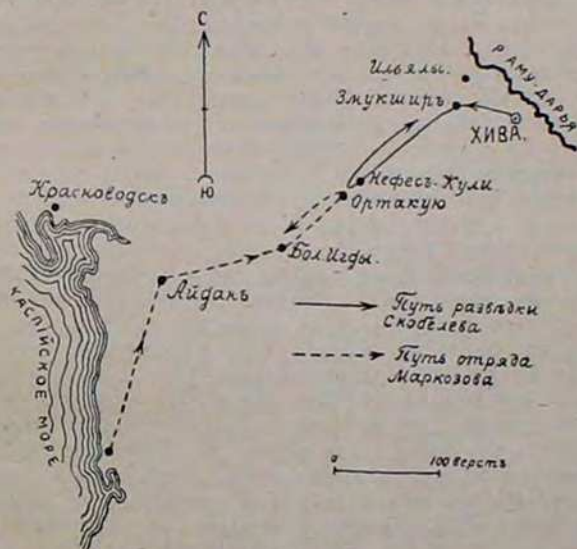

Схема 3. — Схема движенія отряда Маркозова на Хиву въ 1873 году и развѣдки Скобелева.

„На второй день наши туристы проѣхали 37 верстъ и, хотя на горизонтѣ слѣва отъ себя, замѣтили нѣсколько человѣкъ конныхъ, но добрались до колодцевъ и переночевали на нихъ безъ всякихъ происшествій. Третій переѣздъ въ 34 версты совершился благополучно, но только что, напоивъ коней, они расположились на отдыхъ, вдали показалась партія іомудовъ, направлявшаяся прямо къ ихъ колодцу. Туркмены—проводники Скобелева немедленно уложили его на землю и, накрывъ его кошмами, категорически потребовали отъ него не подавать признаковъ жизни и неподвижно ожидать, пока непрошенные гости не уйдутъ въ степь. Враговъ оказалось до 30 человѣкъ. Они тоже напоили лошадей изъ колодца и, усѣвшись кругомъ, завели разговоры и разспросы, куда и зачѣмъ ѣдутъ встрѣченные туркмены. Бойко отвѣчая имъ всякую небылицу и указывая на человѣка, скрытаго грудой кошмъ, проводники объяснили любопытнымъ, что это ихъ караванъ—башъ, жестоко заболѣвшій лихорадкой. По признанію этого больного, его дѣйствительно въ это время 5 часовъ сряду бросало и въ жаръ, и въ холодъ, не отъ одного удушья подъ войлоками, но и отъ меча Дамокла, висящаго надъ головой его. Но вотъ іомуды отдохнули и, слава Богу, по добру—по

здорову убрались въ степь. Скобелевъ вздохнулъ свободно. На четвертый день наши молодцы не видѣли никого, но на ночлегѣ нашли очень плохую воду и вообще замѣтили утомленіе коней по причинѣ глубоко сыпучаго песка на пути ихъ. На пятомъ переходѣ встрѣтили на перепутьи пять юмудовъ, съ которыми обмѣнялись пустыми воярами и разбѣжались безъ послѣдствій. На шестой день очень большой перегонъ въ 40 верстъ наши всадники совершили съ великимъ затрудненіемъ, такъ какъ ихъ лошади до того измучились, что послѣднія 12 верстъ до цѣли имъ пришлось тащить ихъ въ поводу. Но какъ бы то ни было Господь помогъ имъ достигъ желаннаго пункта живыми и безъ пролитія крови, а все остальное было забыто.

„Тутъ то на слѣдующее утро, когда они были далеки отъ возможности трагической развязки и спокойно кейфовали у Имды-Кудука, перечисляя всѣ опасныя минуты, испытанныя ими на пройденномъ пути, едва—едва—случилось съ ними происшествіе, могущее имѣть страшныя послѣдствія. Не стѣсняясь ничѣмъ, туристы, окрѣпнувъ послѣ продолжительнаго сна, весело и безопасно стали болтать между собою на природныхъ языкахъ и увлеклись до того, что не обратили должнаго вниманія, какъ молодой пастухъ, отблѣившійся отъ своего стада барановъ подошелъ къ колодцу, зачерпнулъ воды и, отойдя отъ нихъ нѣсколько шаговъ, растянулся на солнцѣ не спать, а внимательно слушать ихъ рѣчи. Прошелъ часъ или болѣе, какъ беззаботно галдѣвшая группа наша случайно увидѣла мальчишку, во всю прыть бѣгущаго мимо стада своего въ степь, оглашая воздухъ пронзительными криками. Встревоженные туркмены въ одинъ мигъ сообразили грозившую имъ опасность и вся компанія, не теряя минуты, вскочила на коней и въ карьеръ бросилась въ обратный путь. Терять времени дѣйствительно было невозможно, потому что пастухъ, добѣжавъ до ближайшаго кочевья юмудскаго, поднялъ тамъ тревогу и болѣе сотни враговъ понеслись по пятамъ бѣглецовъ. Скобелевъ говорилъ, что они обязаны своимъ спасеніемъ единственно рѣзвости своихъ коней, вдоволь напившихся воды и съѣвшихъ наканунѣ усиленную дачу ячменя.

„Кауфманъ послѣ тщательной провѣрки всѣхъ фактовъ поблагодарилъ команду и наградилъ всѣхъ Георгіевскими крестами. О подвигѣ Скобелева созванная въ Ханкахъ, въ 25 верстахъ отъ Хивы, кавалерская дума приговоромъ большинства признала его достойнымъ ордена св. Георгія 4 степени по 315 статьѣ статута“.

„Изъ этой рекогносцировки“, говорилъ впослѣдствіи Скобелевъ: „я вынесъ убѣжденіе, что Маркозовъ поступилъ вполне правильно, повернувъ обратно свой отрядъ отъ Ортакую; иначе, при дальнѣйшемъ движеніи до Змукшира, онъ легко могъ совсѣмъ погибнуть отъ безводья и зноя. Водой этотъ путь очень бѣденъ, колодцы находились на большомъ разстояніи, вода большею частью отвратительная, да и къ тому же ея не много“¹⁾.

За орденомъ св. Георгія 4 степени, пожалованнымъ 30 августа

¹⁾ „Со Скобелевымъ въ огнѣ“. Воспоминанія В. Дукмасова. Спб. 1895.

1873 г., послѣдовали въ воздаяніе отличій въ дѣлахъ противъ хивинцевъ: 22 февраля 1874 г. производство въ полковники и 17 апрѣля 1874 г. назначеніе флигель-адъютантомъ.

11. Возвращеніе изъ Туркестана и поѣздка въ Испанію къ карлистамъ.

Будучи зиму 1873—1874 г. въ заграничномъ отпуску, М. Д. бывалъ въ Испаніи, гдѣ, изучая операціи въ горахъ, участвовать на сторонѣ войскъ Донъ-Карлоса въ бояхъ съ испанскою регулярною арміею при Эстельѣ и Пепо-ди-Мурра.

Въ сентябрѣ 1874 г. Скобелевъ по Высочайшему повелѣнію вво-
диль въ дѣйствіе въ Пермской губерніи новый уставъ о воинской
повинности ¹⁾.

12. Прибытіе на службу въ Среднюю Азію въ третій разъ.

Въ апрѣлѣ 1875 г. Скобелевъ былъ командированъ въ распоря-
женіе Туркестанскаго генералъ-губернатора; по прибытіи въ Таш-
кентъ, онъ былъ назначенъ начальникомъ военной части при на-
шемъ посланникѣ г. Вейнбергъ, отправленномъ въ Кашгаръ. Онъ
долженъ былъ оцѣнить военное значеніе Кашгара, путь по Атреку и
Даванскій проходъ, ведущій изъ Кокана къ Кашгару. Посольство на-
правилось къ мѣсту назначенія черезъ Коканъ, правитель котораго
Худояръ-ханъ находился подъ нашимъ вліяніемъ. Своею жестокостію
и корыстолюбіемъ этотъ ханъ вызвалъ большіе беспорядки и нако-
нецъ открытое возстаніе. Вейнбергъ долженъ былъ выразить Худояръ-
хану отъ лица Кауфмана неудовольствіе по этому поводу. Посольство
сопровождало 22 казаками.

Пріѣхавъ въ Коканъ, русскіе увидѣли, что волненіе жителей
приняло широкіе размѣры и что положеніе Худояра очень непрочное;
въ виду таковой опасности его уговорили покинуть владѣнія и от-
правиться въ Ташкентъ.

За нимъ двинулось и наше посольство, прикрываемое Скобеле-
вымъ съ 22 казаками. Только благодаря твердости и осторожности
его удалось довести хана до Ходжента. М. Д. Скобелевъ, по
остроумному выраженію Гладстона, высоко держалъ факелъ цивили-
зации между бочекъ съ порохомъ. Порохъ въ Коканѣ былъ разсы-
панъ повсюду. Если бы не горсть казаковъ съ такимъ энергичнымъ
предводителемъ, какъ М. Д. Скобелевъ, то ни ханъ, ни послан-
никъ не спаслись бы отъ свирѣпой расправы киргизовъ.

Трудность этой ретираты хана увеличивалась присутствіемъ его
гарема и обоза изъ 80 повозокъ съ серебромъ, служившимъ главною
приманкою для дезертировавшихъ ханскихъ войскъ, вскорѣ присое-
динившихся къ мятежнымъ подданнымъ. Хана спасло еще и то, что

¹⁾ По возвращеніи изъ Перми, Михаилъ Дмитріевичъ вступилъ въ бракъ съ
княжною Марією Николаевною Гагариною, — о чемъ подробнѣе см. въ главѣ о „Се-
мейной и одинокой жизни Скобелева“.

онъ разсыпалъ на дорогѣ по одной повозкѣ серебра, дѣлежъ котораго и драка задерживали погони на бо пунктахъ.

Изъ своей командировки Скобелевъ извлекъ большую пользу: произвелъ маршрутную съемку, набросалъ кроки наиболѣе важныхъ попутныхъ позицій и окрестностей Кокана, собралъ много необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній и вообще ко всему внимательно присматривался. Все это впоследствии чрезвычайно пригодилося нашимъ войскамъ.

„Чрезвычайно интересно и поучительно это предисловіе къ кровопролитной коканской войнѣ и въ смыслѣ политическомъ и смыслѣ административномъ“, говоритъ Скобелевъ въ своей автобіографіи ¹⁾: „Она доказываетъ всю нашу безпомощность и близорукость, всю ежеминутную опасность для нашего владычества, пока мы въ Средней Азіи будемъ продолжать держать худшіе административные элементы нашей безчисленной гражданской и военной бюрократіи и не будемъ стремиться рядомъ экономическихъ и воспитательныхъ преобразований создавать изъ туземцевъ надежный и преданный оплотъ. Возрастающій ропотъ народонаселенія на правительство Худояръ-хана не могъ, конечно, не обратить на себя вниманіе Туркестанскаго генераль-губернатора. Тотчасъ послѣ прибытія изъ Петербурга, послѣ весьма продолжительнаго пребыванія внѣ края, генераль-адъютантъ Кауфманъ письменно обратился къ Худояръ-хану съ совѣтами, въ которыхъ выражалась необходимость болѣе справедливаго отношенія хана къ своему народу, при чемъ даже намекалось ему, что волненія въ Коканѣ могутъ дурно отразиться на спокойствіи русскаго Туркестана; но что, конечно, не приходило тогда въ голову ни генералу Кауфману, ни кому изъ нихъ, что въ нашей собственной Сырь-Дарьинской области народонаселеніе было не менѣе, чѣмъ въ сосѣднемъ ханствѣ, задавлено поборами, что сотни семействъ хищнически сгонялись съ родной земли самимъ правителемъ канцеляріи Туркестанскаго генераль-губернатора, что уѣздные начальники П... Г... Н..., пользуясь правомъ административной ссылки, уже довели народъ до отчаянія, что безобразія дошли до того, что постановленіемъ мусульманскаго совѣта въ городѣ Ходженгѣ собрано было 24.000 руб. сер. яко бы на устройство бала въ честь русскихъ дамъ... и что въ предѣлахъ Сырь-Дарьинской области уже образовался обширный тайный заговоръ съ цѣлью ниспроверженія русской власти, которую народъ обвинялъ въ хищничествѣ и неправдѣ“.

13. Участіе въ коканской экспедиціи 1875—76 гг.

„Между тѣмъ враждебность жителей ханствъ къ русскимъ стала обнаруживаться болѣе и болѣе ²⁾. Шайки коканцевъ (преимущественно

¹⁾ Автобіографія М. Д. Скобелева напечатана въ книгѣ В. Н. Маслова.

²⁾ Здѣсь заимствуется разсказъ самаго М. Д. Скобелева объ его участіи въ коканской войнѣ, записанный П. А. Дукмасовымъ въ 1877 году. См. „Со Скобелевымъ въ огнѣ“.

кипчаковъ) вторгались въ наши владѣнія, агитировали подвластное намъ магометанское населеніе, портили пути сообщенія, угоняли скотъ и проч. Тогда рѣшено было примѣрно наказать коканцевъ и мы стали готовиться къ экспедиціи. Во время этихъ приготовленій я имѣлъ маленькую командировку: генераль Кауфманъ поручилъ мнѣ съ двумя сотнями и ракетнымъ дивизиономъ очистить отъ непріятельскихъ шаекъ сѣверо-восточную часть Курамскаго уѣзда. Въ 2 дня я прошелъ 175 верстъ, но шаекъ нигдѣ не встрѣтилъ; онѣ успѣли уже удрать, населеніе вездѣ было спокойно. Въ августѣ мѣсяцѣ 1875 г. наши войска нѣсколькими колоннами выступили изъ Ташкента къ Ходженту, мы получили извѣстіе, что значительная непріятельская партія находится на границѣ, у кишлака-Самгара. На меня снова возложено было порученіе разбить эту партію. Съ двумя сотнями и

Схема 4. — Районъ дѣйствій Скобелева во время коканской экспедиціи и въ близость его начальникомъ Наманганскаго уѣзда, а затѣмъ Ферганскимъ военнымъ губернаторомъ.

ракетнымъ дивизиономъ я двинулся къ Самгару, но не засталъ уже непріятеля, онъ отошелъ къ Махраму. Кажется, 20 августа мы выступили изъ Ходжента, перешли коканскую границу и двинулись по дорогѣ къ Махраму—непріятельской крѣпости. Кауфманъ поручилъ мнѣ командовать кавалеріей отряда, т. е. 8-ю сотнями. Отрядъ медленно подвигался впередъ въ боевомъ порядкѣ нѣсколькими параллельными колоннами по совершенно ровной мѣстности, причемъ правую колонну составляли мои лихія сотни. Конныя толпы кипчаковъ и кара-киргизовъ неоднократно пытались атаковать насъ и

только огнемъ конныхъ орудій и контръ—атаками я останавливалъ ихъ. Наконецъ, 22 августа мы подошли къ г. Махраму и здѣсь произошелъ знаменитый для нашего оружія бой. Надо вамъ сказать, господа, что крѣпость Махрамъ, обнесенный высокой глинаной стѣной съ переднимъ рвомъ, находится на лѣвомъ берегу Сырь-Дары, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кишлака того же имени, при чемъ отъ послѣдняго до крѣпости тянулся непрерывный земляной валъ, изъ котораго выглядывало 24 непріятельскихъ орудій. Брать эту позицію съ фронта, въ лобъ что называется, подъ огнемъ нѣсколькихъ десятковъ орудій, по болотистой мѣстности, было, конечно, довольно рискованно и потому Кауфманъ рѣшилъ обойти ее съ юга, чтобы затѣмъ ударить въ тылъ и флангъ. Обходъ былъ произведенъ очень искусно и наша пѣхота, послѣ незначительной артиллерійской подготовки, бросилась въ штыки, выбила непріятеля изъ-за вала, овладѣла 24 орудіями и по пятамъ отступавшихъ ворвалась въ крѣпость гдѣ тоже взяла 26 пушекъ. Бѣгство противника, охваченнаго паническимъ страхомъ, было полное. Вотъ въ этотъ то удобный моментъ я и бросился съ сотнями преслѣдовать бѣгушихъ! лихо работали шашками мои казаки и подъ ихъ ударами много легло пѣшихъ и конныхъ халатниковъ. Мы захватили 2 орудія и нѣсколько бунчуковъ. Увлечшись преслѣдованіемъ, мы наскочили на громадное полчище и только благодаря ракетной батарее намъ удалось отступить безъ потерь.

„Впрочемъ, объ этомъ дѣлѣ я вамъ уже рассказывалъ, господа, и говорилъ, какимъ образомъ мнѣ достался вотъ этотъ бѣленькій крестикъ, принадлежавшій прежде Кауфману, а теперь Дукмасову. Лошадь моя была убита, одинъ кипчакъ полоснулъ меня шашкой по колену, хвавшій рядомъ со мной хорунжій Хорошхинъ (Уральскаго войска) былъ убитъ на повалъ. Но, все-таки, наши потери были самыя ничтожныя, хотя мои казаки порубили нѣсколько сотъ человѣкъ. Словомъ, пораженіе непріятеля было полное. Безъ боя наши войска вступили въ столицу ханства Коканъ, а затѣмъ заняли и другой важный пунктъ Маргеланъ. Но часть населенія, предводимая нѣкимъ Абдуррахманомъ, не смотря на Махрамское пораженіе, не хотѣла покориться и продолжала оказывать сопротивление. Для преслѣдованія отступившихъ въ горы шаекъ, Кауфманъ сформировалъ особый летучій отрядъ и приказалъ мнѣ двинуться съ нимъ въ погоню за Абдуррахманомъ форсированнымъ маршемъ (пѣхота ѣхала на арбахъ); мы двинулись по отвратительной горной дорогѣ за непріателемъ. Черезъ урочище Минъ-Тюбе мы дошли до г. Оша, при чемъ авангардъ моего отряда имѣлъ нѣсколько лихихъ стычекъ съ бѣжавшими халатниками, захватилъ нѣсколько орудій и много разнаго оружія. Выполнивъ возложенное на меня порученіе, я вернулся въ Маргеланъ и представилъ отчетъ начальнику экспедиціи о своемъ набѣгѣ. Первая часть компаніи была окончена, всѣ города изъявили покорность; земли по правому берегу Сырь-Дары отошли по договору къ Россіи. Наши войска заняли г. Наманганъ. Но оказалось, что это было только начало конца. Въ концѣ сентября въ г. Андижанѣ вспыхнуло возстаніе, жители признали власть новаго хана (Фулата) и вооруженныя толпы конныхъ и пѣшихъ кипчаковъ и кара-киргизовъ сгруппировались вокругъ него.

„Для наказанія жителей Андижана двинуть былъ туда довольно

сильный отрядъ (до 1½ тыс. чел.) изъ Намангана подъ командой генералъ-маіора Троцкого; начальникомъ штаба отряда былъ назначенъ я. Троцкий поручилъ мнѣ произвести рекогносцировку окрестностей города и выбрать мѣсто для вагенбурга всего отряда. На рысяхъ только съ 1¼ сотнями двинулся я къ Андижану, отыскавъ сѣверный садокъ, окружавшихъ городъ, удобное мѣсто для бивака и, затѣмъ, узкой долиной ручья направился къ самому городу. Но оказалось, что мы слишкомъ увлеклись и совершенно неожиданно попали подъ сильный огонь, открытый противъ насъ изъ сакель... Мы остановились въ нерѣшительности. Вдругъ выскочили цѣлыя тучи халатниковъ и стали энергично на насъ насаждать. Пришлось немедленно отступать, цѣпляясь за каждое прикрытіе. Тѣмъ не менѣе, бывшіе со мною топографы быстро сняли кроки мѣстности, а я намѣтилъ позиціи для нашихъ батарей. Такъ отстрѣливаясь, мы медленно отступили и въ два часа отошли едва полверсты. Наконецъ, насъ выручилъ полковникъ Борхъ, который изъ авангарда прискакалъ на выстрѣлы. Безъ него намъ пришлось бы плохо, силы были слишкомъ неравны.

„На слѣдующій день, 1 октября, произведенъ былъ штурмъ города. Послѣ артиллерійской подготовки мы нѣсколькими колоннами направились на штурмъ, ворвались въ городъ и, разрушая на своемъ пути баррикады, завалы, устроенные жителями на улицахъ, добрались до главной площади, гдѣ находился ханскій дворецъ. Я командовалъ одной изъ колоннъ и моимъ солдатамъ пришлось не мало поработать штыками. Коканцы стрѣляли въ насъ изъ ружей, писталетовъ, пушекъ, прячась за стѣнами, въ сакляхъ, мечетяхъ. Разгромивъ городъ, произведя во многихъ мѣстахъ пожары, истребивъ изрядное количество противника, войска наши съ площади двинулись обратно къ вагенбургу, находившемуся за городомъ. Штурмъ этотъ намъ обошелся очень дешево мы потеряли не болѣе 50 человекъ; непріятелю же былъ нанесенъ чувствительный уронъ. Исполнивъ свою задачу, т. е. наказавъ жителей за вѣроломство, отрядъ двинулся въ обратный путь, къ Намангану. Во время этого отступления непріятель былъ особенно назойливъ, дерзокъ. Я командовалъ арріергардомъ всего отряда и на своихъ плечахъ выносилъ всю тяжесть отступления. При входѣ въ дефиле я принужденъ былъ въ виду ихъ назойливости, броситься въ атаку съ сотней сибирцевъ. Нѣсколько десятковъ халатниковъ пало подъ ударами нашихъ шашекъ, но и я потерялъ тоже 7 казаковъ, потеря довольно чувствительная. Чтобы не оставлять тѣла на поруганіе противника, я спѣшилъ казаковъ, и благодаря подоспѣвшей во время пѣхотѣ, всѣ тѣла были подобраны. Вслѣдствіе такихъ постоянныхъ задержекъ, наше отступление было очень медленно; хорошее дѣло было при Муласы. Этотъ кишлакъ заняли кипчаки и своимъ огнемъ очень беспокоили нашъ отрядъ, расположившійся бивакомъ. Двѣ роты пѣхоты были посланы, чтобы выбить оттуда кипчаковъ. Я и Меллеръ-Закомельскій, вооружившись ружьями, тоже помѣстились въ рядахъ этихъ ротъ, чтобы принять участіе въ штурмѣ. Кипчаки были выбиты и мы стали ихъ преслѣдовать; но, увлекшись послѣднимъ, мы неожиданно наткнулись на конныя толпы непріятеля, которыя бросились на насъ. Но наши солдатики не растерялись: они быстро сомкнулись въ кучи и встрѣтили эти конныя толпы дружными

заллами. Затѣмъ, мы спокойно отошли, не тревожимые болѣе противникомъ.

„5-го октября ночью мы сдѣлали нападеніе на непріятельскій бивакъ, который находился отъ нашего расположенія въ нѣсколькихъ верстахъ; въ 2 часа ночи я тихо выступилъ съ двумя сотнями къ непріятельскому биваку. За мной слѣдоваль съ пѣхотой Меллеръ-Закомельскій. Безмолвно подошли мы къ безмятежно и крѣпко спавшимъ сынамъ Магомета и неожиданно съ громкимъ крикомъ „ура“ врубались въ середину бивака. Ни какихъ мѣръ охраненія непріятель не принялъ для огражденія себя отъ всякихъ случайностей и потому мы обрушились на нихъ, какъ свѣтъ на голову. Невозможно передать картину хаоса, который наступилъ въ непріятельскомъ бивакѣ вслѣдъ за нашимъ наступленіемъ. Крикъ паническаго ужаса проснувшихся кипчаковъ, бѣгство и фыркание лошадей, сорвавшихся съ коновязи, отдѣльные ружейные и пистолетные выстрѣлы, воинственные крики нашихъ казаковъ, характерные звуки сабельныхъ ударовъ по головамъ и плечамъ азіатовъ... все это слилось въ какой-то дикій концертъ разрушенія и смерти! Эта картина ночного боя, вѣрнѣе бойни, достойна кисти хорошаго баталиста. Сколько мы порубили коканцевъ, сколько взяли оружія, значковъ и другихъ трофеевъ, я ужъ право не помню. Непріятельскій отрядъ былъ силою около 2½ тыс., что обнаружилось утромъ по числу оставшихся на бивуакѣ чалмъ, которыя магометане, ложась спать, снимаютъ съ головы. Вообще, это лихое дѣло было, въ которомъ лавры раздѣлили казаки съ пѣхотой.

„Нравственное впечатлѣніе этой ночной побѣды было настолько сильно, что отрядъ могъ спокойно отходить, уже ни разу не тревожимый противникомъ.

„Мы вернулись въ Наманганъ. Я былъ произведенъ въ генералы, зачисленъ въ свиту Его Величества и назначенъ начальникомъ Наманганскаго отдѣла.

„Инсуррекціонное движеніе, однако, не утихло. Недѣли черезъ двѣ мнѣ донесли, что Батырь-Тюра, одинъ изъ претендентовъ на Ханскій престолъ, со своей шайкой занялъ с. Чусгъ и возбуждаетъ населеніе противъ насъ. Съ небольшимъ отрядомъ я выступилъ изъ Намангана, кипчаки возмутились, папали на оставшіяся въ этомъ городѣ войска и принудили ихъ очистить цитадель. Но я уже спѣшилъ на выручку и освободилъ отъ кипчаковъ, которые три дня осаждали лагерь, въ которомъ наши молодцы защищались послѣ очищенія цитадели.

„Затѣмъ я бомбардировалъ городъ и взялъ его штурмомъ. Мои войска потеряли около 40 человекъ, потери же непріятеля были громадны. Вскорѣ мнѣ пришлось разсѣять новую шайку кипчаковъ, которая собралась на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи у гор. Балыкчи. Совершенно неожиданно напасть я на безпечныхъ халатниковъ, разбилъ ихъ на голову, уничтожилъ большія склады продовольствія, заготовленные жителями и вернулся снова въ Наманганъ. Потери моего отряда были самыя ничтожныя. Однакожъ кипчаки, эти буйные сыны Ферганы, не хотѣли смириться и продолжали свою враждебную агитаціонную дѣятельность. На мое представленіе о необходимости нанести рѣшительный ударъ кипчакамъ разгромить ихъ се-

ленія—зимовки въ горахъ послѣдовало разрѣшеніе Кауфмана и я сталъ готовиться къ новой зимней экспедиціи. Зимній походъ для нашего казака солдата не страшенъ, особенно если снабдить его всѣмъ необходимымъ. Русскій человѣкъ привыкъ къ холоду, морозу, снѣгу, это его союзники, друзья. Для жителей же юга это, напротивъ, самый лютой врагъ, особенно, если принять во вниманіе ихъ неподготовленность къ зимнимъ операціямъ. Отрядъ я сформировалъ довольно сильный (до 2½ т.) изъ всѣхъ родовъ оружія и тщательно снабдилъ его всѣмъ необходимымъ. Подъ Рождество мы выступили въ путь по отвратительнымъ горнымъ дорогамъ и принялись за вандальское разрушеніе въ мѣстности Эки-Су-(Дарья)—Арасы между рѣками Нарынъ и Кара-Дарья. Нѣсколько кишлаковъ было сожжено, разорено, нѣсколько шаекъ уничтожены, паника распространилась на населеніе далеко за предѣлы нашего марша.

„Между тѣмъ одинъ изъ главныхъ агитаторовъ возстанія Абдурахманъ стянулъ къ себѣ значительныя силы кипчаковъ (до 20 т.), занялъ г. Андижанъ и возмущилъ жителей, которые рѣшили упорно обороняться. Тогда я вторично подошелъ съ войсками къ Андижану. Два раза я въ городъ посылалъ съ предложеніемъ жителямъ сдаться, но оба раза они отказались. Волей—неволей пришлось прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ: я выдвинулъ батареи на позицію, бомбардировалъ городъ и затѣмъ двинулъ пѣхоту на штурмъ. Городъ былъ занятъ и Абдурахманъ со своими полчищами бѣжалъ въ гор. Ассакѣ. Не давая ему опомниться, я преслѣдовалъ его форсированнымъ маршемъ до Ассакѣ, гдѣ онъ со своими кипчаками занялъ сильную позицію на высотахъ близъ города. Здѣсь снова произошелъ бой, который окончился для насъ блистательной побѣдой. Кипчакамъ нанесено было рѣшительное пораженіе: Абдурахманъ, Батырь-Тюра и другіе руководители возстанія сдались въ плѣнъ; разныхъ трофеевъ—орудій, ружей, холоднаго оружія, лошадей и проч. было взято масса. Наша побѣда при Ассакѣ имѣла огромное нравственное значеніе и вся восточная часть ханства сразу изъявила полную покорность, изъ всѣхъ городовъ явились немедленно депутаціи. Въ западной половинѣ ханства броженіе, впрочемъ, продолжалось: оставался еще одинъ врагъ, нѣкто Фулатъ-бекъ, который со своей шайкой удралъ въ Алайскія горы и занялъ укрѣпленный кишлакъ Учъ-Курганъ. Честь разбитія этого послѣдняго принадлежитъ всецѣло полковнику Меллеръ-Закомельскому и его храброму разумному помощнику капитану Куропаткину (Алексѣю Николаевичу). Посланный мною отрядъ изъ семи сотенъ, подъ командой Меллера-Закомельскаго, въ Алайскія горы напалъ ночью на шайку Фулата и нанесъ ей жестокое пораженіе. Захвачено было 5 орудій, масса разнаго оружія, бунчуковъ, аммуниціи и проч. Эта славная побѣда была триумфомъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ долинѣ Сыръ-Дарьи. Съ соизволенія Государя Императора рѣшено было присоединить Ханство къ Россійскимъ владѣніямъ. Со своими войсками я занялъ столицу Ханства Коканъ и объявилъ жителямъ о состоявшейся волѣ Бѣлаго Царя. При этомъ я прибавилъ, что всякая новая попытка къ возстанію поведетъ за собой суровыя репрессивныя мѣры съ нашей стороны. Я далъ слово, что разгромлю край, не оставлю камня на камнѣ, винов-

ныхъ перевѣшаю. Съ этими господами нужно быть великодушнымъ, гуманнымъ, разъ они изъявляютъ покорность, кладутъ оружіе, и суровымъ, безжалостнымъ, если они нарушаютъ слово, прибѣгають къ коварству. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ надо дѣйствовать по Тамерлановски. Народы Кокана увидѣли, что я съ ними не шучу, что въ случаѣ надобности я не задумаюсь прибѣгнуть отъ угрозы къ дѣлу. Скрѣпя сердце, они покорились печальной необходимости, т. е. изъявили полную покорность и вернулись къ своимъ мирнымъ занятіямъ. Къ русскимъ они стали относиться съ боязнью и уваженіемъ... Плодородный уголокъ съ трудолюбивымъ населеніемъ еще болѣе увеличилъ и безъ того обширныя владѣнія Россіи... Государю Императору угодно было назначить меня начальникомъ новой Ферганской области".

Военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками въ Ферганѣ Михаилъ Дмитріевичъ былъ болѣе года и въ это время ему пришлось подавить возстаніе кара-киргизовъ, что и исполнено нанесеніемъ имъ 26-го апрѣля 1876 года полнаго пораженія при Янгирѣ. Въ августъ была предпринята экспедиція въ горы Тянь-шань и на Алай. Только съ покореніемъ горной полосы ханства можно было приступить къ мирной работѣ въ присоединенной къ Россіи Ферганской области.

За покореніе коканскаго ханства Скобелеву были пожалованы: 18 октября 1875 года—чинъ генераль-маіора съ зачисленіемъ въ Свиту Его Величества, съ оставленіемъ и въ генеральномъ штабѣ, 18 ноября того же года—золотая сабля съ надписью „за храбрость“ и орденъ св. Георгія 3 степени, 18 февраля 1876 года—золотая шпага, брилліантами украшенная, съ надписью „за храбрость“, 2 апрѣля 1876 года—орденъ св. Владиміра 3 степени съ мечами.

Въ Ферганѣ Скобелевъ неумолимо искоренялъ злоупотребленія тогдашняго Туркестанскаго интендантства. Немедленно на него посылались доносы въ Петербургъ; его обвиняли въ отступленіяхъ отъ законности, въ произволѣ. Пришлось Михаилу Дмитріевичу ѣхать въ Петербургъ объясняться. Когда онъ явился Императору Александру II, то Его Величество сначала поблагодарилъ его за службу въ Туркестанѣ, но потомъ началъ его журить за оригинальничанье добавивъ: „Я второго Черныяева у себя не потерплю“.

15 марта 1877 года онъ былъ отчисленъ отъ должности военнаго губернатора Ферганы, съ оставленіемъ въ Свитѣ Его Величества и въ генеральномъ штабѣ.

Почти восьмилѣтняя боевая дѣятельность Скобелева въ Средней Азіи—первоначально въ роляхъ подчиненныхъ, а затѣмъ въ самостоятельныхъ,—явилась для него отличною школою. Здѣсь подготовился онъ къ дальнѣйшему уже вполне самостоятельному экзамену, каковымъ для него въ 1880—81 гг. и была ахаль-текинская экспедиція.

14. Участіе Скобелева въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 г.г.

Русско-турецкая война 1877—78 г.г. выдвинула М. Д. Скобелева на первый планъ. О немъ заговорила печать всего міра. Еще нахо-

дясъ въ Ферганской области, онъ слѣдить за перипетіями турецко-сербской распри и, когда побѣда турокъ надъ сербами вызвала войну съ Россіей, онъ поспѣшилъ, оставивши уже губернаторскій постъ, добровольцемъ выпросился на театръ войны.

Хотя война въ принципѣ и была рѣшена еще осенью 1876 г. и тогда начали стягиваться въ Бессарабіи наши войска, но военныя дѣйствія открылись спустя болѣе полугода послѣ сосредоточенія арміи, вѣренной Главнокомандующему Велик. Кн. Николаю Николаевичу Старшему.

Императоръ Александръ II, зная пылкій характеръ своего Августѣйшаго брата, выбралъ Ему въ начальники полевого штаба извѣстнаго осмотрительностью генерала Артура Адамовича Непокійчицкаго, по плану котораго кампанія затягивалась по два года. 12 апрѣля 1877 г., объявленъ Высочайшій манифестъ о войнѣ и въ этотъ же день М. Д. Скобелевъ началъ свою великую службу Россіи, доставившую ему ореолъ кумира войскъ и народа, съ такою славою, какой не достигалъ еще никто изъ русскихъ генераловъ послѣ А. В. Суворова.

12 апрѣля 1877 г. русскія войска перешли границу Румыніи тремя колоннами.

Правая колонна генераль-лейтенанта барона Дризена отъ Унгенъ чрезъ Яссы въ Копачени близъ Бухареста.

Средняя колонна генераль-лейтенанта Ванновскаго отъ Унгенъ на Яссы и Фокшаны въ Бенеасъ близъ Бухареста и

Лѣвая колонна генераль-лейтенанта Радецкаго отъ Бештамака чрезъ Фалчи, Галацъ, Бранловъ, Бухарестъ къ Журжеву и Дайце. Во главѣ лѣвой колонны шла Кавказская казачья дивизія подъ командою генераль-лейтенанта Скобелева 1-го. Начальникомъ штаба этой дивизіи былъ генераль-маіоръ М. Д. Скобелевъ.

Движеніе нашихъ войскъ могло быть задержано, если бы турки взорвали Барбошскій мостъ черезъ р. Серетъ на Галацко-Бухарестской жел. дорогѣ; для овладѣнія имъ въ день объявленія войны и посланы были казаки Скобелева, своею стремительностью (въ сутки они прошли 100 в.) помѣшавшіе туркамъ уничтожить этотъ важный для насъ мостъ.

Это была первая заслуга М. Д., не только не оцѣненная, но даже никѣмъ въ свое время не замѣченная, сдѣлавшаяся извѣстною послѣ только со словъ казаковъ, участниковъ набѣга на Барбошскій мостъ 12 апрѣля 1877 г.

По прибытіи къ берегу Дуная у Журжева, М. Д. сталъ тяготиться бездѣйствіемъ въ ожиданіи переправы арміи на турецкій берегъ. Онъ началъ подговаривать отца сдѣлать рекогносцировку турецкаго берега, для чего переправить черезъ Дунай вплавъ по сотнѣ отъ каждаго полка дивизіи. Собравные на совѣтъ полковые командиры, полковники Кухаренко, Левизъ, Орловъ и Панкратьевъ, высказали свои опасенія, кромѣ Левиза, который согласился сдѣлать пробную переправу.

Съ охотниками офицерами и казаками М. Д. поплылъ на не-пріятельскій берегъ. Всѣ его спутники воротились окунувшись, а прочіе проплывши около полуверсты, М. Д. одинъ поплылъ далѣе,

хорошо понимая, что кому другому, а ему повернуть назадъ немислимо. Отецъ М. Д. Дмитрій Ивановичъ все время кричалъ сыну: „воротись, Миша, утонешь! Миша, воротись!“... Но тотъ не послушался и почти доплылъ до противоположнаго берега, гдѣ его приняла посланная за нимъ лодка. Лошадь же, освободившись отъ всадника, сначала удерживавшагося за гриву, а потомъ за хвостъ, благополучно добралась до берега.

8-го іюня, желая отбросить батарею турокъ, мѣшавшую нашей флотилии, подъ командою капитана Новикова, работать надъ прокладкою минъ въ Дунаѣ, Скобелевъ вмѣстѣ съ полковникомъ Струковымъ бросились въ лодки съ нѣсколькими хорошими стрѣлками на выручку флотилии. Дунай, разлившійся на 2 версты, не мало этому препятствовалъ и прошло много времени, пока они прибыли на островъ Мачинъ.

Въ это время турецкая батарея уже заняла позицію и снималась съ передковъ. Наши же лодки не могли причалить къ берегу, вслѣдствіе густыхъ тростниковъ. Видя, что нашей флотилии угрожаетъ опасность, Струковъ бросился за бортъ и частью вплавъ, частью по грудь въ водѣ успѣлъ достигъ до паровыхъ катеровъ, гдѣ и предупредилъ Новикова объ опасности и вся флотилія моментально снялась и отправилась вверхъ по теченію.

Но у берега на отмели остались еще наши шестерки и до 140 матросовъ и стрѣлковъ съ тремя ранеными. Первою заботою Скобелева и Струкова было теперь спасеніе оставшихся на отмели, въ чемъ они и успѣли при помощи своихъ людей и съ содѣйствіемъ штабсъ-капитана генеральнаго штаба Сахарова и командира 54-го пѣхотнаго Минскаго полка, полк. Мольскаго. Подплывъ къ берегу, дружно схватились всѣ они за шестерки и на рукахъ стали перетаскивать ихъ черезъ отмель, какъ вдругъ снарядъ, упавшій въ первую же лодку, разорвалъ ее въдребезги. Удалось переташить и спустить на воду только двѣ лодки, а двѣ остальные были оставлены на берегу. Невозможность посадить всѣхъ людей на эти лодки заставила отступать просто пѣшкомъ, по горло въ водѣ, отстрѣливаясь отъ турецкихъ батарей. Людямъ вѣрно было разсыпаться въ водѣ, дабы по возможности менѣе служить цѣлью выстрѣламъ противниковъ. Генераль Скобелевъ и полковникъ Струковъ, стоя по плечи въ водѣ, размѣщали въ лодкахъ всѣхъ раненыхъ и оставшихся людей. Тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ не хватило мѣста, они бросали пробковые матросскіе пояса, а не умѣвшимъ держаться на водѣ подавались связанные между собою ружейные ремни, съ помощью коихъ люди эти буксировались лодками. Осмотръ берега убѣдилъ наконецъ, что тамъ не оставлено никого изъ нашихъ, и только послѣ этого оба начальника, распорядившіеся размѣщеніемъ людей на судахъ, позволили себѣ вылѣзти изъ воды и послѣдними сѣли въ лодки.

Они уже приплыли къ нашему берегу, какъ вдругъ съ турецкой стороны донесся отчаянный крикъ человѣка, умолявшаго о помощи. Сознавая, что оставленному грозитъ неминуемая гибель, Скобелевъ со Струковымъ перепрыгнули въ легкую весельную шлюпку и, подъ неумолкавшимъ турецкимъ огнемъ, поплыли на ту сторону.

Тамъ дѣйствительно оказался одинъ изъ нашихъ—матросъ гвардейскаго экипажа, Шульскій, который, не желая оставлять свое ружье, положенное на землю во время работы, пошелъ разыскивать его по берегу и не замѣтилъ, когда отплыли лодки. Увидѣвъ, что для его спасенія плыветъ наша шлюпка, онъ самъ бросился въ воду съ отысканнымъ ружьемъ и поплылъ къ ней на встрѣчу.

Молодость и два Георгіевскихъ креста Скобелева мозолили глаза всѣмъ честолюбцамъ. Интригамъ и выдумкамъ про него среди чиновъ полевого штаба не было конца. Когда дивизія отца была подѣлена на части, то и сынъ остался безъ должности. Ему не нашлось команднаго мѣста и онъ самъ началъ стараться найти себѣ дѣло, не гнушаясь самымъ маленькимъ.

Послѣ раздѣленія дивизіи отца, М. Д. участвовалъ, по своему собственному желанію, въ переправѣ черезъ Дунай отряда генераль-маіора Драгомирова у Зимницы-Систова. Здѣсь, принявъ начальство надъ нѣсколькими ротами 4-й стрѣлковой бригады, онъ ударилъ во флангъ туркамъ, чѣмъ принудилъ ихъ къ отступленію. Здѣсь же, въ виду отсутствія ординарцевъ у начальника отряда, онъ вызвался самъ и передавалъ его приказанія подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, о чемъ въ реляціи генераль-маіора Драгомирова было сказано: „не могу не засвидѣтельствовать о великой помощи, оказанной мнѣ свиты Его Величества генераль-маіоромъ Скобелевымъ, принимавшимъ на себя съ полною готовностью назначенія, не исключая и ординарческихъ, и о томъ благотворномъ вліяніи, которое онъ оказывалъ на молодежь своимъ блистательнымъ, неизмѣнно яснымъ спокойствіемъ ¹⁾“.

Послѣ переправы о Скобелевѣ заговорили.

Затѣмъ онъ участвуетъ въ дѣлахъ, имѣющихъ все болѣе и болѣе важное значеніе: 25-го іюня—въ развѣдкѣ и занятіи г. Бѣлы, 3-го іюля—въ отраженіи нападенія турокъ на Сельви и 7-го іюля, съ авангардомъ Габровскаго отряда, въ занятіи Шипкинскаго перевала ²⁾.

Только со второй половины іюля Михаилъ Дмитріевичъ началъ пріобрѣтать довѣріе Главнокомандующаго: ему хотя и не давали отдѣльной части, но уже поручали командованіе сборными отрядами. Когда, послѣ неудачи 8-го іюля подъ Плевною, рѣшено было атаковать Плевненскій укрѣпленный лагерь 18 іюля, Скобелеву съ Кавказскою казачьею бригадой, баталіономъ Курскаго полка и 8-юю Донскою батареею поручена была охрана лѣваго фланга боевого расположенія отряда генерала Криденера, а въ случаѣ отступленія непріятеля—приказано перейти р. Видъ и отрѣзать туркамъ пути.

Бой подъ Плевной 18-го іюля, какъ извѣстно, окончился для насъ неудачею и надолго задержалъ наши наступательныя дѣйствія. Въ этотъ день Скобелевъ проявилъ рѣдкое самоориентированіе, а искусныя дѣйствія его отряда показали, къ чему можетъ быть способна наша конница въ умѣлыхъ рукахъ даже и въ неблагопріятной обстановкѣ.

1) За переправу Скобелевъ былъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-й степени съ мечами.

2) Скобелевъ былъ командированъ въ распоряженіе начальника Габровскаго отряда, генераль-адъютанта князя Святополкъ-Мирскаго, который направилъ на перевалъ Орловскій полкъ съ 2 орудіями и сотнею казаковъ.

Послѣ Плевненской неудачи, въ ряду мѣръ для воспрепятствованія Осману-пашѣ двинуться на соединеніе съ Сулейманомъ,— 10 августа, подъ начальствомъ Михаила Дмитріевича, былъ сформированъ особый отрядъ (4 бат. пѣх., 12 сотенъ и 14 ор.), который и выдвинуть на шоссе изъ Ловчи въ Сельви, къ д. Какринѣ. Сосредоточивъ здѣсь свои войска 12 августа, Скобелевъ дѣятельно приступилъ къ укрѣпленію позиціи, но пассивное положеніе отряда томило молодого генерала, и онъ предпринялъ рядъ развѣдокъ: лично—на Ловчу и Траянской переваль и посредствомъ развѣздовъ—на Имитлію. Развѣдка къ сторонѣ Ловчи убѣдила Скобелева въ невозможности наступленія турокъ отсюда къ Сельви, а потому онъ обратился къ ген. Радецкому и кн. Святополкъ-Мирскому, прося ихъ ходатайствовать, чтобы какринскій отрядъ былъ притянутъ на Шипку.

Однако 18 августа въ главной квартирѣ рѣшено было овладѣть Ловчею, и задача эта была возложена на войска кн. Имеретинскаго (у Сельви); какринскій-же отрядъ долженъ былъ служить имъ авангардомъ. По просьбѣ князя, предположеніе для атаки было составлено Скобелевымъ, причѣмъ имъ подробно былъ изложенъ самый ходъ ея и представленъ глазомѣрный планъ окрестностей города. Атака Ловчи была произведена 22 августа, причѣмъ Скобелевъ командовалъ лѣвою колонною. Кромѣ образцовой распорядительности и умѣнья руководить войсками, онъ и здѣсь показалъ личную отвагу: по занятіи города, онъ, во главѣ пяти баталіоновъ, прикрывшись стрѣлковыми цѣпями, съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами, ринулся противъ лѣваго фланга и на путь отступленія турокъ и тѣмъ завершилъ ихъ пораженіе.

Небезинтересенъ эпизодъ, свидѣтельствующій о способности Скобелева въ самомъ пылу боя возстановить порядокъ въ растерявшейся части. Баталіонъ Эстляндскаго полка, выйдя на кладбище и впервые попавъ подъ выстрѣлы, безъ команды побѣжалъ черезъ кладбище, ища укрытія отъ пуль за домами. Скобелевъ, видя этотъ безпорядокъ, чтобы дать урокъ необстрѣленнымъ солдатамъ, приказалъ выстроить баталіонъ посрединѣ кладбища развернутымъ фронтомъ къ сторонѣ противника и, побранивъ людей, велѣлъ продѣлать ружейные приемы. Турки немедленно открыли огонь, и нѣсколько человекъ упали ранеными. Однако ни пули, ни стоны раненыхъ не помѣшали продолженію ружейныхъ приемовъ по командѣ баталіоннаго командира. Порядокъ былъ возстановленъ, и баталіонъ стройно двинулся по назначенію.

При дальнѣйшемъ движеніи 24 августа отряда кн. Имеретинскаго къ Плевнѣ, Скобелевъ командовалъ авангардомъ его. Выступивъ на разсвѣтѣ съ 2 сотнями и 4 орудіями, онъ произвелъ смѣлую развѣдку по плевно-ловчинскому шоссе, съ цѣлью: а) опредѣлить, не произошло-ли послѣ боя 18 іюля перемѣнъ въ расположеніи непріятеля на крайнемъ лѣвомъ флангѣ нашей атаки, и б) провѣрить распространившіеся въ отрядѣ слухи, будто турки оставили Плевну.

Между тѣмъ въ главной квартирѣ рѣшено было, во что бы то ни стало, сломить Плевну, и 30-го августа произошла третья ея атака. Участіе въ этомъ бою Скобелева, дѣйствовавшаго на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, было въ полномъ смыслѣ блестяще: въ то время

какъ центръ (наши гл. силы) потерпѣлъ совершенную неудачу, на лѣвомъ флангѣ Скобелевъ имѣлъ рѣшительный успѣхъ и настолько, что Османъ-паша собралъ военный совѣтъ и уже отдалъ секретныя распоряженія объ отступленіи. Но Скобелевъ не былъ поддержанъ не только 30-го, но и 31-го. Атакованный затѣмъ превосходными силами турокъ, онъ цѣлый день своимъ сравнительно слабымъ отрядомъ отбивалъ нападеніе противника; когда-же убѣдился въ тщетности надежды на подкрѣпленіе и увидѣлъ сосредоточенною противъ себя большую часть арміи Османа, то приказалъ отступать.

Въ бояхъ подъ Плевной Скобелевъ, кромѣ личнаго геройства и искусства управлять войсками, доказалъ также и умѣнье воодушевлять ихъ; только его присутствіе и личный примѣръ дали возможность его отряду имѣть успѣхъ въ теченіе 2 дней надъ сравнительно сильнѣйшимъ противникомъ.

1-го сентября 1877 года, Михаилъ Дмитріевичъ за отличіе произведенъ въ генераль-лейтенанты, а 13-го—назначенъ начальникомъ 16-ой пѣхотной дивизіи.

Когда наша послѣдняя попытка взять Плевну открытою силою окончилась неудачею и рѣшено было заморить въ ней Османа голодомъ, причемъ вся окружность Плевны была раздѣлена на участки, то въ вѣдѣніе Скобелева поступилъ плевно-ловчинскій участокъ, на которомъ онъ раньше такъ блистательно дѣйствовалъ 18-го июля, въ концѣ августа и въ первыхъ числахъ сентября. Начальствуя здѣсь, Скобелевъ не давалъ туркамъ покоя ни днемъ, ни ночью, причемъ ему пришлось отнимать у непріятеля то, что уже раньше находилось въ нашихъ рукахъ. Такъ, въ концѣ октября онъ занялъ д. Брестовацъ, а въ ночь на 30-е октября велъ отчаянный бой за Зеленую гору и утвердился на нихъ.

Почти, во всѣхъ приказахъ Михаила Дмитріевича за это время проглядываетъ самая теплая забота о солдатѣ.

Такъ въ приказѣ по 16-ой пѣх. дивизіи отъ 21 сентября, за № 301, читаемъ: . . . „Начальникамъ частей обратить особенное вниманіе на сохраненіе здоровья и силъ ввѣренныхъ имъ людей. Для выполненія этой цѣли рекомендуется: ежедневную мясную порцію на человѣка довести до одного фунта мяса; пищу выдавать въ определенное время по возможности горячею; чай выдавать ежедневно, а спиртъ—въ сырые и холодные дни и послѣ смѣны частей со службы или возвращенія съ работъ. Слѣдить, чтобы люди подшевали фуфайки, а въ холодъ и дождь надѣвали шинели.

„Строго запрещаю составлять въ частяхъ экономическія суммы изъ денегъ, отпускаемыхъ на продовольствіе нижнихъ чиновъ, пока ежедневная дача мяса не доведена до одного фунта на человѣка. Обратно, одобряю всякій расходъ изъ хозяйственныхъ полковыхъ суммъ, клонящійся къ улучшенію пищи и вообще содержанія нижнихъ чиновъ“.

А вотъ для примѣра и приказы Михаила Дмитріевича какъ по духу, такъ и по языку являющіеся отраженіемъ приказовъ его дѣда Ивана Никитича.

13 октября, за № 356: „Лагерь нашъ слишкомъ скучный. Желательно было-бы, чтобы чаще горѣли костры, пѣли-бы пѣсни; назна-

чать по очереди передъ вечернею зарею въ центрѣ позиціи играть хору музыки. Разрѣшается пѣть и поздно вечеромъ. Во всѣхъ рогахъ обратить серьезное вниманіе на образованіе хорошихъ пѣсельниковъ; походъ безъ пѣсельниковъ—грусть, тоска“.

Дополненіе къ приказу 14 октября, за № 360: „Сего числа вѣренна мнѣ дивизія, 16 Ар. бр. 3 бат. 1 сот. 38 д. п. поднятая по тревогѣ была готова къ выступленію, менѣ чѣмъ въ 25 м. времени.

„Еще разъ молодецкія войска блистательно доказали что потери и лишенія, сопряженныя съ кровавыми битвами и трудностями поздняго осенняго похода не могутъ ихъ поколебать.

„Я сегодня съ гордостью смотрѣлъ на Васъ дорогихъ всей Русской землѣ молодцовъ и съ увѣренностью думалъ о близкомъ вѣроятіи днѣ, гдѣ мы опять станемъ лицомъ къ лицу съ врагомъ, опять подѣлски, грудью стоимъ за святое дѣло.

„Быстрота, вострогъ съ которыми всѣ Г.г. офицеры и солдаты изготовились къ бою, горя желаніемъ подѣлиться славою съ нашими братьями Гвардейцами, служить для меня залогомъ, что и въ новомъ своемъ составѣ войска 16 дивизіи сѣмѣютъ, какъ бы ни пришлось трудно, поддержать славу своихъ безсмертно славныхъ знаменъ.

„Вѣрьте мнѣ, ребята, какъ я Вамъ вѣрю, и тогда скоро мы опять, во славу Русскаго народа, заработаемъ спасибо батюшки Царя!“¹⁾

Послѣ паденія Плевны (28 ноября) Великій Князь Главнокомандующій рѣшилъ сдѣлать то, чего „никто не ожидаетъ“—перейти зимою черезъ Балканы, разбить турокъ и идти къ Царьграду. Въ числѣ противниковъ безотлагательнаго перехода черезъ Балканы былъ и Скобелевъ²⁾. Это объясняется происшедшею въ немъ самомъ перемѣною послѣ третьей атаки Плевны, въ смыслѣ развитія въ немъ осторожности за счетъ прежней, не знавшей предѣловъ, рѣшительности.

Широко и искусно задуманная операція перехода чрезъ Балканы была исполнена блестяще, начиная съ перехода черезъ Этропольскіе Балканы генерала Гурко и кончая переходомъ черезъ перевалы, ближайшіе къ Шипкѣ, генерала Радецкаго. Противъ послѣдняго находился Вессель-паша съ 35,000 чел. Радецкій, располагая съ подкрѣпленіями до 46,000 чел., остался въ центрѣ противъ фронта турокъ съ 10,000—12,000 чел. и направилъ: лѣвую колонну князя Святополкъ-Мирскаго (18,000—20,000 ч.) черезъ Травну въ обходъ праваго фланга и правую колонну ген. Скобелева (до 15,000 ч.)—отъ Топли черезъ Иметлійскій перевалъ въ обходъ лѣваго фланга Весселя-паши³⁾.

Подготовка дивизіи къ этому тяжелому походу была образцовая. Скобелевъ входилъ во всѣ нужды солдатъ, заготовляя все, отъ теплой одежды до иголки. Особенное-же вниманіе онъ обратилъ на то, чтобы люди получали обильную пищу; по приходѣ на ночлегъ, части должны были находить обѣдъ свареннымъ съ 1½ ф. мяса на человека. Зная плохія качества ружья, которымъ была вооружена 16-я

¹⁾ См. „Приказы Скобелева въ 1877—78 годахъ“. Сост. ген. шт. кап. Марковъ. 1907.

²⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ Д. А. Скалонъ, бывшій адъютантъ Главнокомандующаго. См. „Рус. Инв.“ 1907 г., № 88.

³⁾ П. Гейсманъ. Мих. Дм. Скобелевъ. „Воен. Сборн. 1907 г. № 6.

пѣх. дивизія, онъ приказалъ выдать въ семь ротъ Углицкаго полка турецкія ружья Пибоди съ достаточнымъ количествомъ патроновъ¹⁾.

то декабря дивизія выступила изъ Плевны, а 20-го сосредоточилась у Габрова, гдѣ подъ начальство М. Д. вошли и остальные части Иметлійской колонны.

Колонна Скобелева должна была начать движеніе вечеромъ 24-го декабря. Передъ выступленіемъ онъ отдалъ подробный приказъ, которымъ предписывалось поддерживать порядокъ и дисциплину, а главное—заботиться о нуждахъ войскъ. Для разработки дороги въ горахъ, еще съ вечера 23-го декабря были высланы 2 роты саперъ, но онѣ имѣли мало успѣха: снѣгъ оказался до 2 арш. глубиною, а мѣстами—до сажени. Движеніе было вообще чрезвычайно трудно: люди и лошади скользили и часто срывались внизъ; ползли наверхъ, цѣпляясь за кусты и деревья. Къ 9 часамъ утра 25-го декабря авангардъ отряда, совершивъ форсированный переходъ, сдѣлалъ только 6 верстъ, потративъ 17 часовъ. Движеніе главныхъ

Командующій 4-мъ армейскимъ корпусомъ, генераль-адъютантъ М. Д. Скобелевъ. Съ портрета, подареннаго Скобелевымъ генералу П. А. Романенко въ Константинополь въ 1878 году (собственность автора).

силъ затруднялось и артиллеріей. Спускъ въ долину р. Тунджи представлялъ еще большія затрудненія: тутъ саперы вырубали ступени,

¹⁾ Относящіяся къ этому времени приказы Скобелева за №№ 457, 458, 459 и диспозиція для движенія 16-ой пѣх. дивизіи—см. въ изд. ген. штаба капит. Марковымъ брошюрѣ: „Приказы Скобелева въ 1877—78 годахъ“.

но всетаки людямъ приходилось скатываться на шинеляхъ или саясь на лопату; лошади-же прямо стазкивались внизъ.

28-го декабря всѣ три колонны войскъ ген. Радецкого атаквали непріятеля и въ результатѣ—вся турецкая армія (30,000 чел. при 103 ор). сдалась на капитуляцію. Скобелевъ игралъ при этомъ выдающуюся роль: ему при Шейновѣ сдался самъ Вессель-паша. За это дѣло М. Д. награжденъ золотою шапкою съ брилліантами.

Послѣ плѣненія Весселя-паши наша армія перешла въ рѣшительное наступленіе. Скобелевъ былъ въ это время начальникомъ авангарда (16-я и 30-я пѣх. дивизіи съ ихъ арт., 3-я и 4-я стрѣлк. бригады, 4 сап. бат., 1-я кав. дивизія съ донск. каз. № 9 полкомъ, уральск. сотня и батареи 9 арт. бригады). 12-го февраля 1878 года онъ занялъ Санъ-Стефано.

1 мая того-же года ему былъ ввѣренъ лѣвый отрядъ дѣйствующей арміи (16 п. див. съ ея арт., 3 и 4 стр. бр. и сводн. гвард. драг. бригада), а 7 іюля поручено временное командованіе 4-мъ арм. корпусомъ. Въ августѣ Скобелевъ былъ зачисленъ въ списки 64-го пѣх. Казанскаго полка и назначенъ генералъ-адъютантомъ.

При движеніи нашей арміи отъ Константинополя къ Адриано-полю онъ съ 8 сент. по 4 окт. начальствовалъ авангардомъ (4 арм. корп. съ прикомъ къ нему войсками), а съ 4 окт. по 28 февр. 1879 г. былъ начальникомъ адрианопольскаго отряда.

Въ турецкую кампанію (говорить проф. Гейсманъ ¹⁾ Скобелевъ довершаетъ свое самообразованіе, какъ военачальникъ. Заботы его о солдатѣ и вообще о подчиненныхъ, устройствѣ продовольственной части и вообще военно-административная дѣятельность, наконецъ пониманіе значенія моральнаго элемента и умѣнье воздѣйствовать въ этомъ смыслѣ на войска настолько образцовы, что нелегко найти повтореніе сочетанія этихъ достоинствъ въ этой-же кампаніи. 18 іюля при второй атакѣ Плевны и 22 августа подъ Ловчей онъ даетъ выдающіеся образцы искусства, насколько онъ могъ его проявить въ качествѣ частнаго начальника. Величайшее искусство проявляетъ онъ особенно при третьей Плевнѣ, во время ея обложенія и при переходѣ черезъ Балканы.

Не удивительно, что Скобелевъ именно въ эту войну приобрѣлъ чуть-ли не всесвѣтную извѣстность, а въ Россіи за нимъ утвердилось имя „бѣлаго генерала“.

15. На оккупациі въ Болгаріи.

Въ числѣ русскихъ войскъ, оставленныхъ для оккупациі Болгаріи, былъ и корпусъ Скобелева.

За время Скобелевскаго правленія болгары такъ полюбили его, что заслышавъ о возвращеніи турецкой администраціи, начали массами переселяться изъ селеній, оставленныхъ подъ турецкимъ владычествомъ въ предѣлы новой автономной Болгаріи. Турецкія власти всѣми мѣрами, до насилій включительно, препятствовали этому переселенію и нужно было имѣть тактъ и энергію Скобелева, чтобы защитить болгаръ и не вызвать новой войны съ Турціей.

¹⁾ П. Гейсманъ. Мих. Дмитр. Скобелевъ. „В. Сб.“ 1907 г. № 8.

Самъ Скобелевъ жилъ въ городѣ Сливно—болгарской Москвѣ, и население этого города положительно его боготворило. Чтобы воспитать болгаръ къ отпору туркамъ послѣ ухода русскихъ, Скобелевъ учредилъ въ каждомъ селеніи такъ называемые сельскіе караулы, обученные военному дѣлу бывшими болгарскими ополченцами и вооруженные кринковскими винтовками. Скобелевъ самъ лично, съ любовью и увлеченіемъ, занимался обученіемъ ратному дѣлу поселянъ Сливенской губерніи и сводилъ ихъ не только по дружинамъ, но и въ большіе отряды и производилъ имъ маневры въ обширныхъ размѣрахъ. По описанію Яшерева Сливенскіе сборы поселянъ достигали иногда восемнадцати тысячъ человекъ. Братушки были отъ него въ восторгѣ и теперь повторяютъ слышанныя отъ М. Д. слова:

„Если нужно, отдайте женъ, дѣтей, имѣнье, но берегите ваши ружья“.

Видѣвшіе Скобелевскіе маневры съ болгарскими селянами отзывались съ похвалою объ этой импровизированной арміи. Въ рукахъ своего создателя поселенцы—ратники способны были изгнать изъ своей родины турокъ безъ помощи русскихъ войскъ. Когда стройные ряды дружествъ изъ селяковъ проходили пестрыми колоннами подъ звуки своего народнаго гимна „Шуми марица окрававена“ съ передѣланнымъ въ гор. Сливно припѣвомъ: „Маршъ, маршъ, Скобелевъ нашъ“, на каждомъ отдѣльно взятомъ лицѣ можно было ясно прочесть припѣвъ и такъ: „Маршъ, маршъ, Царьградъ будетъ нашъ“.

Вотъ какъ рисуетъ Яшеровъ наружный видъ созданныхъ Скобелевымъ болгарскихъ дружествъ, выходившихъ на парады и строившихся на лѣвомъ флангѣ русскихъ войскъ:

„Харманлійское дружество, стройно равняясь, стояло послѣднимъ. Пестрота и неуклюжесть національнаго костюма невольно вызывали улыбку. Рядомъ съ богатымъ купцомъ въ широчайшихъ шароварахъ изъ темносиняго тонкаго сукна, молодцеватымъ и стройнымъ, съ заломленной лихо барашковый съ краснымъ верхомъ шапкѣ, стоялъ селякъ въ сѣрой жакеткѣ и черныхъ узкихъ брюкахъ, а около него низенькій, коренастый чиновникъ городского управленія въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Около него селякъ попроще, въ уродливой курткѣ и безобразныхъ гаштахъ изъ грубаго коричневаго сукна, въ портянкахъ и опанкахъ, подтянутыхъ до самаго колѣна, перекрещенныхъ веревками. Далѣе какая-то длинная фигура въ болгарскомъ колпакѣ и длиннѣйшемъ сюртукѣ съ туфлями на ногахъ и такъ далѣе. Ранжиру никакого. Рядомъ съ двѣнадцати вершковымъ дѣтиной стоитъ карапузъ. На правомъ флангѣ дружества за ратного стоялъ Харманлійскій околийный начальникъ, впослѣдствіи Эски—Загребскій префектъ Несторъ Марковъ, а рядомъ съ нимъ за субалтерна предсѣдатель окружнаго суда Милковскій. Оба съ ружьями, хотя офицерамъ они и не полагаются.

Какъ патріоты, Марковъ и Милковскій добровольно сдѣлались инструкторами—учителями дружества. Нестора Маркова называли „Человѣкъ буря“. Брюнетъ 30—40 лѣтъ тринадцатилѣтняго роста, съ густыми черными бровями, съ черными огненными глазами, аршина полтора въ плечахъ, съ энергичными чертами лица. Баталіонъ такихъ бурь не задумываясь разнесетъ цѣлую дивизію любого войска, но этого мало; душа его, воля его—такая же буря; энергія способна

преклонить все и растоптать въ прахъ. Второй офицеръ дружелюбия, Милковскій по своей фигурѣ составлялъ противоположность Маркову; невысокаго роста, довольно полный, блондинъ съ русою бородою, добрыми сѣрыми глазами, челоуѣкъ лѣтъ за тридцать. Оба однако очень умны, равно воодушевлены любовью къ своему народу. Оба одинаково готовы были вести дружество на смерть, вызывая личнымъ примѣромъ у своихъ собратій повиновение и доблесть.

Оба патриота отлично сознавали, что чѣмъ скорѣе и ревностнѣе населеніе области займется военнымъ обученіемъ, тѣмъ скорѣе народъ болгарскій приобрѣтетъ то значеніе и силу, передъ которыми придется призадуматься не одной Турціи.

Благодаря неусыпнымъ трудамъ М. Д. Скобелева, въ періодъ оккупации, между Турціей и Балканами неожиданно, негаданно выросли двѣсти тысячъ болгарскихъ штыковъ, организованныхъ въ дружелюбія, бодро воспринявшихъ изъ подъ вѣковаго ига и заразившихся отъ „бѣлаго генерала“ отвагою и храбростію. Завѣтная мечта Скобелева о созданіи болгарскаго народнаго войска почти исполнилась. Онъ вдохнулъ въ него желанную энергію и народная сила изъ внушительной, по одному слову вождя, обращалась въ грозную, при всякомъ покушеніи на болгарскую свободу въ предѣлахъ отсѣченной на берлинскомъ конгрессѣ автономной Болгаріи, оставленной подъ призрачнымъ владычествомъ турокъ.

По свидѣтельству капитана Яшера, М. Д. Скобелевъ передъ отъѣздомъ изъ южной Болгаріи сказалъ на прощаньи болгарскимъ народнымъ депутатамъ и патриотамъ, что если бы надъ Болгаріей нависла какая нибудь гроза или невзгода, и его сабля имъ понадобится, то онъ обѣщаетъ откликнуться на первый ихъ зовъ и немедленно пріѣдетъ стать во главѣ болгарскаго народа и съ радостію положить жизнь свою за него.

Отсюда станетъ понятнымъ, почему память о Скобелевѣ до нашихъ дней жива въ сердцахъ болгарскаго народа и почему они воздвигли М. Д. особый памятникъ на Плевненскихъ позиціяхъ. При отъѣздѣ Скобелева изъ Болгаріи патриоты повсюду устраивали ему торжественные проводы и прощальные обѣды. Оваціямъ не было конца. Скобелева онѣ стѣсняли и онъ вынужденъ былъ тайкомъ, не прощаясь, уѣхать и только въ Бургасѣ, передъ посадкою его на пароходъ, идущій въ Одессу, настигли его болгарскіе патриоты и устроили ему за городомъ въ изукрашенномъ зеленю, флагами и цвѣтами шатрѣ прощальный раутъ. Ни одно городское зданіе не вмѣщало провожавшихъ, пришлось на полѣ выстроить мѣста амфитеатромъ. При отъѣздѣ народъ выпрягъ лошадей изъ кареты Скобелева и на себѣ донезъ его до квартиры и послѣ до пристани; энтузіазмъ признательнаго народа былъ неописуемъ.

М. Д. Скобелевъ послѣ отъѣзда изъ Болгаріи продолжалъ интересоваться ея судьбами. Будучи въ перепискѣ съ первымъ болгарскимъ княземъ Александромъ Батенбергскимъ онъ привлекалъ его къ дѣятельной поддержкѣ возстанію въ Герцеговинѣ. Принцъ Батенбергскій одно время приглашалъ даже М. Д. на постъ болгарскаго военнаго министра, но русское правительство отказало въ этомъ ходатайствѣ. Принцъ души не чаялъ въ Скобелевѣ и

лишь послѣ застольной рѣчи его на Геоки-Тепинской годовщинѣ испугался его угрозъ нѣмцамъ и перемѣнилъ фронтъ.

Восторженные рассказы болгарскихъ патриотовъ о созданіи Скобелевымъ въ Болгаріи военныхъ дружествъ и гимнастическихъ обществъ и о приснопамятныхъ блестящихъ смотрахъ этимъ дружествамъ какъ самого Скобелева въ маѣ 1879 г. въ Сливнѣ, такъ и генераль-адъютанта Обручева въ Тырнъ-Семенли, въ томъ же 1879 г., казалось, укрѣпили братство освободителей и освобожденныхъ навсегда. Несмотря на это болгарская интеллигенція черезъ пять лѣтъ начала проповѣдывать въ Болгаріи, что страна „не желаетъ ни русскаго меда, ни русскаго жала“.

Въ № 16 газеты „Русь“ за 1883 г. напечатана записка М. Д. Скобелева отъ 14 апрѣля 1879 г., доказывающая его горячую любовь къ болгарамъ и заботы къ огражденію ея независимости отъ турокъ.

„Сообщите полковнику Кесякову, въ бытность его въ г. Сливно, мое мнѣніе, что было бы крайне полезно, (если только возможно) немедленно приступить къ формированію нѣсколькихъ пѣшихъ и двухъ конныхъ саперныхъ командъ, специальное назначеніе которыхъ заключалось бы (въ случаѣ чего, Боже сохрани, турки вторгнулись бы съ огнемъ и мечемъ въ Восточную Румелію) въ быстромъ уничтоженіи желѣзной дороги отъ Ямболя до Татаръ-Базарджика. Если это не организовать предварительно, то и исполнить не удастся. Не надо упустить изъ виду, что все управленіе желѣзной дороги будетъ на сторонѣ турокъ; это мнѣ положительно извѣстно.

„Упомянутыя команды, хотя бы только кавалерійскія, должны быть снабжены: 1) топорами; 2) ключами для развинчиванія связующихъ рельсы винтовъ; 3) нѣсколькими ломами для того, чтобы срыть поперечныя рельсовые подушки; 4) динамитомъ въ достаточномъ количествѣ для производства необходимыхъ взрывовъ.

„Опытъ показалъ, что нѣсколькихъ знающихъ и хорошо снабженныхъ молодцовъ достаточно, чтобы испортить, даже на продолжительное время, движеніе по желѣзной дорогѣ.

„Если командамъ этимъ удастся овладѣть станціей сколько нибудь важной, то въ порядкѣ постепенности уничтожить 1) стрѣлки; 2) водопроводы; 3) помощью динамитныхъ патроновъ взрывать котлы и вообще существенныя части механизма захваченныхъ паровозовъ.

„Особенное вниманіе обратить на уничтоженіе водоснабженія. Это не импровизируется. Полковнику Кесякову слѣдовало бы изучить этотъ важный вопросъ заранѣе и въ каждомъ округѣ назначить нѣсколько надежныхъ патриотовъ исполнить это по первой тревогѣ. Сдѣлать это во время и основательно при данныхъ обстоятельствахъ и средствахъ быть можетъ самое исполнимое. Кромѣ сказаннаго, надо озаботиться, опять-таки заранѣе, возможностью быстро сжечь какъ станціи, такъ и часть захваченнаго подвижнаго состава. Болгарамъ все принадлежащее желѣзной дорогѣ можетъ служить только во вредъ. Я не настаиваю на необходимости уничтожить мосты гдѣ только удастся, въ особенности Семенли-Тырновскій. Къ сожалѣнію, желать это исполнить и исполнить—не одно и тоже. Врядъ ли брагушки съ этимъ справятся.

„До отъѣзда вашего заготовьте соображеніе—сколько динамит-

ныхъ патроновъ мы можемъ оставить полковнику Кесеякову и какъ это оформить.

„Начальникомъ болгарскихъ конныхъ саперныхъ командъ бы назначилъ поручика Р. . . На него бы возложилъ порученіе, въ примѣненіи къ данному случаю вышесказаннаго и подготовку средствъ. За этимъ человѣкомъ надо слѣдить: 1) чтобы онъ зря не болталъ; 2) чтобы основательно изучилъ—какъ съ имѣющимися средствами и въ зависимости отъ обстановки это исполнить. Разъ онъ пойметъ въ чемъ дѣло,—а объяснить обязанъ старшій начальникъ,— у него хватить и сметки и рѣшимости исполнить даже на носу у турокъ. М. Скобелевъ“.

16. Ахаль-тенинская экспедиція 1880—1881 гг.

Изъ Болгаріи Михаилъ Дмитріевичъ съ корпусомъ возвратился въ Россію. Приступивъ къ мирнымъ занятіямъ онъ, какъ видно изъ его приказовъ, повелъ дѣло воспитанія войскъ своего корпуса въ обстановкѣ, близко подходившей къ условіямъ военной, причѣмъ обращалъ вниманіе преимущественно на практическую сторону, особенно же—на развитіе лихости и выносливости въ конницѣ.

Въ январѣ 1880 года его вызвали въ Петербургъ для участія въ совѣщаніяхъ при Главномъ Штабѣ, касавшихся нашего положенія въ Средней Азіи, слагавшагося неособенно выгодно вслѣдствіе испытанныхъ неудачъ въ борьбѣ съ воинственнымъ племенемъ текинцевъ.

Къ юго-востоку отъ Красноводска и Михайловскаго залива тянутся горные хребты: Большія и Малыя Балханы, Кюрендагы и Копетдагы. У подножія послѣдняго, съ сѣверо-восточной стороны, тянется узкая, плодоносная полоса земли—оазисъ Ахаль-теке, длиною около 240 верстъ и шириною до 20 верстъ, отъ сел. Кизиль-Арватъ (с.-з. часть) до сел. Гаюурсъ (ю.-в. часть). Оазисъ населенъ воинственнымъ племенемъ *теке*, занимающимся скотоводствомъ и отчасти земледѣліемъ. Для охраны оазиса отъ вторженія русскихъ была выстроена обширная крѣпость *Янги-Шааръ* (новый городъ), названная нами впослѣдствіи Денгиль-Тепе. (схема 5).

Безпрестанные набѣги текинцевъ на подвластныхъ намъ іомудовъ и грабежи каравановъ заставили насъ наказывать ихъ вторженіями въ оазисъ до Кизиль-Арвата и Бами. Однако, вслѣдствіе нелицайшихъ затрудненій, съ которыми былъ сопряженъ подвозъ продовольствія изъ Красноводска по пустынѣ, съ весьма малымъ количествомъ плохой воды, отряды наши послѣ стычекъ должны были немедленно отступать, опасаясь недостатка продовольствія.

Въ 1878 году для упроченія спокойствія въ краѣ русскія войска подъ начальствомъ ген. Ломакина, выступивъ изъ Чикишляра, заняли Чатъ, гдѣ устроили крѣпость и оставили въ ней небольшой гарнизонъ. Однако это не достигло цѣли: вооруженныя толпы текинцевъ постоянно бродили вокругъ Чата, а на Чикишляръ сдѣлали даже открытое нападеніе. Въ виду этого въ январѣ 1879 года признано было необходимымъ овладѣть такимъ стратегическимъ пунк-

томъ, который давалъ бы намъ полное обладаніе оазисомъ. Принятая съ этою цѣлью экспедиція ген. Лазарева (а послѣ его смерти—ген. Ломакина) окончилась полною неудачею. Главною причиною неудачи являлось дурное обезпеченіе отряда продовольствіемъ, по недостатку перевозочныхъ средствъ.

Послѣ отступленія Ломакина дерзости текинцевъ не было предѣла: они грабили караваны и угоняли скотъ даже изъ-подъ Чикишляра. Необходимость новаго похода сознавалась всѣми вполне ясно. Во главѣ новой экспедиціи былъ поставленъ М. Д. Скобелевъ.

Съ весьма небольшимъ отрядомъ (первоначально—всего 6¼ батал., 48 ор. и 7 сот.) онъ рѣшилъ разбить текинцевъ, нанеся имъ грозный ударъ въ самомъ сердцѣ ихъ оазиса—кр. Денгиль-тепе. Для этой цѣли по плану М. Д. надлежало: идти впередъ систематично и осторожно, не повторяя роковыхъ ошибокъ предшественниковъ.

Скобелевъ съ обычною энергіею принялся за подготовку похода. Необходимо было прежде всего создать достаточныя перевозочныя средства для подъема продовольствія и для этой цѣли рѣшено было закупить около 20.000 ворблюдовъ. Съ такимъ числомъ ихъ возможно было рассчитывать на сосредоточеніе къ осени 1880 года между Красноводскомъ, Чикишляромъ и Кизыль-Арватомъ всѣхъ необходимыхъ запасовъ, послѣ чего надлежало уже перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Подготавлились двѣ линіи подвоза, *Михайловская*—отъ Михайловскаго залива на Кизыль-Арватъ и Бами и *Атрекская*—вдоль р. Атрека.

Для большаго обезпеченія подвоза, въ іюлѣ 1880 года начата была постройка желѣзной дороги отъ Михайловскаго залива до Кизыль-Арвата, съ цѣлью затѣмъ продолжить ее по мѣрѣ движенія впередъ.

Въ отрядъ были назначены испытанныя части кавказскихъ войскъ; при сформированіи его были приняты во вниманіе всѣ особенности предстоявшей войны. Между прочимъ, въ несоразмѣрномъ (сравнительно съ нормальными условіями) количествѣ была придана артиллерія, ибо нигдѣ, какъ въ Средней Азіи, не придаютъ такого значенія артиллерійскому огню. Для устройства связи между нашими малочисленными отрядами, могущими быть изолированными громадными скопищами текинцевъ или труднодоступною мѣстностью, взяты были съ собою гелиографы. Войска были снабжены рѣшительно всѣмъ необходимымъ до мелочей, напр., особыми рубашками и полушубками; для расположенія ихъ на ночлегахъ (въ виду холодныхъ ночей и отсутствія населенныхъ пунктовъ) были куплены кибитки, кошмы, юламейки и т. п.

Всѣ эти приготовленія заранѣе предупредили текинцевъ о готовящемся имъ рѣшительномъ ударѣ, и они въ числѣ до 45.000 чел. сосредоточились къ своему послѣднему оплоту—кр. Денгиль-тепе, избравъ руководителемъ стараго батыря—Тыкма-сердаря, прославившагося многими боевыми подвигами, храбростію и правильнымъ военнымъ взглядомъ.

Въ первыхъ числахъ мая 1880 г. Скобелевъ прибылъ въ Чикишляръ, а въ это время наши передовыя войска прочно заняли Бами. Дальнѣйшее движеніе всѣми силами оказывалось возможнымъ

не ранѣе, какъ по сосредоточеніи 6-мѣсячной пропорціи довольствія въ Бами (въ 112 в. отъ крѣпости). Эту задержку Скобелевъ использовалъ для развѣдокъ и для подготовки успѣха въ моральномъ отношеніи. Въ началѣ іюля онъ рѣшилъ произвести первую развѣдку крѣпости и выполнилъ это съ отрядомъ около 800 человекъ при орудіяхъ. Это движеніе горсти русскихъ, помимо цѣлей развѣдки, должно было имѣть громадное значеніе въ смыслъ перваго впечатлѣнія: удача давала сразу большіе шансы на успѣхъ, производя на халатниковъ неотразимое вліяніе моральной мощи этихъ смѣльчаковъ.

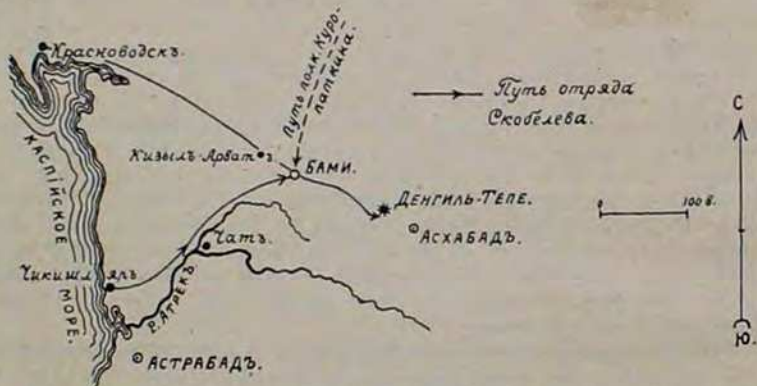

Схема 5-я. Районъ дѣйствія Скобелева въ ахаль-текинскую экспедицію.

1 іюля 1880 г. Скобелевъ выступилъ изъ Бами, 5 іюля остановился въ 12 верстахъ отъ крѣпости въ Егянъ-батыръ-кала, которую къ ночи и привелъ въ оборонительное состояніе, а вокругъ лагеря были приготовлены костры для освѣщенія мѣстности. Ожидая ночного нападенія текинцевъ и готовя отрядъ къ бою, Скобелевъ изъ своего боевого опыта издалъ слѣдующія инструкціи.

„Передъ боемъ начальникъ части долженъ обвѣнчаться съ сердцемъ части и чтобы эта часть являлась у него въ рукахъ въ критическій моментъ боя выраженіемъ наибольшаго усилія воли, духа и сердца вѣрнѣйшихъ ему людей“.

„Начальникъ воспитываетъ свою часть въ способности броситься въ рукопашный бой въ большинствѣ случаевъ не сразу, а исподволь, честнымъ отношеніемъ ко всѣмъ требованіямъ службы, заботливостью о благосостояніи людей и лошадей, любовью къ славѣ Знамени и постояннымъ напоминаніемъ нижнимъ чинамъ о славныхъ преданіяхъ части.“

„Я убѣжденъ, что при молодецкомъ веденіи отрядъ вернется съ честью. Общее впечатлѣніе всего этого смѣлаго движенія оправдываетъ рискъ. Въ Азіи надо бить по воображенію... Бомбардировка Геокъ-Тепе съ горстью людей и благополучное возвращеніе отряда отзовутся во всей Азіи“.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ крѣпости находилось до 25.000

человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Несмотря на это, Скобелевъ рѣшилъ на другой день продолжать развѣдку. Обозъ подъ прикрытіемъ $\frac{1}{2}$ роты и картечницы оставленъ былъ въ селеніи, а остальные войска въ $3\frac{1}{2}$ часа утра 6-го іюля двинулись по направленію къ южной сторонѣ крѣпости, гдѣ находился кишлакъ Янги-кала, въ 800 саженьяхъ отъ стѣнъ ея.

Вскорѣ изъ крѣпости показались значительныя массы текинской конницы, завязалась перестрѣлка. Пройдя 4 версты, отрядъ едва не попалъ въ засаду, устроенную Тыкма-сердаремъ съ 400 всадниками. По всадникамъ открыла огонь ракетная батарея. Двѣ первыхъ ракеты упали у станка; прислуга, ожидая взрыва, пришла въ смятеніе. Видя это, Михаилъ Дмитріевичъ подѣхалъ къ самой ракетѣ, взрывомъ которой ранило его лошадь. Прислуга ободрилась и послѣдующія ракеты полетѣли хорошо. Непріятель отхлынулъ.

Однако вскорѣ, оправившись, текинцы громадною массою охватили со всѣхъ сторонъ горсть нашихъ храбрецовъ, но не дѣлали попытки къ серьезной атакѣ. Къ полудню отрядъ подошелъ къ ручью Секизь-яби (на которомъ расположены селенія Геокъ-Тепе) и расположился на отдыхъ въ верстѣ отъ садовъ Янги-кала. Отдохнувъ $\frac{1}{2}$ часа, онъ двинулся къ холмамъ еще на 500 шаговъ впередъ, выставилъ артиллерию и въ теченіе часа бомбардировалъ крѣпость; въ это же время производилась развѣдка южной окраины Янги-кала (сады были заняты текинцами).

Дальнѣйшая развѣдка, въ виду малочисленности отряда и громадной массы непріятеля, признана была опасною, а потому отрядъ сталъ отходить къ Егянь-батыру. Непріятель насѣдалъ со всѣхъ сторонъ и даже бросался въ штыки; но, благодаря превосходству нашихъ ружей и отличному дѣйствию артиллеріи и картечницъ, нѣсколько разъ выѣзжавшихъ въ цѣпь, а главное—благодаря необыкновенному порядку въ отрядѣ (шли все время подъ музыку, стрѣляли только залпами), отступление къ Егянь-батыру совершено почти безъ потерь.

Здѣсь отрядъ имѣлъ ночлегъ, со всѣми мѣрами предосторожности отъ ночного нападенія. Скобелевъ провидѣлъ даже ночное нападеніе текинцевъ, сказавъ командиру батареи Полковникову: „2 часа текинцы будутъ ужинать, 2 часа совѣщаться и 2 часа, чтобы пройти сюда отъ Геокъ-Тепе... Стало быть такъ въ третьемъ часу они сдѣлаютъ нападеніе“.

Наступила ночь и весь отрядъ находился въ томительномъ ожиданіи атаки... Минуты были тяжелыя, мучительныя... Больше всѣхъ, конечно, волновался Скобелевъ.

Дѣйствительно Тыкма-сердаръ въ 2 часа ночи подошелъ съ 1,000 челов. конницы къ Егянь-батыръ-кала съ западной стороны, за конницею слѣдовало 2,000 челов. текинской пѣхоты.

На крики текинцевъ и выстрѣлы ихъ изъ нашего отряда, по приказанію Скобелева, не отвѣчали.

Текинцы вначалѣ быстро наступали, затѣмъ остановились и стали медленно отступать, не рѣшаясь броситься въ рукопашную на нашу цѣпь. Только самъ Тыкма-сердаръ подошелъ со спѣшенными кавалеристами къ нашей цѣпи на 50—75 шаговъ.

Глубокая, зловѣщая тишина нашего отряда сильно смущала текинцевъ.

„Страшна не та пуля, которая выпущена, а та, которая въ дуль“.

„Сдѣлай вы хоть одинъ выстрѣлъ—и мы бросились бы на васъ!“ говорилъ въслѣдствіи Тыкма-сердаръ по этому поводу.

Только талантъ Скобелева и отличное знаніе свойствъ противника могли дать ему такую выдержку въ самый критическій моментъ для отряда, который могъ быть раздавленъ массой, хотя не дешево досталось бы текинцамъ ихъ побѣда.

Наша потеря была сравнительно ничтожна: 3 убитыхъ, 16 раненыхъ. Текинцы потеряли до 200 челов., въ томъ числѣ нѣсколько предводителей. Побѣда была блестящая. 800 русскихъ дрались противъ 25,000 текинцевъ,—этихъ отчаянныхъ степныхъ волковъ, головорѣзовъ.

Таковъ былъ духъ, который Скобелевъ привилъ подчиненнымъ войскамъ.

Развѣдка эта и смѣлое движеніе горсти людей произвели сильное впечатлѣніе во всей Средней Азіи; въ Геокъ-Тепе водворилось уныніе, особенно при видѣ тѣхъ большихъ потерь, которыя нанесъ непріятелю нашъ небольшой отрядъ. Базарные толки разрослись до чудовищныхъ размѣровъ: потерю текинцевъ считали въ 15,000 чел. Племена юмудовъ близъ Атрека и около Хивы успокоились, и возстанія нечего было опасаться.

Развѣдка указала Скобелеву, что обложить крѣпость невозможно; штурмовать—въ виду массы ея защитниковъ и оконченности работъ по ея созданію—весьма рискованно; поэтому необходимо вести ускоренную осаду.

Къ 20 декабря въ запасы изъ Бами были перевезены въ укр. Самурское (прежнее—Егянъ-батыръ-кала), въ 12 верстахъ. Здѣсь-же сосредоточилось до 7,000 челов. Сюда-же къ этому времени прибылъ изъ Туркестана отрядъ полк. А. Н. Куропаткина, въ 884 чел. съ 900 верблюдовъ, преодолевшій чрезвычайныя затрудненія, при движеніи пустынею и усилившій войска Скобелева не столько въ численномъ, сколько въ моральномъ отношеніи.

20 декабря была взята Янги-кала, находившаяся въ 800 саженьяхъ къ югу отъ крѣпости.

Передъ днемъ штурма Янги-кала, Скобелевъ въ своей инструкціи для всѣхъ родовъ оружія между прочимъ писалъ слѣдующее:

„Непріятель храбръ и искусенъ въ одиночномъ бою. Стрѣляетъ мѣтко и снабженъ хорошимъ холоднымъ оружіемъ, но дѣйствуетъ въ разсыпную, мало послушенъ волѣ предводителя. Какъ основной принципъ въ Средней Азіи—всесиленъ сомкнутый строй.“

„По всему вѣроятію мы должны будемъ одолѣть упорное сопротивленіе за каждымъ закрытіемъ, можемъ встрѣтить отчаянный смертельный бой на ножкахъ и ятаганахъ. Будемъ бить противника тѣмъ, чего у него нѣтъ. Воспользуемся дисциплиною и нашимъ скорострѣльнымъ оружіемъ. Будемъ бить противника сомкнутымъ, послушнымъ, гибкимъ боевымъ порядкомъ, дружными мѣткими залпами и штыкомъ, всегда страшнымъ въ рукахъ людей, сбитыхъ дисциплиной,

чувствомъ долга и круговой порукой въ одно могучее тѣло — колонну“.

Кромѣ того, Скобелевъ обратился съ слѣдующими наставленіями:
1) артиллеріи.

„Когда раздается священный бой къ атакѣ, артиллерія должна забыть себя и всецѣло отдаться на поддержку товарищей. Въ эту великую, святую минуту она должна, не обращая вниманія ни на что, обгонять атакующія части и своимъ огнемъ, всегда особенно страшнымъ съ близкаго разстоянія, поколебать сердце противника. Въ эти рѣшающія мгновенія артиллерія должна имѣть душу, ибо артиллеристъ не машинистъ... Артиллерія должна беззавѣтно лечь вся, если это нужно для успѣха атаки, точно также какъ беззавѣтно класть свои головы пѣхота, атакуя противника. Часть, прикрывающая артиллерию, не выдать ее.

„Позоръ потери орудій ложится не на артиллерию, а на прикрытіе ея“.

и 2) кавалеріи:

„Кавалеріи не вступать въ бой съ текинскою конницею въ одиночномъ бою, такъ какъ текинцы ѣздятъ на превосходныхъ лошадяхъ и отлично владѣютъ холоднымъ оружіемъ. Атаку должно производить въ сомкнутыхъ колоннахъ и съ короткаго разстоянія... Осмотрительность, осторожность особенно необходимы по отношенію неразстроенной непріятельской конницы.

„Преслѣдовать текинскую конницу бесполезно — кони ихъ несутся какъ вихрь“.

Всѣмъ родамъ оружія Скобелевъ подтверждалъ „о выручкѣ своихъ, которая всегда была и будетъ во всѣ времена ключемъ къ побѣдѣ“.

21 декабря произведена была окончательная развѣдка крѣпости, причемъ были сдѣланы съемки и осмотръ ея инженерами. Послѣ этого инж. Рутковскимъ составленъ былъ планъ атаки. Сущность его: у Янги-кала прежде всего устроить лагерь, обезпеченный отъ нападеній текинцевъ фортификационнымъ способомъ; атаку направить на ю.-вост. уголъ крѣпости (болѣе другихъ острый, мѣстность впереди командуетъ крѣпостью, да и фронты здѣсь слабѣе), для чего заложить 3 параллели (одну за другою), вывести подступы, спуститься въ ровъ, заложить мины въ эскарпѣ и, произведя взрывъ, штурмовать крѣпость. Работы предположено было окончить въ 8—9 дней; параллели рѣшено заложить: 23-го декабря—1-ю, 24-го—2-ю, 27-го овладѣть калами противъ южной части восточнаго фронта, прочно здѣсь укрѣпиться и подаваться лѣвымъ флангомъ впередъ.

Текинцы безуспѣшно пытались многочисленными вылазками препятствовать работамъ; только 28 декабря вечеромъ они имѣли нѣкоторый успѣхъ, захвативъ одно орудіе и знамя Апшеронскаго полка.

Наконецъ, къ 12 января всѣ работы были закончены и на этотъ день былъ назначенъ штурмъ тремя колоннами: 1) полк. Куропаткина, 2) полк. Козелкова и 3) подполк. Гайдарова. Общій резервъ подъ начальствомъ Скобелева долженъ былъ дѣйствовать по обстоятельствамъ. Всего штурмовало 3,000 ч.; а резервъ состоялъ изъ 2,000 челов.

Дружнымъ усиленіемъ всѣхъ частей отряда было быстро сломлено упорное сопротивленіе текинцевъ. Побѣда была полная; погромъ, — еще никогда не испытанный текинцами. Дальнѣйшаго сопротивленія въ странѣ не было. Вскорѣ мирнымъ путемъ присоединился къ нашимъ владѣніямъ Мервъ.

Послѣдствія этой экспедиціи были громадны. Не говоря уже о приобрѣтеніи новой территоріи, значительно расширившей наши владѣнія въ Средней Азій, — русское слово стало снова имѣть внушительный вѣсъ у нашихъ сосѣдей на этой границѣ, — сомнѣнію въ нашей силѣ не могло быть болѣе мѣста. Цѣлая область была открыта мирному труду.

Ахаль-текинская экспедиція опредѣлила Скобелева, какъ полководца. Въ ней ярко обрисовался его характеръ настойчивый и энергичный въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, способность внутренне уравнивать себя въ наиболѣе критическія минуты, способность увлечь за собою массы на самыя трудныя предпріятія. Обаяніе его, какъ вождя, было громадно. Онъ отлично зналъ и горячо любилъ русскаго солдата, вѣрилъ въ его могучую нравственную силу. И солдаты, въ свою очередь, цѣнили это.

Сравнивая дѣйствія Скобелева, какъ подчиненнаго, въ первое время его службы въ Средней Азій съ боевою его дѣятельностью, когда онъ сталъ являться самостоятельнымъ начальникомъ, нельзя не видѣть большой разницы. Беззавѣтно храбрый, всегда во главѣ тѣхъ небольшихъ конныхъ отрядовъ, которыми командовалъ, онъ тогда стремился къ схваткѣ съ противникомъ въ рукопашную. Не то было, когда онъ сталъ отвѣтственнымъ начальникомъ. Въ это время выдвинулись на первый планъ глубокоразсчитанныя соображенія и осторожность въ дѣйствіяхъ, соединенныя съ переклонною рѣшимостью; личная-же отвага являлась лишь способомъ къ поднятію почему-либо поколебленнаго нравственнаго духа войскъ. Эти качества, начавшія развиваться еще съ турецкой кампаніи, достигли полного выраженія въ ахаль-текинской экспедиціи, гдѣ М. Д. выступилъ главнымъ и отвѣтственнымъ руководителемъ.

Изучая средне-азиатскіе походы Скобелева, а особенно его послѣднюю кампанію, ясно видимъ, что въ нихъ случайностямъ и риску отведено весьма мало мѣста; все основывалось на строгихъ расчетахъ, вызванныхъ глубокими соображеніями о характерѣ мѣстности и противника. Въ степномъ походѣ главную роль играетъ обезпеченіе войскъ въ матеріальномъ отношеніи, и Скобелевъ не начиналъ рѣшительныхъ дѣйствій, пока не собралъ запасовъ. Зная, что средне-азиатскій воинъ храбръ, любитъ дѣйствовать въ одиночку и стремится во что бы то ни стало къ рукопашной схваткѣ и при удачѣ привыкъ уничтожать все, — Скобелевъ дѣйствовалъ плотными массами, давалъ большое значеніе огню, производяшему сильное моральное впечатлѣніе; всякую побѣду онъ довершалъ не только преслѣдованіемъ, но по возможности совершеннымъ уничтоженіемъ врага.

Подготовка и выполненіе ахаль-текинской экспедиціи были настолько образцовы, что, даже если не считать подвиговъ М. Д. въ турецкую войну и ранѣе, даютъ ему полное право стать въ ряду великихъ полководцевъ.

За покореніе Ахаль-Теке Скобелевъ былъ 14 января 1881 года произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а 19 января того-же года получилъ ордена: св. Георгія 2-ой степени и св. Владиміра 1-й степени съ мечами.

По окончаніи экспедиціи и сдачѣ отчета о своихъ дѣйствіяхъ, Михаилъ Дмитріевичъ вернулся въ Россію и большую часть 1881 года и начало 1882 года провелъ въ заграничномъ отпуску.

17. Семейная и одинокая жизнь Скобелева.

Отъ графини А. Д. Медемъ, урожденной Нарышкиной, близко знавшей семью Скобелевыхъ, намъ довелось слышать, что мать М. Д. Ольга Николаевна, урожденная Полтавцева, души не чаяла въ сынѣ и въ его отсутствіе, при бесѣдахъ о немъ, всегда подходила съ знакомыми къ его портрету, стараясь восхваленіями его красоты, ума, дарованій привить и къ чужимъ то идольское поклоненіе предъ сыномъ, талантами котораго она искренно восхищалась, и вѣрила не-преложно, что подъ такимъ же очарованіемъ должны находиться и всѣ прочіе, кто такъ или иначе приходитъ въ соприкосновеніе съ обаятельною личностью ея сына.

Госпожа Новикова, близкая къ семьѣ Скобелевыхъ то же самое пишетъ въ своей англійской біографіи Скобелева. Помимо личныхъ достоинствъ Михаила Дмитріевича, его знатное родство по теткамъ съ графами Адлербергами, Барановымъ и по сестрамъ съ герцогомъ Евгениемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ, съ Шереметьевымъ и съ княземъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, дѣлало его завиднымъ женихомъ для самыхъ аристократическихъ фамилій. Отъ невѣсты не требовалось даже богатства, такъ какъ Скобелевы сами были очень богаты, имѣя до 40.000 десятинъ земли. Самъ Михаилъ Дмитріевичъ о женитьбѣ не думалъ, считая ее помѣхою для настоящей военной карьеры. Съ полученіемъ Георгіевскаго креста, полковничьяго чина и флигель-адъютантскихъ вензелей его расположе-ніе духа было приподнято, пріятное впечатлѣніе служебныхъ успѣховъ и взятыхъ съ боя отличій не успѣло изгладиться. Казалось, что честолюбіе его, будь оно даже безмѣрнымъ, было удовлетворено.

Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Г. Маслова, Михаилъ Дмитріевичъ по временамъ говаривалъ, что ему „скучно“. Не могла не замѣтить его скуки и любящая его мамаша. Ольга Николаевна была очень дружна съ семьей князей Гагариныхъ, — и княжна Марія Николаевна Гагарина, племянница князя Меншикова, которую Михаилъ Дмитріевичъ, за ея кроткій нравъ, называлъ чуднымъ ребенкомъ, сдѣлалась, по внушенію и расточаемымъ похваламъ Ольги Николаевны, избранницею сердца Михаила Дмитріевича. Княжна не была красавицею, но въ ней было много привлекательнаго, а главное она была единственная изъ великосвѣтскихъ невѣстъ того времени, ко-

торая не мечтала быть его невестою и никогда за нимъ не гонялась. За жениха и невесту о брачныхъ ихъ узахъ больше думали ихъ мамы. Михаилъ Дмитріевичъ и княжна машинально подчинились волѣ родителей и свадьба состоялась въ ту же зиму 1874—75 г.

Марія Николаевна Скобелева, урожд. княжна Гагарина († 1906 г.). Снимокъ съ фотографич. портрета, подареннаго графинѣ А. Д. Медемъ въ 1874 году,—въ годъ вѣнчанья М. Н. съ М. Д. Скобелевымъ. (Собственность автора).

Несмотря на тридцатилѣтній возрастъ, Скобелевъ продолжалъ быть неустановившимся юношей, во многомъ сходнымъ съ представителями такъ называемой золотой молодежи. Шутя относился къ такому серьезному акту въ его жизни, какъ бракъ, во всемъ прочемъ онъ выказывалъ необыкновенныя способности и ту своеобразность ума и чувства, которая отличаетъ генія отъ сотни блестящихъ, но не глубокихъ дарованій.

По возвращеніи изъ Перми, куда онъ былъ командированъ наблюдать за введеніемъ новаго устава о воинской повинности, онъ въ первой половинѣ января 1875 г. былъ повѣнчанъ съ княжною

М. Н. Гагариною и противъ обычая не поѣхалъ ни въ заграничное свадебное путешествіе, ни въ роскошный Лифляндскій замокъ своей жены, называемый Оберъ-Паленъ, въ Феллинскомъ уѣздѣ¹⁾, а провелъ зиму въ Петербургѣ въ заново роскошно отдѣланной для молодыхъ квартирѣ въ домѣ Стобеуса на Большой Морской, противъ кирки, гдѣ и прожилъ до мая 1875 года. Я слышалъ отъ генерала Д. К. Абадзіева, да и А. Н. Масловъ, часто посѣщавшій Скобелева, согласно съ Абадзіевымъ писать о тогдашней его жизни, указывая про квартиру въ домѣ Стобеуса слѣдующее:

Кабинетъ былъ отдѣланъ съ хорошимъ вкусомъ. Большой черный письменный столъ съ красивыми письменными принадлежностями и разнообразной писчей бумагой стоялъ въ лѣвомъ углу. Тутъ же были этажерки и шкафы съ книгами преимущественно военного содержанія и на иностранныхъ языкахъ. По стѣнамъ были развѣшаны гравюры и снимки съ батальныхъ картинъ Невилля и Верещагина. Акварій, мраморный бюстъ и большой черный мольбертъ съ прекрасной гравюрой Наполеона довершали убранство комнаты.

Когда Скобелевъ садился заниматься, то обыкновенно любилъ зажигать множество свѣчей, иногда свѣчей десять. Набрасывая какойнибудь чертежъ или планъ, любилъ иллюминировать его карандашами всевозможныхъ цвѣтовъ.

Свое свободное время М. Д. проводилъ довольно однообразно. Любилъ засиживаться за ужинами, а особенно за завтраками часовъ по пяти и вести бесѣду о сраженіяхъ, кампаніяхъ и нашей политикѣ въ Средней Азіи. Последнее было особенно любимымъ предметомъ разговора; онъ встрѣчался съ туркестанцами, среди коихъ по словамъ участниковъ похода были закадычными друзьями М. Д.: графъ П. П. Шуваловъ, князь Имеретинскій, Герингъ, герцогъ Евгений Максимиліановичъ Лехтенбергскій и другіе. Очень дружилъ со Скобелевымъ и князь Голицынъ (Димка). М. Д. отворялъ двери своего дома и простымъ смертнымъ изъ армейскихъ офицеровъ, имя же имъ легіонъ, но особенно его любовью пользовались Оренбургскіе, Сибирскіе и Уральскіе казачьи офицеры, о доблести которыхъ онъ всею чаще распространялся въ бесѣдахъ съ гостями.

Хивинцы свои пули отливали съ битымъ стекломъ и пораненія такими пулями вызвали адскія муки, только казаки въ подобныхъ случаяхъ никогда „не голосили“ и Скобелевъ очень уважалъ ихъ за примѣръ мужества.

По воскресеньямъ, послѣ развода въ Михайловскомъ манежѣ, у него всегда нѣсколько человѣкъ завтракали. Бывалъ иногда французскій военный агентъ, полковникъ Галльяръ, котораго Скобелевъ любилъ спрашивать о походной жизни въ Алжирѣ.

Когда все расходились, то Скобелевъ задерживалъ обычно-

¹⁾ При посѣщеніи мною замка Оберъ-Паленъ я наводилъ справки, былъ ли Скобелевъ хоть разъ въ этомъ замкѣ и никто изъ старожиловъ не помнитъ посѣщенія имъ этого великолѣпнаго замка средневѣковой архитектуры съ богатѣйшимъ арсеналомъ древняго рыцарскаго и русскаго оружія и бібліотекою изъ рѣдчайшихъ изданій на всѣхъ языкахъ. Цѣлости замка угрожала опасность во время революціоннаго движенія въ Прибалтійскомъ краѣ и въ самый острый періодъ его охраняли войска, что и доставило мнѣ случай осмотрѣть это сокровище князей Гагариныхъ.

венно когонибудь изъ болѣе близкихъ и посвящать его въ интимныя подробности своей жизни и въ свои мечты. Болѣе общительнымъ онъ былъ съ Дезидеріемъ Жирарде, но тотъ никогда никому не передавалъ слышаннаго.

Всегда толковый, разумный, увлекательный на полѣ битвы, Скобелевъ въ частной жизни былъ хотя и симпатиченъ, но нервнъ, капризенъ. При разговорѣ онъ рѣдко сидѣлъ, — это видимо стѣсняло его: онъ шагаль, какъ звѣрь въ клѣткѣ, какъ бы мала ни была комната.

Когда же онъ сидѣлъ, то непременно вертѣлъ чтонибудь въ рукахъ, что попадалось; за обѣдомъ всегда усиленно мялъ хлѣбный мякишъ. Случалось, видя эту нервную непрерывную работу пальцевъ, взять его за руку и остановить со словами: „хоть теперь то успокойтесь“. Но приостановка всегда была не надолго, черезъ нѣсколько секундъ ужъ опять пальцы мнутъ, лѣпятъ, изъ силъ выбиваются.

Такъ чертовски храбрый на полѣ битвы, Скобелевъ по свидѣтельству В. В. Верещагина, былъ порядочный трусъ передъ очень высокопоставленными лицами—онъ какъ будто съеживался въ присутствіи ихъ, принималъ, подобно Суворову, не терпѣвшему придворныхъ, жалостливый видъ. Всегда заново одѣтый и надушенный передъ солдатами, подъ пулями,—въ главной квартирѣ онъ ходилъ какимъ то отчаяннымъ, шинель на боку, фуражка на затылкѣ—точно онъ боялся, чтобы не засмѣяли, не поставили ему въ вину шегольство одеждою, какъ ставили въ вину храбрость.

И послѣ брака Скобелевъ внимательно слѣдилъ за нашей политикой въ Средней Азій, заглядывалъ въ карты и въ исторію нашей войны въ этомъ краѣ. Ранней весной 1875 г., когда семейная жизнь Скобелева протекала спокойно и любовно, изъ Ташкента пріѣхалъ одинъ генералъ и привезъ Скобелеву извѣстіе, что въ недалекомъ будущемъ можно ожидать похода въ Коканъ. Хотя Коканъ и не подавалъ тогда еще повода къ войнѣ, но положеніе дѣлъ въ этой странѣ было ужасно. Слабохарактерный Худояръ—ханъ все болѣе и болѣе возбуждалъ противъ себя народъ. Такимъ образомъ, мы всегда могли ожидать крупныхъ безпорядковъ среди миллионнаго Коканскаго населенія, которые всегда могли отразиться на нашихъ собственныхъ владѣніяхъ. Вслѣдствіе этого Россія не могла оставаться безучастною зрительницею. Такъ, по крайней мѣрѣ, неоднократно повторялъ Скобелевъ, забывавшій про тихую пристань своего семейнаго счастья. — „Мы потеряли всякое вліяніе на Кашгаръ, не надо забывать, что Ташкентъ былъ Коканскій городъ... Вы схватываете меня:—неправда ли?“ „Экспедиція необходима... и стоитъ только вникнуть въ положеніе дѣлъ края“... Послѣ этого Скобелевъ, собиравшійся командовать эскадрономъ въ кавалергардахъ, пересталъ думать о строевой службѣ въ Петербургѣ и сильно ухаживалъ за тѣми, кто могъ посодѣйствовать отправленію его въ походъ. Не сочувствовали этой мечтѣ только его жена и ея вліятельная родня.

Еще экспедиція не начиналась, а уже Скобелевъ говорилъ въ началѣ апрѣля, что походъ рѣшенъ и что онъ, вѣроятно, будетъ назначенъ начальникомъ кавалеріи, что и оправдалось впоследствии. Скобелевъ вообще любилъ иногда говорить о томъ, чего ему очень

хотѣлось, какъ о рѣшенномъ. Жена его Марія Николаевна изъ безграничной любви къ герою-мужу не противорѣчила и, несмотря на свое не особенно крѣпкое здоровье, рѣшила сопутствовать М. Д. въ этомъ походѣ. Такъ, не доводя до размолвки, супруги вмѣстѣ выѣхали въ Туркестанъ изъ Петербурга 8 мая 1875 г. По прибытіи въ Нижній Новгородъ Марія Николаевна рѣшительно отказалась слѣдовать далѣе безъ передышки и настаивала на перерывѣ для отдыха въ этомъ городѣ, хотя дня на три: настоянія ея вызвали первое сильное раздраженіе между супругами и размолвка эта волею судьбы обратилась въ послѣднюю роковую. Скобелевъ настоялъ на немедленномъ отъѣздѣ и супруги съ тѣхъ поръ не видѣли другъ друга.

По пріѣздѣ въ Ташкентъ Скобелевъ телеграммою просилъ Марію Николаевну пріѣхать въ Ташкентъ, угрожая потребовать разводъ при дальнѣйшемъ упорствѣ ея слѣдовать за нимъ. Марія Николаевна ѣхати такую даль и по тогдашнимъ дорогамъ воспротивилась, почему разводъ ихъ осуществился (въ 1876 году). Покорная своей судьбѣ, Марія Николаевна обратилась въ затворницу, покинувъ свѣтъ, живя одиноко въ своемъ домѣ № 13 по Конногвардейскому бульвару и почти на 25 лѣтъ пережила своего знаменитаго супруга, скончавшись скоропостижно въ Баденъ-Баденѣ 17 апрѣля 1906 года.

В. В. Верещагинъ, сохранившій дружбу Скобелева до конца его жизни, свидѣтельствуетъ, что разлука съ Маріей Николаевной была самымъ больнымъ его мѣстомъ и что по натурѣ своей онъ склоненъ былъ къ семейной жизни, необходимо только, чтобы жена была столько же умная, какъ и энергичная, и сумѣла бы взять его въ руки.

На словахъ Скобелевъ считалъ себя отчаяннымъ противникомъ не только женитьбы, но и всякой прочной связи съ женщиной.

Когда В. В. Верещагинъ оспаривалъ подобный взглядъ М. Д. и даже увѣрялъ, что онъ надѣется скоро увидѣть маленькихъ Скобелятъ, которые будутъ ползать по его колѣнамъ и таскать его за бакенбарды, то М. Д. предобродушно смѣялся, слушая такое предвѣщаніе. Дѣйствительно, живя въ городѣ Минскѣ уже послѣ турецкой войны, Скобелевъ познакомился въ семьѣ генерала Духонина съ одной учительницей Минской женской гимназіи—Головинной. Эта бѣдная, но очень образованная дѣвушка покорила сердце Михаила Дмитріевича тѣмъ, что, изучивъ военную исторію, постоянно заговаривала съ нимъ на военные темы и была довольно свѣдущей въ военныхъ вопросахъ. Михаилъ Дмитріевичъ серьезно подумывалъ объ узакъ Гименя съ этою барышнею, но такъ какъ при разводѣ съ Марією Николаевною онъ принялъ вину на себя, то ему, какъ осужденному къ всегданнему безбрачію, трудно было скоро заручится разрѣшеніемъ на второй бракъ, который, вѣроятно, и состоялся бы, если бы смерть не сразила его такъ скоро и притомъ для всѣхъ неожиданно.

Всю обстановку квартиры въ домѣ Стобеуса перевезли въ с. Спасское въ усадѣбный отцовскій домъ, а во время пріѣздовъ своихъ въ Петербургъ Скобелевъ останавливался въ гостиницахъ или у матери на Моховой улицѣ въ домѣ Дивова, а послѣ ея смерти у сестры въ домѣ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ у Аничкина моста.

Скобелевъ любилъ ежегодно, по мѣсяцу, пользоваться деревенскою

жизнью въ с. Спасскомъ, но жилъ онъ тамъ, по словамъ А. Н. Маслова, не совсѣмъ по деревенски, вставалъ довольно поздно, мало ходилъ, а больше ѣздилъ или верхомъ, или въ коляскѣ, запряженной отличными лошадьми. Ълъ онъ очень мало, какъ всегда впрочемъ, и постоянно былъ недоволенъ поваромъ. Изъ винъ болѣе всего пилъ старое венгерское, сохранившееся въ погребѣ еще послѣ отца, и шампанское, не смотря на то, что послѣднее, ему было очень вредно, такъ какъ Скобелевъ сильно страдалъ геморроемъ и несвареніемъ желудка. За обѣдомъ и завтракомъ онъ больше говорилъ, чѣмъ ѣлъ, и предметамъ его бесѣды была почти исключительно война и политика.

Дамскаго общества Скобелевъ не искалъ, потому что не любилъ такъ называемыхъ салонныхъ разговоровъ, хотя, конечно, какъ человѣкъ хорошо воспитанный, умѣлъ быть любезнымъ и предупредительнымъ съ женщинами.

В. В. Верещагинъ утверждаетъ, что М. Д. былъ до крайности суевѣренъ. Онъ вѣрилъ въ счастливые и несчастные дни, счастливыя встрѣчи и предзнаменованія. Онъ ни за что не сталъ бы сидѣть за столомъ въ числѣ тринадцати человѣкъ, не допустилъ бы трехъ свѣчей на столѣ, а просыпанную соль, перебѣжавшихъ дорогу кошку и зайца считалъ всегда за дурное предзнаменованіе.

Онъ вѣрилъ, что будетъ болѣе невредимъ на бѣлой, чѣмъ на другой масти лошади, хотя въ то же время вѣрилъ, что отъ судьбы не уйдешь.

13 августа 1880 во время празднованія окончанія постройки въ Бами большого люнета къ Скобелеву явилась депутація отъ Нухурцевъ. Когда вечеромъ Скобелевъ только что поднялъ чарку, чтобы провозгласить тостъ за здоровье ново пожалованныхъ кавалеровъ, какъ вдругъ изъ темноты, гдѣ стояла толпа Нухурцевъ, раздался выстрѣлъ и пуля просвистѣла надъ головой „бѣлаго генерала“.

„Сегодня 13-ое?“ быстро спросилъ Скобелевъ, отличавшійся вообще суевѣріемъ, и затѣмъ обратился къ смутившимся Нухурцамъ.

„Не думаете ли Вы... мерзавцы... что у Акъ-Паши только и есть одинъ генералъ, который можетъ разнести ваше гнѣздо? Ошибаетесь! Въмѣсто одного убитаго вамъ пришлютъ двухъ живыхъ, съ тою разницею, что я презираю ваше предательство, а другой перевѣшаетъ васъ всѣхъ до одного. Знайте это“. Немного погодя, Скобелевъ прибавилъ: „Еще не вылита та пуля, которая меня убьетъ!“

Вслѣдствіе темноты виновный не былъ найденъ, поэтому Нухурцы были прогнаны безъ наказанія предателя.

А. Н. Масловъ такъ описываетъ жизнь М. Д. въ Коканѣ: „Вставалъ рано, часовъ въ семь утра, и пилъ чай, крѣпкій, какъ пиво. Затѣмъ принималъ доклады предсѣдателя областного управленія, начальника штаба и другихъ. Доклады иногда внезапно прерывалъ, садился на коня; проскакавъ около дома съ четверть часа, возвращался и опять садился за работу. Въ областное управленіе входилъ всегда въ высокихъ смазныхъ сапогахъ и шутя говорилъ, что желаетъ наводить этимъ страхъ на управленіе, какъ Людовикъ XIV на парламентъ. Служащіе въ управленіи, однако, не смутились и сами стали являться въ высокихъ сапогахъ.“

„Ну они меня перехитрили“, говорилъ онъ послѣ этого: „молодцы“...

Въ полдень къ нему собиралось человекъ пятнадцать завтракать. Вся обстановка, приборы и прочее стоили около двѣнадцати тысячъ и были присланы Скобелеву въ подарокъ его матерью, Ольгой Николаевной.

Нѣсколько разъ онъ, для примѣра, пытался вывести вино за своимъ столомъ. Но когда, вмѣсто вина, появился квасъ, то офицеры подняли ропотъ. Скобелевъ признавался, что онъ самъ „ропшетъ“, и квасъ былъ опять отгѣненъ.

По замѣчанію врача Гейфельдера, М. Д. голодалъ до 5—6 часовъ, а за обѣдомъ ѣлъ на цѣлыя сутки и слишкомъ скоро, особенно улаживая себя закускою. Приходилось удерживать его и отъ неуравнаго потребленія льда, сельтерской и содовой воды.

Изъ винъ онъ отдавалъ предпочтеніе шампанскому и не прикасался къ водкѣ. М. Д. не курилъ и не игралъ въ карты. Его привычки были эстетическія. Относительно одежды, бѣлья и тѣла онъ соблюдалъ чрезвычайную чистоту и опрятность.

Передъ обѣдомъ онъ объѣзжалъ казармы, слободы, дѣлалъ визиты, а въ шесть часовъ садился обѣдать. Послѣ обѣда занимался часовъ до двухъ ночи, а иногда и даже до 5 ч. утра, но на недоревье не жаловался и все время чувствовалъ себя хорошо. Онъ любилъ быструю верховую ѣзду. Отъ Кокана до Андижана онъ ѣздитъ на трехъ перемѣнныхъ лошадяхъ, а оттуда до Оша на двухъ. Изъ Кокана до Маргелана 64 вер. ѣхалъ 4 часа. Изъ Маргелана до Андижана 72 версты ѣхалъ 3 час. 50 мин. Изъ Андижана до Оша 44 вер. ѣхалъ 2 часа. Переѣзды изъ Оша въ Гульчу и обратно 140 вер. онъ дѣлалъ въ одинъ день: выѣхалъ въ 8 ч. утра, вернулся въ полночь. Какъ настоящий ѣздокъ, онъ постоянно тренировалъ себя быстрою верховою ѣздою. 30 верстный пробѣгъ онъ считалъ приятнымъ, 60 верстный не приятнымъ, 90 верстный тяжелымъ и 120 верстный допустимымъ въ крайности.

Честолюбіе Скобелева было исключительно военное, никакая слава, кромѣ боевой, его не интересовала. „Ни въ оберъ-прокуроры, ни въ оберъ-контролеры я не пойду!“ говаривалъ онъ часто. Какъ онъ дорожилъ добрымъ о себѣ мнѣніемъ людей даже низшаго круга, видно изъ того, что, провожая тѣло умершаго отца своего отъ станціи Раненбургъ до Спасскаго, 20 верстъ шель за гробомъ пѣшкомъ съ непокрытою головою, не смотря на морозъ. Въ числѣ провожаемыхъ было 2000 человекъ крестьянъ и бывшихъ солдатъ, слѣдовавшихъ по обычаю безъ шапокъ.

Поэтому онъ и не хотѣлъ отстать отъ обычая, рискуя простудить голову. По свидѣтельству сослуживца его по 4 корпусу генерала Духонина, Скобелевъ все слѣдуемое ему отъ казны содержаніе обращалъ на тайныя пособія офицерамъ и нижнимъ чинамъ, многіе были пенсіонерами его со времени турецкой войны до самой смерти.

По собственной канцеляріи Скобелевъ былъ-сама аккуратность: всѣ его бумаги подбирались по содержанію одна къ другой, въ конвертахъ или портфеляхъ, съ надписями и числами, отмѣченными его рукою. Почеркъ его былъ быстрый, твердый и красивый. Передъ нимъ лежало всегда множество очиненныхъ разноцвѣтныхъ карандашей, стояли чернила и черныя, и красныя, а онъ мѣнялъ каран-

дашь или чернила, смотря по тому, хотѣлъ ли онъ отгнѣнить, выдать впередъ свою мысль, свое слово. Писалъ онъ не на почтовой, а на какой то особенной писчей, разлинованной синими линейками бумагъ. У него всегда были съ собою нѣсколько записныхъ книжекъ, въ которыя онъ вносилъ приходившія ему въ голову замѣтки или услышанныя имъ случайно какія либо нужныя, пригодныя ему свѣдѣнія".

18. Славянофильство Скобелева.

Въ послѣдніе годы своей жизни Скобелевъ всецѣло отдался славянофильскимъ теоріямъ, отдавая особую дань почитанія стихотвореніямъ Хомякова.

Однажды онъ былъ приглашенъ на обѣдъ въ Петергофъ къ конногренадерамъ.

Впередъ было условлено, что рѣчей за столомъ произноситься не будетъ, а между тѣмъ Скобелеву захотѣлось осмыслить этотъ обѣдъ, затянувшійся за полночь, и онъ спросилъ, есть ли въ офицерской библіотекѣ стихотворенія Хомякова. Ему ихъ достали и подали. Онъ до разсвѣта декламировалъ ихъ офицерамъ своимъ громкимъ, мужественнымъ голосомъ. Восторженные слушатели, подъ обаяніемъ его чтенія, проводили его кавалькадой верхами отъ Петергофа до его Петербургской квартиры, изрядно напугавъ полицію своимъ прїѣздомъ въ столицу въ неурочный ранній утренній часъ.

Если собрать всю переписку Михаила Дмитриевича съ разными лицами, то она составила бы, какъ у Наполеона I, нѣсколько печатныхъ въ высшей степени интересныхъ томовъ.

Разборъ оставшихся послѣ него бумагъ по Высочайшему повелѣнію былъ порученъ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ графа А. В. Адлерберга, но когда онъ будутъ опубликованы для всеобщаго свѣдѣнія, невозможно опредѣлить даже приблизительно.

Для характеристики славянофильскихъ воззрѣній Михаила Дмитриевича и его значенія для славянства,—приводимъ выдержку изъ рѣчи профессора Гейсмана въ засѣданіи Спб. Славянскаго общества 18 февраля 1901 г.:

"Оставленный съ оккупационнымъ корпусомъ въ Европейской Турціи онъ на мѣстѣ началъ изучать славянскій вопросъ. Тревожно слѣдя за Берлинскими совѣщаніями, онъ испытывалъ съ прочими соотечественниками муки униженія, при урѣзкѣ западными сосѣдями результатовъ нашихъ побѣдъ надъ притѣснителями нашихъ братьевъ славянъ. Наглыя рѣчи нашихъ враговъ на конгрессѣ болѣзненно отзывались въ сердцѣ Скобелева и другихъ русскихъ, проливавшихъ кровь за освобожденіе Болгаръ.

"Послѣ турецкой войны М. Д. все болѣе и болѣе сталъ сближаться съ славянофилами. Серьезное изученіе славянскаго вопроса привело его къ убѣжденію, что главный врагъ Россіи—непосредственно на западѣ, а въ это время призракъ новой войны уже носился въ воздухѣ.

„Иноземное воспитаніе хотя и привило ему кое-какія западническія воззрѣнія, но эта прививка была не прочна; въ немъ билось чисто русское сердце, онъ все болѣе и болѣе освобождался отъ этой прививки, а сближеніе съ славянофилами ускорило этотъ процессъ. Его вполне удовлетворяла программа славянофиловъ, выраженная въ трехъ словахъ: „Православіе, самодержавіе, народность“. Въдѣ и русскіе воины всегда шли въ бой „за вѣру, Царя и Отечество“. И онъ самъ, ведя вѣрныя ему войска, призывать ихъ къ доблестному исполненію долга этими же священными словами.

„Онъ прекрасно понималъ, что только во имя Бога и Царя можно двинуть впередъ русскаго солдата; такъ онъ и дѣйствовалъ.

„Сдѣлавшись славянофиломъ, онъ сблизился съ Аксаковымъ и съ другими корифеями славянофильства, учился у нихъ отчасти, но всего болѣе учился самъ, прочитывая множество книгъ, журналовъ, газетъ, тщательно изучая все болѣе замѣчательное.

„Съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливался на вопросѣ о предполагаемой войнѣ Австро-Венгріи и Германіи противъ Россіи. Скобелевъ замѣтилъ, что со времени франко-германской войны 1870—77 гг. въ австрійской литературѣ рѣзко обнаружилось новое направленіе, въ силу коего Австро-Венгрія должна идти рука объ руку съ Германіей, распространять германскую культуру на юго-востокъ Европы и парализовать вліяніе Россіи на славянскіе народы Балканскаго полуострова.

„Подъ вліяніемъ этого кошмара, въ образѣ политическаго пугала, извѣстнаго подъ названіемъ панславизма, австрійскіе офицеры генеральнаго штаба, желая ослабить всѣми силами Россію, начали агитировать въ многочисленныхъ военныхъ сочиненіяхъ о неотлагательности захвата Царства Польскаго, а затѣмъ и малорусскихъ губерній, чтобы разчлѣнить оплотъ панславизма—великую Россію и энергически противодействовать ей въ ея стремленіи къ освобожденію Балканскихъ славянъ, подчиняя ихъ мало по малу своему вліянію.

„По извѣстному изрѣченію передовыхъ русскихъ людей,—„путь въ Константинополь долженъ быть избранъ черезъ Вѣну“, а по заключенію нашего патріота Ростислава Фадѣева выходило даже, что „погромъ 1866 г. ухудшилъ наше военно-политическое положеніе, такъ какъ направилъ всѣ силы и все честолюбіе Австріи на турецко-славянскія земли и замѣнилъ ей отдаленную поддержку Франціи близкою поддержкою сосредоточенныхъ и родственныхъ „Нѣмецкихъ силъ“.

„Если прежде наше положеніе въ восточномъ вопросѣ было затруднительно вслѣдствіе того, что шитомъ для Турціи служила Австрія, то она стала гораздо затруднительнѣе теперь, когда шитомъ для Австріи служить еще Пруссія; противопоставленные намъ шиты нагромодились въ три этажа. Несомнѣнно, что при новомъ положеніи дѣлъ, созданномъ побѣдою Пруссіи, главнымъ противникомъ нашимъ въ восточномъ вопросѣ будетъ уже не Западъ, а центръ Европы,—нѣмецкое племя“.

„Нѣмцы послѣднее время перестали скрывать свои замыслы. При жизни Скобелева вышло три изданія книги: „Der deutsche Krieg mit

Russland", проповѣдующей отобраніе у Россіи: Финляндіи, Польши, Кавказа и Русской Арменіи.

"Можно себя представить негодованіе Скобелева при чтеніи подобныхъ тевтонскихъ проэктовъ.

"Отсюда станетъ яснымъ его образъ дѣйствій для сближенія съ Франціей, положившій канву для франко-русскаго союза и изрядно напугавшій "никого небоявшихся" тевтоновъ, особенно послѣ рѣчи къ славянскимъ студентамъ въ Парижѣ.

"Теперь, оглядываясь на четверть вѣка назадъ, всѣмъ понятно, что Скобелевъ былъ предтечею франко-русскаго союза, парализовавшаго среднеевропейскій союзъ, что Скобелевъ своими рѣчами не только не накликалъ новой войны, но сослужилъ великую службу дѣлу мира.

"Макиавелизмъ нашихъ европейскихъ враговъ вызвалъ боязнъ Скобелева, чтобы мы снова съ нашимъ добродушіемъ не попали въ ихъ когти. Только поэтому пламенный темпераментъ и горячій патриотизмъ Скобелева вынудили его забить въ набатъ безъ должной сдержанности объ угрожающей Россіи опасности отъ тевтоновъ.

"Россія и славянство, интересы коихъ тождественны и неразрывны, потеряли въ лицѣ Скобелева одного изъ практическихъ дѣятелей на почвѣ русскаго и общеславянскаго самосознанія и притомъ такого, который, если бы былъ къ тому призванъ Державнымъ Вождемъ Россіи, блестяще провелъ бы въ жизнь идеалы корифеевъ славянофильства по отношенію къ борьбѣ съ внѣшними врагами. Въ этомъ и заключается его значеніе для славянофиловъ и для всѣхъ истинно-русскихъ людей, мало того—для всѣхъ истинныхъ славянъ.

"Въ этомъ отношеніи его непродолжительная дѣятельность имѣетъ первостепенное значеніе. Она оставила по себѣ глубокій слѣдъ въ сердцахъ русскихъ и славянскихъ.

"Это сказалось въ недавно пережитыхъ торжествахъ Болгарскаго народа при открытіи памятниковъ Царю-Освободителю въ Софіи и М. Д. Скобелеву на Плевненскихъ позиціяхъ.

"Пройдетъ полвѣка, быть можетъ, цѣлое столѣтіе и идеи Скобелева будутъ одушевлять сотню милліоновъ русскихъ людей и ихъ славянскихъ братьевъ.

"Начало восточному вопросу положила супруга Іоанна III Софья Палеологъ, заронившая мысль Московскимъ Государямъ унаслѣдовать падшую Византію подъ эмблемою Дуглаваго Орла, принятаго Рюриковичами отъ Палеологовъ въ русскій гербъ.

"Въ царствованіе Петра Великаго было положено начало завоеванія бывшей Византіи изъ подъ власти турокъ, но измѣна румынъ подъ р. Прутомъ заставила Петра отказаться отъ своихъ намѣреній. Екатерина II Великая, овладѣвъ сѣверными берегами Чернаго моря, пожелала освободить христіанъ Балканскаго полуострова, начавъ, съ Черногоріи и Румыніи и намѣреваясь воцарить въ Константинополѣ своего внука Вел. Кн. Константина Павловича на престолѣ реставрированной Византіи. Завоеваніе Польши задержало осуществленіе этой идеи. При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ Греція вполнѣ, а Сербія и Черногорія частично получили свою независимость отъ поработителей—турокъ. Румынія освободилась окончательно отъ ту-

рецкаго владычества. Это триумфальное шествіе Россіи противъ Турціи закончилось споромъ за обладаніе ключами отъ гроба Господня, въ которомъ на помощь магометанамъ—туркамъ подоспѣло католичество, остановившее Крымскою войною наши старанія по дальнѣйшему освобожденію православныхъ славянъ отъ турецкаго гнета. Католики во главѣ съ Франціею за свое недоброжелательство къ русскимъ и славянамъ заплатились дорого въ 1870 г. полнымъ разгромомъ отъ нѣмцевъ объединенной Германіи. Россія оставалась зрительницею великаго поединка между Галлами и Германцами, затаивъ до времени свои помыслы по освобожденію братьевъ славянъ. Въ 1877 г. Россія, уже съ согласія европейскихъ державъ, сломала турецкій произволъ надъ славянами, принудивъ турокъ побѣдоносною войною въ 1877—78 г. по договору у Санъ-Стефано совершить полное освобожденіе Румыніи, Сербіи и Черногоріи, а Болгарію сдѣлать автономною съ своимъ княземъ. Австрія за свое молчаливое согласіе освободить славянъ присоединила къ себѣ Боснію и Герцеговину.

„Австріи этого куртажа оказалось мало, она стала помышлять о Салоникахъ и выходѣ въ Эгейское море и встрѣтила въ этомъ отношеніи содѣйствіе Германіи. Вотъ противъ этой алчности и безперемонности нѣмецкихъ вождельнѣй и возсталъ М. Д. Скобелевъ.

„Константинополь съ проливами утратилъ для Россіи свою прежнюю прелесть. Восточный вопросъ теперь обязываетъ Россію оберегать ея созданное и всѣми силами поддерживать Румынію, Сербію, Болгарію, Черногорію и Грецію, дабы они росли въ своихъ національныхъ границахъ и развивались въ укоръ врагамъ Россіи. Славяне, когда поднимутся на ноги, будутъ естественными нашими друзьями и сумѣютъ размежеваться въ безбрежномъ русско-славянскомъ морѣ.

„Естественнымъ способомъ рѣшенія великихъ историческихъ задачъ вообще и въ частности восточнаго вопроса, слѣдуетъ признать кровавую борьбу, которая одна способна привести къ окончательному установленію прочнаго на востокъ порядка“.

19. Наружность Михаила Дмитриевича Скобелева.

Я видѣлъ лично М. Д. всего однажды въ Петербургѣ, когда онъ, подъѣхавъ съ Невскаго къ подъѣзду дома князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ у Аничкина моста, былъ остановленъ на нѣсколько мгновеній какимъ-то просителемъ съ солдатскимъ Георгіевскимъ крестомъ. Въ эти мгновенія я успѣлъ только разсмотрѣть, что лицо его не сходно съ самыми распространенными портретами, неисключая фотографическихъ; всѣ они не сохранили самой характерной подробности выраженія его лица, скрывая дулевидное окончаніе его носа, впрочемъ, не портящее его красоты и искупаемое чарующимъ выраженіемъ его голубыхъ глазъ, безъ присущей аристократамъ и баловнямъ судьбы надменности, сквозящей даже тогда, когда улыбка не сходитъ съ холодно-вѣжливаго ихъ лица. Это было въ 1879 году.

Принятіе имъ чести съ чарующею улыбкою и легкимъ поклономъ незнакомому молодому офицеру оставило неизгладимое впечатлѣніе.

Позднѣе, служа въ томъ же штабѣ и на той же должности, которую занималъ М. Д. въ 1872 г., я собралъ отъ его бывшихъ сослуживцевъ по 22 пѣхотной дивизіи все то, что сохранила ихъ память о моемъ великомъ предметникѣ.

Описанную въ № 132 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ 1877 г. Максимовымъ наружность М. Д., всѣ знавшие его въ 1872 г., вполне подтвердили: „Высокаго роста, стройный, видный блондинъ съ голубыми глазами и густыми бакенбардами на полныхъ щекахъ. Вся внѣшность этого человѣка противорѣчитъ его натурѣ, характеру, образу жизни. По первому впечатлѣнію, по этимъ мягкимъ чертамъ лица, по изнѣженному цвѣту кожи, по всѣмъ его красивымъ, изящнымъ манерамъ, человѣкъ этотъ походитъ скорѣе на дипломата, чѣмъ на боевого генерала. Но стоитъ заговорить съ нимъ о военныхъ дѣлахъ, связанныхъ съ успѣхами русскаго оружія, какъ онъ моментально преобразялся. Спокойные глаза его вдругъ засверкали, весь онъ обратился въ слухъ; онъ нервно выслушивалъ, нервно поддерживалъ разговоръ, точно ему самому вдругъ ужасно захотѣлось осуществить то, надъ чѣмъ работали другіе. Онъ какъ будто ожилъ, переродился. Это несомнѣнная горячая натура, способная на большое увлеченіе. Такіе люди бываютъ всегда самолюбивы. Работаетъ онъ очень много. Лишь только генеральъ предается отдыху, снова видимъ передъ собою, такого же спокойнаго, невозмутимаго, какъ будто даже меланхолическаго, человѣка“.

Другое лицо (англійскій журналистъ Форбезъ) такъ описывало въ 1878 году наружность М. Д. Скобелева:

„Солдаты, горожане, женщины всѣ были отъ него безъ ума. Я какъ теперь вижу его прекрасный лобъ, украшенный каштановыми волосами; его голубые глаза, свѣтлые съ пронизательнымъ взоромъ, столь открыто и прямо смотрѣвшимъ на васъ; его прямой и длинный носъ, указывающій на рѣшимость, одинъ изъ тѣхъ носовъ, которые Наполеонъ I любилъ видѣть на лицѣ своихъ генераловъ; прекрасно очерченный ротъ, одаренный необыкновенной подвижностью и выразительностью; его круглый, могучій подбородокъ съ ямочкой по срединѣ,—словомъ,—отчетливо вижу передъ собою его мужественное, энергичное лицо, окаймленное шелковистою бородою, падавшею на его богатырскую грудь“.

Третье лицо (знаменитый американскій корреспондентъ Макъ-Гаханъ) такъ описываетъ внѣшній видъ Скобелева на полѣ битвы:

„Это было олицетвореніе воинскаго изступленія. Одѣтый въ мундиръ, обрызганный кровью и грязью, со сломанной шпагой въ рукѣ и согнутымъ Георгіевскимъ крестомъ, съ лицомъ почернѣвшимъ отъ дыма и пороха, и глазами блуждающими и налившимися кровью, выходящими губами и хриплымъ голосомъ,—Скобелевъ отдавалъ приказанія среди труповъ и раненыхъ... Вечеромъ я видѣлъ его въ палаткѣ; онъ былъ спокоенъ, лицо его было свѣжо и безъ малѣйшаго признака утомленія“.

Четвертое лицо врачъ Гейфельбергъ, изслѣдовавшій М. Д. въ

первый разъ, оставилъ намъ въ своихъ запискахъ слѣдующее описаніе.

„М. Д. былъ высокаго роста, стройнаго тѣлосложенія, скелетъ скорѣе мелкій, чѣмъ крупный, широта плечъ не особенно развита (при погонахъ или эполетахъ это въ глаза не бросалось). Мускулатура не такъ была сильно развита, какъ это бываетъ у людей, занимающихся съ малолѣтства фехтованіемъ, гимнастикой, верховой ѣздой и т. п. Лицо, десны и соединительная оболочка глазъ были блѣдны, кожа суховатая, желтовато-бѣлаго цвѣта, мало обросшая волосами. На правомъ боку и на бедрѣ остались два незначительнаго объема рубца отъ пораненій въ Туркестанѣ и на Дунаѣ.

„Подкожный жировой слой почти не существовалъ. Животъ былъ нѣсколько втянутъ, печень,—въ особенности лѣвый лоскутъ ея былъ увеличенъ и при надавливаніи немного чувствителенъ. Черепъ былъ замѣчательно регулярнаго овала, лобные бугры выдавались; голова покрыта густыми волосами *темнорусаго* цвѣта, борода также густая, но свѣтлѣе волосъ головы. Глаза имѣли перемѣнный цвѣтъ свѣтло-коричневаго или желтоватаго оттѣнка. Радужная оболочка около зрачка обрисовывалась темнѣе.

„Когда М. Д. сердился, то изъ его глазъ сверкали фосфорическія искры и они получали зеленоватый видъ. Когда же онъ становился спокойнымъ и къ нему возвращалось хорошее расположеніе духа, то взглядъ принималъ очень мягкое выраженіе и подъ тѣнью темныхъ и длинныхъ рѣсницъ могъ производить впечатлѣніе темно-сѣраго цвѣта.

„Со времени хивинскаго похода М. Д. страдалъ печенью и желудкомъ. Дыхательные органы были удивительно здоровы. Отъ расширенія геморроидальныхъ венъ онъ часто ложился въ постель, иногда дней на шесть. Сравнительно съ ростомъ и лѣтами пульсъ былъ слабоватъ и мелокъ.

„Соотвѣтственно этому и дѣятельность сердца была слаба, звуки сердца хотя и чисты, но глухіе, что доказываетъ слабо развитую сосудистую систему и слабую мускулатуру сердца. Тѣлосложеніе его можно скорѣе назвать болѣе деликатнымъ, нежели крѣпкимъ“.

Пятое лицо—лейтенантъ Гунаропуло ¹⁾ такъ описываетъ наружность Скобелева въ 1870 г. при встрѣчѣ съ нимъ въ г. Баку.

„Въ Баку я отправился пообѣдать въ общественное собраніе. Въ прилегающемъ къ нему тѣнистомъ садикѣ находился павильонъ, выстроенный въ персидскомъ вкусѣ. Въ немъ я нашелъ небольшое незнакомое мнѣ общество: одни читали, другіе закусывали. Невольно мое вниманіе обратилъ на себя молодой ротмистръ Гродненскаго Гусарскаго полка, сидѣвшій за отдѣльнымъ столомъ.

„Помѣстившись отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, я не могъ удержаться, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ не взглянуть на его гибкую, стройную, полную очарованія фигуру. Все, начиная съ его тонкаго, съ гордымъ выраженіемъ, лица и благородной осанки, обнаруживало, что онъ принадлежать къ высшему обществу.

„Онъ уже кончалъ свою трапезу, по временамъ поднося къ своимъ красивымъ тонкимъ губамъ, обрамленнымъ шелковистыми *русыми*

¹⁾ Въ Туркестанской степи. «Истор. Вѣстн.» 1900 года № 11.

усами, бокалъ съ шампанскимъ. Что за притча? думать я, какъ попалъ въ это захолустье блестящій гвардеецъ—и уже склонялся къ тому, чтобы подойти къ нему и познакомиться, какъ вдругъ, къ большому моему удовольствію, ротмистръ всталъ и самъ подошелъ ко мнѣ.

— „Позвольте представиться: ротмистръ Скобелевъ“, сказалъ онъ.

— „Лейтенантъ Гунаропуло“, отрекомендовался я.

— „Вы, вѣроятно, недавно здѣсь. Разъѣзжая на военныхъ судахъ, я уже познакомился со многими изъ моряковъ, но васъ я не встрѣчалъ“.

Побесѣдовавъ о томъ, о семъ, онъ между прочимъ сказалъ, что я, вѣроятно, не буду сожалѣть, что пріѣхалъ къ Каспію, такъ какъ мнѣ въ настоящее время предстоитъ увидѣть много интереснаго. „Вотъ побываете на юго-восточномъ берегу, гдѣ находится нашъ отрядъ, мы готовимся идти на рекогносцировку. Я завѣдываю въ отрядѣ конницею, которая состоитъ исключительно изъ казаковъ. Что это за молодцы, и какое удовольствіе доставляетъ мнѣ управлять ими!“ воодушевляясь и какъ-то радостно сверкая глазами, сказалъ Скобелевъ.

„Я убѣжденъ, что они неподкупно рабски преданы мнѣ и избѣгаютъ подать мнѣ какой либо поводъ къ неудовольствію. Они видятъ, что я близко къ своему сердцу принимаю все, что касается ихъ повседневныхъ нуждъ, стараюсь предотвратить малѣйшее, что можетъ отравить и безъ того ихъ невеселую, слишкомъ уже монотонную жизнь. Этимъ же самымъ я облегчаю себѣ рѣшеніе моей дисциплинарной задачи“.—Скобелевъ при этомъ какъ-то особенно оживился, глаза его сверкали, говорилъ онъ горячо, видимо, былъ самъ охваченъ обаятельною мечтой поскорѣ вырваться съ своими подвластными и души въ немъ нечаявшими казаками въ Хиву“.

20. Жизнь Михаила Дмитріевича Скобелева въ Спасскомъ.

А. В. Верещагинъ, въ своей книгѣ: „У болгаръ и за границей“, вспоминаетъ свое пребываніе въ Спасскомъ въ гостяхъ у Скобелева.

Спасское—старинное барское имѣніе съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ. Всего въ немъ было—полная чаша. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ дома стояла церковь съ фамильнымъ склепомъ, въ которомъ еще не такъ давно былъ похороненъ отецъ Михаила Дмитріевича.

По вечерамъ мы обыкновенно ѣздили кататься верхомъ въ сопровожденіи коцуховъ, казаковъ и гусаровъ, бывшихъ со Скобелевымъ въ послѣднюю текинскую экспедицію.

Какъ то разъ выѣхали мы изъ дому. День былъ солнечный, очень жаркій. Отъѣхали немного, вдругъ генералъ пускаетъ лошадь галопомъ. Я, конечно, за нимъ; скачемъ версту, другую, третью, вижу Скобелевъ несется прямо въ ворота чьей то усадьбѣ. Догоняю Ушакова и спрашиваю: „Михаилъ Ивановичъ! куда это мы пріѣхали?“— „Это имѣніе князя... Здѣсь есть прехорошенькія барышни—княжны“,—

весело кричить онъ. Соскакиваемъ съ лошадей. Звения шпорами смѣло входитъ генералъ въ домъ, безъ доклада. Видно, что онъ былъ здѣсь свой человѣкъ; я съ Ушаковымъ за нимъ.

Во второй комнаткѣ, въ креслѣ у окна, выходяшаго на балконъ, сидѣлъ самъ старый князь, разбитый параличемъ очень уважаемый всей губерней и большой хлѣбосоль. Онъ чрезвычайно обрадовался Скобелеву. Ушаковъ былъ раньше знакомъ съ княземъ; я же немедленно представился.

Нѣсколько минутъ спустя, вбѣгаютъ къ намъ, одна за другой, двѣ дочери князя, въ русскихъ вышитыхъ сарафанахъ. Свѣжія, румяныя, въ полномъ разцвѣтѣ силъ. Старшая потоньше и постройнѣе—ярая брюнетка; вторая же—блондинка.

Обѣ онѣ, очевидно, были совершенно счастливы, что ихъ посѣтилъ любимый сосѣдь ихъ М. Д.

Съ приходомъ молодыхъ хозяекъ завязывается общій веселый разговоръ.

Вскорѣ появляется еще третій экземпляръ, самая младшая княжна, тоже брюнетка, лѣтъ 15-ти, безспорно самая хорошенькая. На смуглыхъ щекахъ ея румянецъ такъ и горѣлъ. Черные глазки сверкали, какъ угольки. Княжна не задолго передъ тѣмъ гдѣ то прыгала и вывихнула себѣ ногу, и потому явилась къ намъ хромая, опираясь на палочку. Кети, какъ звали ее сестры, была страшная рѣзвушка. Стройная, худенькая, какъ козочка, она даже и хромя, не могла минутки посидѣть смирно. То она одну игру предложитъ намъ, то другую, совершенно забывая, что сама не могла участвовать ни въ одной изъ нихъ. Не только что мы, мужчины, любовались ею, но даже и сестры и тѣ невольно заглядывались на нее. По всему замѣтно было, что Кети въ барышняхъ не засидится, и, скоро не одному молодцу вскружить голову.

— M-lles! ищите меня! внезапно кричитъ Скобелевъ и, точно съ цѣпи сорвавшись, бросается черезъ открытый балконъ въ садъ, по густой тѣнистой аллеѣ. Только фалды его бѣлаго кителя слегка развѣвались по вѣтру, да изрѣдка краснѣли лампы генеральскихъ рейтузъ.

Съ визгомъ пускаются мои княжны въ погоню за шалуномъ генераломъ. Быстро мелькаютъ по той же аллеѣ ихъ голыя плечи, украшенные блестящими бусами, и скрываются въ зелени сада. Одна только хорошенькая рѣзвушка еще долго ковыляла на своей палочкѣ, слѣдомъ за ними, вся зардѣвшись отъ боли и досады. На лицѣ ея, казалось, такъ и написано было: эхъ, кабы не нога моя, такъ уже не спрятался бы отъ меня, мой голубчикъ. Ушаковъ и я тоже отправились искать генерала. Старательно разбирая вѣтви кустовъ и деревьевъ, наклоняюсь, ишу, и вдругъ натыкаюсь на Скобелева. Покопатель текинцевъ весь съежился въ комокъ и, какъ робкій заяцъ, прижался къ землѣ, стараясь казаться незамѣтнымъ. Только что я раскрылъ ротъ, чтобы крикнуть, какъ вижу генералъ мой свирѣпо грозить мнѣ кулакомъ. Вѣтка прикрыла половину лица его, но одна рыжая бака еще торчала, и тоже, казалось, грозила мнѣ.

— „Только закричи, подь арестъ посажу!“ шипитъ мнѣ Михаилъ Дмитріевичъ изъ подъ куста, не на шутку разсердившись.

Богъ съ тобой, думаю, сиди ты тутъ сколько хочешь,—и я тихонько направляюсь въ домъ поболтать со старымъ княземъ. Не успѣлъ я хорошенько разговориться съ нимъ, какъ тотъ смотритъ въ окно и кричить:

„А вонъ и наши!“ — Вижу моего генерала княжны тащить подъ руки. Тотъ шалить и упирается своими длинными сухошавыми ногами, обутыми въ лакированные сапоги; фуражка на затылкѣ. Три георгиевскіе креста, одинъ въ петлицѣ и два на шеѣ, болтались у него, какъ балаболки. Шалуныя Кети уже тутъ какъ тутъ, вмѣсто того, чтобы помогать сестрамъ, тащить его назадъ за фалды кителя. Красныя, потныя, охая и смѣясь, втаскиваютъ онѣ „полного генерала“ на балконъ.

21. Смерть Михаила Дмитріевича Скобелева.

24 іюня 1882 года Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ пріѣхалъ изъ Минска (гдѣ стоялъ штабъ 4-го арм. корпуса) въ Москву, послѣ оранскихъ маневровъ. Мѣсячнымъ своимъ отпускомъ генераль хотѣлъ воспользоваться такимъ образомъ: дня два побыть въ Москвѣ, осмотрѣть всероссійскую выставку, устроить кое какія личныя дѣла и затѣмъ отправиться въ свою рязанскую деревню, Спасское, гдѣ 6 іюля ему предстояло помянуть годовщину смерти матери—О. Н. Скобелевой.

Въ Москву онъ пріѣхалъ совершенно бодрымъ и веселымъ. Остановился въ гостиницѣ „Дюссо“. Поздно начатый завтракъ окончился въ шестомъ часу пополудни. М. Д. былъ веселъ, шутилъ, много толковалъ съ офицерами о военной исторіи, о разныхъ сраженіяхъ и чертилъ имъ на бумагѣ пояснительные планы. Адъютантамъ онъ отдалъ всѣ необходимыя приказанія относительно завтрашнихъ визитовъ, часа посѣщенія выставки, будущихъ маневровъ и т. д. Немножко жаловался покойный на усталость, да иначе и быть не могло въ его нервной дѣятельной жизни. Онъ усердно занимался предметами своей спеціальности и не проходило почти ни одного дня, чтобы онъ не штудировалъ съ офицерами военную исторію и не обогащалъ бы свой умъ новыми познаніями. Частыя занятія по пяти и шести часовъ сряду могли вызвать усталость и въ такомъ по виду богатырѣ, какимъ былъ Михаилъ Дмитріевичъ.

Въ семь часовъ вечера всѣ разѣхались: адъютантъ съ докторомъ отправились въ садъ „Эрмитажъ“, а самъ Скобелевъ поѣхалъ по своимъ дѣламъ. Онъ былъ у И. С. Аксакова, отъ котораго уѣхалъ въ 11 часовъ вечера, а въ часъ ночи въ гостиницѣ „Англія“ ему стало дурно; поздною ночью, около 2 часовъ ночи, къ подъѣзду гостиницы „Дюссо“ подъѣхалъ экипажъ и въ немъ полиціимейстеръ генераль-маіоръ Огаревъ привезъ Скобелева, бывшаго уже въ такомъ состояніи, что его на рукахъ внесли въ занимаемое имъ помѣщеніе.

Призвана была медицинская помощь, но было уже поздно и М. Д. не стало.

Черезъ два часа покойный лежалъ уже въ гостинницѣ „Дюссо“, въ отдѣльной комнатѣ, на невысокомъ столѣ, покрытый кисейнымъ покровомъ. Въ окружающихъ помѣщеніяхъ толпились приближенные М. Д.; пріѣхали два товарища прокурора Окружнаго Суда, инспекторъ врачебной управы Остроглазовъ съ медиками. Потомъ явились отдать послѣдній долгъ усопшему видныя лица Москвы: кн. В. А. Долгоруковъ, П. С. Аксаковъ и многіе другіе. Полиція съ трудомъ оберегала входъ въ гостиницу. Съ самаго ранняго утра на улицѣ собрались толпы народа, одушевленные однимъ желаніемъ, узнать, что случилось съ Скобелевымъ.

26 іюня тѣло Михаила Дмитріевича Скобелева, при участіи прозектора Московскаго Университета Нейдинга и нѣсколькихъ докторовъ—ассистентовъ, было набальзамировано, причемъ дознано, что покойный скончался отъ паралича сердца и легкихъ, воспаленіемъ которыхъ онъ страдалъ еще такъ недавно. Мозгъ Скобелева вѣсилъ 1491 граммъ, средній же вѣсъ мозга у обыкновенныхъ людей вѣситъ 1350 граммъ. Послѣ бальзамированія тѣло Скобелева, одѣтое въ парадный генераль-адъютантскій мундиръ, было положено въ гробъ.

Гробъ, выложенный свинцомъ и отдѣланный внутри бѣлымъ атласомъ, снаружи отличался изящною простотой, онъ изготовленъ изъ полированного дуба, на крышкѣ большой восьми-конечный выпуклый крестъ, также дубовый.

Выраженіе лица покойнаго ничуть не измѣнилось: едва замѣтны были красноватые подтеки на щекахъ.

Прощались съ мертвымъ и тѣ, кто не зналъ его лично, но кто цѣнилъ въ немъ истинно-русскую, гениальную натуру. А толпа на улицѣ все прибывала и прибывала. Народомъ усыянъ былъ весь путь до церкви Трехъ Святителей у Красныхъ воротъ.

Къ 6 часамъ вечера, къ упомянутой гостинницѣ собрались отдѣльныя части войскъ, безъ оружія, расположенныя лагеремъ подъ Москвою и стали шпалерами по обѣимъ сторонамъ пути, а съ 7 часовъ начали съѣзжаться высокопоставленныя лица, пожелавшія присутствовать при церемоніи.

Въ исходѣ девятаго часа прахъ генерала Скобелева вынесенъ изъ занимаемаго имъ номера его сотоварищами генералами. Едва гробъ показался на крыльцѣ гостиницы, какъ вся стотысячная толпа мгновенно обнажила головы, послышались выраженія искренняго не-притворнаго горя, полились искреннія, сердечныя слезы. Подъ ноги несшимъ гробъ лицамъ бросали букеты цвѣтовъ, розами усыпали послѣдній путь „Бѣлаго генерала“ по родной русской столицѣ—и въ этомъ общемъ, неудержимомъ народномъ движеніи видѣлось и чувствовалось, чего лишилась Россія въ лицѣ своего героя-богатыря.

Вся Кремлевская стѣна напротивъ гостиницы „Дюссо“ была сплошь усыяна народомъ, крыши всѣхъ домовъ и улицы по пути слѣдованія были покрыты зрителями, и все это были не праздные зрители, сошедшіеся полюбоваться на невиданное зрѣлище—нѣтъ, это были члены глубоко, искренно огорченной русской семьи, понесшей горькую, незамѣнимую утрату.

Плакалъ простой народъ, почтительно снимая шапки, плакали

лица высшего круга, провожая покойного, и не одна горькая непривычная слеза скатилась по загорбому лицу солдата, закаленного въ бою, не разъ безстрашно смотрѣвшаго прямо въ лицо смерти и содрогнувшагося при видѣ праха своего вождя-богатыря, холодного и безжизненного въ своемъ тѣсномъ послѣднемъ новосельи. Шествіе открылось массою вѣнковъ, которые несли офицеры Ростовскаго грендерскаго полка.

Въ числѣ ихъ былъ вѣнокъ, присланный отъ офицеровъ генеральнаго штаба, и особо отъ академіи съ надписью: „Полководцу, Суворову равному“, вѣнокъ отъ кавалергардовъ, отъ лицъ служавшихъ на Закаспійской желѣзной дорогѣ, отъ 1-го резервнаго желѣзнодорожнаго баталіона, отъ купцовъ Гостинаго двора, отъ торговцевъ Охотнаго ряда,—кромѣ того, много вѣнковъ, присланныхъ отъ неизвѣстныхъ почитателей почившаго героя, и между прочимъ одинъ лавровый, въ срединѣ котораго красовалась надпись: „патріоту-герою“.

За вѣнками слѣдовали ордена, несенные на 27 подушкахъ г.г. офицерами Ростовскаго полка съ ихъ ассистентами, въ томъ числѣ три Георгіевскихъ креста.

Крышку отъ гроба, всю покрытую большимъ вѣнкомъ изъ розъ, присланнымъ отъ князя Меншикова, несли Донскіе казаки. Во главѣ духовенства шелъ архимандритъ Златоустскаго монастыря о. Афанасій, а вслѣдъ за нимъ, мѣрно и тихо несомый на рукахъ офицеровъ различныхъ полковъ и оружій, подвигался самъ герой подъ своимъ золотымъ покрываломъ, съ своимъ блѣднымъ, но все еще энергичнымъ и прекраснымъ лицомъ.

Впереди гроба, по правую его сторону ѣхалъ верхомъ на конѣ кн. В. А. Долгоруковъ, а вслѣдъ за гробомъ по правую же сторону ѣхали командиръ 13 корпуса генералъ Манзей, командиръ грендерскаго корпуса генералъ Ганецкій и генералъ Радецкій. Кромѣ того, за гробомъ слѣдовали графъ А. А. Барановъ, Московскій губернаторъ В. С. Перфильевъ, вице-губернаторъ И. И. Красовскій, командующій войсками Московскаго военнаго округа генералъ Бревернъ де-Лагарди, комендантъ баронъ Фридериксъ, И. С. Аксаковъ, множество генераловъ и офицеровъ.

Далѣе слѣдовала траурная колесница, а затѣмъ длинный непрерывный рядъ экипажей, который замыкала несчетная толпа москвичей.

Церкви Трехъ Святителей corteжъ достигъ только въ исходѣ 10 часовъ и тотчасъ по внесеніи гроба въ церкви отслужена была надъ нимъ панихида.

Гробъ Бѣлаго генерала стоялъ на высокомъ катафалкѣ подъ малиновымъ бархатнымъ балдахиномъ, весь окруженный и усыпанный цвѣтами посреди церкви, которая вся также была убрана высокими лавровыми деревьями. Кругомъ гроба лежали на табуреткахъ малиновыя бархатныя подушки съ разложенными на нихъ орденами покойнаго. На груди его находился маленький образъ Спасителя.

Въ храмѣ при гробѣ находился почетный унтеръ-офицерскій караулъ отъ Фанагорійскаго грендерскаго полка, а на улицѣ вокругъ церкви со всѣхъ сторонъ стояла иная почетная стража, иной

почетный караулъ, эта несмѣтная толпа народа, которая, несмотря на поздній часъ, не взирая ни на утомленіе, ни на хлынувшій внезапно дождь, ревниво сторожила покой своего усопшаго героя.

Для отданія воинской почести покойному генераль-адъютанту Скобелеву, при провозженіи тѣла изъ церкви Трехъ Святителей на станцію Рязанской желѣзной дороги, въ понедѣльникъ 28 іюня былъ назначенъ отрядъ войскъ подъ начальствомъ старшаго изъ дивизионныхъ начальниковъ Московскаго военного округа генераль-лейтенанта Дохтурова, находившагося во время минувшей турецкой кампаніи со дня Шейновскаго боя и до конца войны подъ начальствомъ покойнаго.

Въ составѣ отряда, кромѣ войскъ по уставу, назначенъ еще весь Донской № 1 казачій полкъ, долгое время дѣйствовавшій подъ начальствомъ генераль-адъютанта Скобелева и получившій въ награду надписи на шапкахъ „за Шейново“. Положенные по уставу два баталіона назначены были отъ 9-го гренадерскаго Сибирскаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полка, а 6 орудій отъ 3-ей гренадерской артиллерійской бригады, съ особаго Высочайшаго разрѣшенія, нарочно для сего привезены изъ подъ Можайска, гдѣ вся артиллерія Московскаго округа тогда была собрана для упражненія въ стрѣльбѣ.

Для сопровожденія тѣла отъ Москвы до мѣста погребенія въ Рязанской губерніи и присутствованія при самомъ погребеніи, независимо ожидаемой депутаціи отъ 4-го армейскаго корпуса, которымъ командовалъ покойный, назначена была депутація отъ Московскаго округа изъ генераль-маіора Мольскаго, кавалера ордена С. Георгія 3 и 4 ст., генеральнаго штаба полковника Волкова, участника ахальтекинской экспедиціи, оберъ-офицера и двухъ урядниковъ отъ Донскаго казачьяго № 1 полка. Офицеры генеральнаго штаба, въ Москвѣ находящіеся, возложили на гробъ покойнаго 6 вѣнковъ и держали дежурство при гробѣ во все время нахожденія его въ церкви Трехъ Святителей, независимо положенныхъ по уставу часовыхъ. Чтобы дать возможность поклониться праху покойнаго народнаго героя, воина нижнимъ чинамъ всѣхъ частей, въ Москвѣ находящихся, при перенесеніи тѣла изъ гостинницы Дюссо въ церковь, были выставлены команды шпалерами отъ всѣхъ полковъ, безъ оружія.

Въ ночь съ 27 на 28 іюня, въ послѣднюю ночь пребыванія гроба М. Д. Скобелева въ храмѣ Трехъ Святителей, наплывъ народа былъ такъ великъ, что до 3-хъ часовъ утра у гроба перебивало до 50.000 челоуѣкъ.

Съ самаго ранняго утра вся площадь предъ церковью очищена была отъ народа, проѣздъ по ней былъ прекращенъ и войска, разставленные шпалерами, тянулись по обѣимъ сторонамъ площади и далѣе въ два ряда, вплоть до самаго вокзала Рязанской желѣзной дороги.

Передъ концомъ обѣдни въ церкви произошло всеобщее движеніе, указавшее всѣмъ на ожидавшееся съ начала церемоніи прибытіе Августѣйшихъ посѣтителей, пріѣхавшихъ почтить присутствіемъ своимъ погребеніе почившаго героя и сказать послѣднее русское царское прости тому, кто такъ глубоко, такъ преданно любилъ Россію и Царя.

Высокіе посѣтители—Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ Старшій и Алексѣй Александровичъ изволили прибыть во время пѣнія причастнаго стиха и прошли прямо къ гробу, въ сопровожденіи князя Владиміра Андреевича Долгорукова, вышедшаго къ нимъ на встрѣчу на паперть храма.

Наступилъ обрядъ отпѣванія, во время котораго преосвященный Амвросій произнесъ тронувшую всѣхъ рѣчь, сказавъ между прочимъ:

„Слезы текутъ изъ глазъ, тяжело и горько намъ, отечество теряетъ дорогого сына, а мы—великаго соотечественника. Плачь русская крестьянка—онъ былъ отцомъ дѣтямъ твоимъ, ополчившимся на враговъ отечества. Плачь русскій народъ—въ немъ ты потерялъ просвѣщенного заступника за родную землю и выразителя твоей блестящей славы“.

По окончаніи отпѣванія гробъ былъ поднятъ и вынесенъ изъ храма высшими военными чинами при участіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

Военная музыка заиграла гимнъ „Коль Славенъ“ и печальная процессія двинулась между рядами войскъ. Ихъ Высочества слѣдовали за гробомъ до вокзала пѣшкомъ.

Генераль-губернаторъ князь Долгоруковъ и командиръ Гренадерскаго корпуса генераль-адъютантъ Ганецкій слѣдовали верхомъ по сторонамъ гроба. Впереді процессіи офицерами несены были многочисленные вѣнки и подушки съ орденами покойнаго. За гробомъ по установленному церемоніалу вели покрытую траурною попоною лошадь покойнаго, ту самую, на которой онъ былъ въ день штурма Геокъ-Тепе. Гробъ отъ церкви до Рязанской желѣзной дороги все время былъ несенъ на рукахъ генералами и офицерами. На дворѣ станціи была устроена ведущая къ платформѣ траурная галлерей изъ чернаго сукна, покрытаго растеніями и значками ордена Св. Георгія. Вагонъ, назначенный принять останки, былъ подведенъ прямо къ галлерей, драпированъ чернымъ сукномъ и убранъ зеленою. По свершеніи литіи деревянный гробъ опустили въ другой—свинцовый.

При пушечныхъ и ружейныхъ запахахъ гробъ былъ заколоченъ и внесенъ въ вагонъ.

При гробѣ занялъ мѣсто караулъ отъ Донскаго казачьяго № 1 полка. На станціи Канабѣево духовенство встрѣтило гробъ съ хоругвями и отслужило литію. На станціи Пески также отслужена была литія при большомъ стеченіи народа. На станціи новая Коломна погребальный поѣздъ встрѣтили представители города и тысячи жителей. Литія была отслужена соборне. Поѣздъ былъ встрѣченъ изъ Уланскимъ полкомъ съ музыкой, вся платформа была убрана траурными флагами, народъ бѣжалъ за поѣздомъ до станціи Старая Коломна, гдѣ гробъ встрѣтили тысячи рабочихъ завода Струве съ духовенствомъ, отслужившимъ панихиду; платформа была усыпана цвѣтами и убрана траурными флагами. Въ Дивовѣ отслужены литіи при большомъ стеченіи народа. На дебаркадерѣ Рязанской станціи Рязанскимъ викарнымъ епископомъ отслужена была литія. Вся платформа была занята народомъ. Давка была ужасная.

На пути изъ Рязани, въ 2 часа ночи, на станціи Хрушово по-

хорошный поѣздъ былъ встрѣченъ духовенствомъ съ пѣвчими и при большомъ стеченіи народа была отслужена литія.

На станціи Рязскъ громадная платформа была занята жителями города, но безъ духовенства. На станціи Раненбургъ поѣздъ прибылъ 29 іюня въ 4 ч. 50 м. утра, подъ проливнымъ дождемъ. Сбравшійся народъ, не помѣтившійся на платформѣ, унизилъ собою зданіе станціи. Между встрѣтившимися были жители изъ Скопина и Козлова, нарочно прибывшіе сюда отдать послѣдній долгъ праху народнаго героя. Надъ входомъ станціи былъ свѣланъ, въ видѣ балдахина, прекрасный павильонъ, убранный траурными флагами въ видѣ хоругвей. Онъ былъ обитъ чернымъ сукномъ и убранъ зеленью.

Подъ шатромъ находилось духовенство изъ села Спасскаго. Пѣвчіе, нарочно пріѣхавшіе изъ гор. Скопина, помѣтившіеся на станціи, окна которой были открыты, пѣли „Святый Боже“.

На платформѣ стоялъ подъ ружьемъ баталіонъ солдатъ, прибывшихъ наканунѣ изъ Рязани, а другой баталіонъ отправился заранее въ Спасское. Гробъ былъ поднятъ на руки сопровождавшими генералами и офицерами, поставленъ на носилки и внесенъ въ залу станціи, прекрасно декорированную цвѣтами и большими пальмами. Посерединѣ залы стоялъ катафалкъ, на который и былъ поставленъ гробъ; кругомъ гроба на табуреткахъ, обтянутыхъ малиновымъ бархатомъ, были положены подушки съ орденами. Офицеры стояли тутъ же и держали вѣнки, привезенные съ гробомъ изъ Москвы.

Началась панихида, за которой все присутствующіе плакали. По окончаніи панихиды вѣнки, привезенные изъ Москвы и поднесенные на пути, на станціяхъ, были положены на гробъ, тотчасъ же поднятый съ катафалка офицерами и ими же поставленный на носилки при пѣніи пѣвчихъ „Святый Боже“, послѣ чего гробъ былъ вынесенъ въ другія двери станціи.

Оркестръ военной музыки, прибывшій сюда еще наканунѣ, исполнилъ „Коль Славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“. У крыльца стоялъ бѣлый балдахинъ, убранный зеленью и цвѣтами. Вся площадь, не смотря на дождь, была полна народомъ. Гробъ поставили подъ балдахинъ, везомый лошадьми въ черныхъ пополахъ, за балдахиномъ шли музыканты, исполняя погребальный маршъ, а за ними слѣдовалъ баталіонъ и громадная толпа крестьянъ и крестьянокъ.

Въ это время дождь пересталъ, проглянуло солнце. Село Спасское, родовое имѣніе почившаго героя М. Д. Скобелева, находится отъ станціи Раненбургъ въ 26 верстахъ; тамъ въ мѣстной церкви приготовленъ былъ склепъ для гроба бѣлаго генерала.

Печальная церемонія сопровожденія тѣла М. Д. Скобелева на мѣсто послѣдняго упокоенія отъ станціи до деревни Спасское тянулась 29 іюня отъ 8 ч. утра до 5 ч. вечера.

На встрѣчу погребальному шествію со всѣхъ сторонъ стекались толпы народа, увеличивая собою кортежъ. Въ нѣсколькихъ селахъ, попадавшихся на пути, происходила остановка и совершалась литія. При вѣздѣ въ Спасское шествіе было встрѣчено массою народа, пѣніе пѣвчихъ заглушалось по временамъ похоронною музыкою и погребальнымъ переливомъ колоколовъ. Гробъ народнаго любимца

по деревѣ несли крестьяне вплоть до храма, убраннаго съ печальною роскошью, зеленью и цвѣтами.

30 іюня утромъ была совершена заупокойная литургія въ присутствіи графини Зинаиды Дмитріевны Богарне и ея супруга, герцога Евгенія Максимилиановича Лейхтенбергскаго. Тутъ же присутствовали всѣ прибывшіе съ corteжемъ изъ Москвы, присоединившіеся по пути и огромная толпа народа, собиравшагося со всѣхъ окрестныхъ селъ, самыхъ отдаленныхъ. Въ часъ дня гробъ былъ опущенъ въ склепъ при залпахъ присутствующаго баталіона и при всеобщемъ рыданіи колѣнопреклоненныхъ. Гробница помѣщается въ лѣвомъ придѣлѣ храма архистратига Михаила, подъ траурнымъ покровомъ и усыпанная вѣнками.

Долго присутствовавшіе не могли оторваться отъ дорогаго мѣста и, склонившись, стояли надъ гробомъ незабвеннаго русскаго героя. Тутъ же многіе рѣшили, по предложенію г. Хитрово, ежегодно собираться въ эту церковь, чтобы оплакивать великаго гражданина и воина, а также почерпать новыя силы для того, чтобы стараться быть достойными его послѣдователями. Учениками усопшаго генерала разбирались на расхватъ ленты и цвѣты въ знакъ памяти о незабвенномъ. Собравшейся толпѣ крестьянъ гр. З. Д. раздала значительную сумму денегъ въ память горячо любимаго брата.

Со смертью Михаила Дмитріевича Скобелева не стало талантливаго человѣка, храбраго генерала, не стало прироруженнаго русскаго гениальнаго полководца! Силу всѣхъ талантовъ, какъ развитыхъ академическою военно-научною подготовкою, такъ и самимъ воспитаннымъ на почвѣ природныхъ его дарованій унесла могила, но остается что-то, чего и смерть не можетъ отнять у насъ; это его примѣръ постояннаго, настойчиваго труда на пользу и славу столь дорогаго и столь любимаго измъ отечества. Да послужить же его примѣръ источникомъ вдохновенія, постояннаго подраженія для насъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ его сотоварищей по безграничной любви къ Царю, къ Отечеству и къ излюбленному съ юныхъ лѣтъ военному поприщу.

Память народнаго русскаго героя увѣковѣчена безчисленнымъ количествомъ памятниковъ какъ въ Россіи, такъ и въ чтущей его память Болгаріи.

25 іюня 1907 года, въ день 25-лѣтія со дня его безвременной кончины, были отслужены повсемѣстно торжественныя панихиды.

Память и заслуги М. Д. Скобелева почтены слѣдующимъ приказомъ по военному вѣдомству отъ 2 ноября 1907 г. за № 563:

„25 іюня текущаго года исполнилось 25 лѣтъ со дня кончины генералъ-адъютанта Скобелева.

„Имя его неразрывно связано съ исторіей завоеванія нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣній. Большая часть походовъ и экспедицій, имѣвшихъ въ результатъ присоединеніе къ Россійской Имперіи Туркестанскаго края и Закаспійской области, прошли при его участіи или подъ его руководствомъ,—и память о Михаилѣ Дмитріевичѣ

Скобелевъ должна вѣчно жить въ Туркестанскомъ краѣ, а особенно въ Ферганской области, образованной изъ завоеваннаго имъ Кокандскаго ханства, и въ городѣ Новомъ Маргеланѣ, гдѣ онъ былъ первымъ военнымъ губернаторомъ.

„Во вниманіе къ изложенному, Государь Императоръ, въ 23-й день октября, Высочайше повелѣть соизволилъ: областной городъ Ферганской области Новый Маргеланъ именовать впредь—городъ Скобелевъ“.

М. Полянский.

Редакторъ, генер. штаба
Капитанъ *А. М. Андогскій.*

Секретарь Общества ревн. воен.
знаній, генер. штаба Капитанъ
А. А. Балтійскій.

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЪ, ГЕНЕРАЛЬ ОУЪ ИНФАНТЕРІИ,

МИХАИЛЬ ДМИТРИЕВИЧЪ

СКОБЕЛЕВЪ.

202-17
2014

ЧТЕНІЕ
ДЛЯ
СОЛДАТЪ.

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГВАРДІИ ШТАБСЪ-КАПИТАНА
А. ГЕЙРОТА.

~~~~~  
ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.  
~~~~~

КНИЖКА ПЯТАЯ.

№№ 17, 18, 19 и 20.

Съ приложеніемъ восьми рисунковъ.

— — — — —
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1882.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Генералъ-Адъютантъ

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Въ ночь съ 24 на 25 іюня, въ Москвѣ, скоропостижно, отъ разрыва сердца, скончался извѣстный всей Россіи, отъ стараго до малаго, герой прошлой восточной войны, генералъ-адъютантъ, генеральнаго штаба генералъ отъ инфантеріи, Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Русская армія потеряла въ немъ одного изъ лучшихъ и даровитѣйшихъ своихъ генераловъ, а вся Россія не только доблестнаго воина, но и великаго патріота и гражданина. Смерть Михаила Дмитріевича послѣдовала внезапно и совершенно неожиданно, и вызвала всюду, начиная отъ Царскаго престола до крестьянской хаты, величайшую скорбь и соболѣзнованіе. Государь Императоръ, узнавъ о смерти своего доблестнаго слуги, прислалъ, на имя сестры покойнаго, телеграмму такого содержанія:

«Страшно пораженъ и огорченъ внезапною смертью вашего брата. Потеря для русской арміи трудно замѣнимая и конечно всѣми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезныхъ и преданныхъ своему дѣлу дѣятелей».

Державный Вождь нашъ призналъ потерю трудно замѣнимою для русской арміи. Слова его служатъ лучшею оцѣнкою значенія, которое, по заслугамъ принадлежало покойному, какъ самому блестящему представителю русской доблести, какъ достойнѣйшему носителю русской военной чести, какъ полководцу, котораго замѣнить трудно.

Въ виду той глубокой скорби, въ которую повергнула Россію утрата этого народнаго героя, постараемся, хотя въ краткомъ очеркѣ, указать заслуги покойнаго Михаила Дмитріевича и отмѣтить выдающіяся черты его характера.

Герой Плевны и Геокъ-Тепе, генералъ Скобелевъ начинается свою родословную съ Никиты Скобелева, однодворца, который, въ концѣ прошлаго столѣтія, дослужился до званія сержанта. Никита Скобелевъ женился на дворянкѣ Коровой и имѣлъ отъ этого брака трехъ сыновей, изъ которыхъ младшій, Иванъ Никитичъ, дѣдъ почившаго героя, былъ генераломъ отъ инфантеріи, комендантомъ петербургской крѣпости и писателемъ. Въ войну 1812 года онъ потерялъ руку и былъ награжденъ орденомъ Георгія 3 степени. Отецъ Скобелева, за прошедшую войну, также получилъ Георгія 3 степени.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ родился въ Петербургѣ 17 сентября 1843 года. По рассказамъ самаго Скобелева, отецъ его былъ человѣкъ довольно суровый и держался старыхъ порядковъ. Воспитать сына онъ хотѣлъ также сурово. Онъ нанялъ сыну воспитателя, нѣмца, который билъ мальчика прутомъ за дурно выученный урокъ и за всякій пустякъ оскорблялъ его. Скобелевъ, съ дѣтства вспыльчивый, обладалъ необык-

повенною живостью характера, которую можно было назвать даже буйствомъ, сердился и негодовалъ. Между воспитателемъ и ученикомъ установилась вражда; мальчикъ всячески старался досадить своему жестокому учителю.

Двѣнадцатилѣтній Скобелевъ былъ очень друженъ съ одною дѣвочкой, такихъ же лѣтъ, и въ деревнѣ часто проводилъ съ нею досуги. Однажды, въ присутствіи этой юной подруги, воспитатель ударилъ мальчика по лицу. Скобелевъ страшно вспылилъ, плюнулъ ему въ лицо и ударилъ, въ отвѣтъ, по щекѣ.

Этотъ случай рѣшилъ дальнѣйшую судьбу мальчика. Отецъ увидѣлъ, что нѣмцу, съ его жестокостью, несправиться со Скобелевымъ и онъ отдалъ сына въ 1855 г. Дезидерію Жирандэ, державшему въ Парижѣ училище для мальчиковъ. На этотъ разъ, молодой Скобелевъ попалъ въ прекрасныя руки. Жирандэ—образованнѣйшій, благородный и честный человекъ, имѣлъ громадное вліяніе на нравственное воспитаніе Скобелева. Главнымъ образомъ, онъ развилъ въ немъ и укрѣпилъ понятія о беззавѣтномъ служеніи родинѣ и о повиновеніи долгу. Жирандэ пріѣхалъ съ своимъ воспитанникомъ въ Россію, и болѣе они не разлучались. Впослѣдствіи, воспитатель пріѣзжалъ къ Скобелеву даже на войну. Это была самая искренняя привязанность Скобелева; онъ съ воспитателемъ часто совѣтовался и обезпечилъ его существованіе въ Россіи.

Родители Скобелева желали, чтобы онъ закончилъ свое образованіе въ Россіи. Поэтому Михаилъ Дмитріевичъ поступилъ въ 1860 году въ Петербургскій университетъ; но, возникшіе въ 1861 году, въ университетѣ,

безпорядки, повлекшіе за собою временное его закрытіе, не позволили Скобелеву кончить университетскій курсъ. Выйдя изъ университета, Скобелевъ поступилъ юнкеромъ въ кавалергардскій полкъ. Это было въ 1861 году и съ этого времени начинается военная служба этого героя, на которой онъ стяжалъ столь громкую славу.

Въ 1863 году Михаилъ Дмитріевичъ былъ произведенъ въ корнеты. Польское возстаніе только что разгоралось—но этого было достаточно, чтобы заставить Скобелева хлопотать о переводѣ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ. Скобелевъ не могъ удовлетвориться мирною жизнью, его душа стремилась туда, гдѣ гремѣтъ битвы, гдѣ есть просторъ русской доблести. Первое дѣло, въ которомъ онъ участвовалъ, было подъ Маховымъ. Какъ тутъ, такъ и вообще въ теченіе всей польской кампаніи, молодой корнетъ Скобелевъ доказалъ, что не даромъ его всегда тянуло къ военному дѣлу: на самыхъ первыхъ порахъ своей боевой дѣятельности, онъ выказалъ замѣчательную личную храбрость и военныя способности, которыя высоко цѣнились его товарищами и начальниками. За дѣло въ Радковицкомъ лѣсу онъ былъ удостоенъ ордена св. Анны 4 степени, съ надписью «за храбрость».

Когда, съ окончательнымъ усмирениемъ мятежа, «дѣла» не стало, Скобелевъ вернулся въ Петербургъ и, въ 1866 году, поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Михаилъ Дмитріевичъ вышелъ изъ академіи генеральнаго штаба по второму разряду и рассказываютъ даже, что только слѣдующій случай рѣшилъ зачисленіе его въ генеральный штабъ: послѣ научныхъ экзаменовъ, заданы были офице-

рамъ практическія испытанія; на этотъ разъ съемки и рекогносцировки происходили въ сѣверо-западномъ краѣ. Скобелеву, между прочимъ, было задано отыскать наиболѣе удобное мѣсто для переправы кавалерійскаго отряда чрезъ Нѣманъ, на извѣстномъ протяженіи его теченія. Скобелевъ провелъ назначенное время на одномъ и томъ же мѣстѣ, не разъѣзжая по берегамъ Нѣмана; когда явилась повѣрочная коммисія, въ числѣ членовъ которой состоялъ профессоръ академіи, нынѣ генералъ-лейтенантъ, Лееръ, то Скобелевъ, не думая долго, вскочилъ на коня, ободрилъ его плетью, прямо съ мѣста бросился въ Нѣманъ и благополучно переплылъ его въ оба конца. Генералъ Лееръ, въ восторгѣ отъ такой находчивости и рѣшительности, настоялъ, чтобы Скобелева зачислили въ генеральный штабъ.

Во время войны въ Даніи въ 1864 году, Скобелевъ, находясь въ заграничномъ отпуску, посѣтилъ поля битвъ еще въ то время, когда военныя дѣйствія не прекратились.

Въ 1868 году юный капитанъ генеральнаго штаба былъ назначенъ на службу въ Туркестанскій край, гдѣ въ 1869 году принималъ участіе въ дѣйствіяхъ генерала Абрамова на бухарской границѣ. Въ 1870 году М. Д. Скобелевъ получилъ назначеніе на Кавказъ и въ 1871 году состоялъ при полковникѣ Столѣтовѣ въ Закаспійскомъ краѣ. Здѣсь Скобелевъ, командуя кавалеріей Красноводскаго отряда, обратилъ на себя вниманіе нѣсколькими опасными рекогносцировками, быстро и скрытно произведенными. Въ этомъ же году, Скобелевъ былъ возвращенъ въ Петербургъ. Тутъ онъ занимался въ военно-ученомъ комитетѣ, а потомъ назначенъ адъютантомъ штаба 22-й пѣхотной дивизіи.

Съ открытіемъ, въ 1873 году, хивинской экспедиціи, подполковникъ Скобелевъ находился въ мангышлакскомъ отрядѣ, направленномъ, въ числѣ другихъ, подъ начальствомъ полковника Ломакина, къ Хивѣ. Въ этомъ труднѣйшемъ походѣ по безводной степи, подъ палящими лучами южнаго солнца, Скобелевъ все время шелъ впереди, командуя первымъ эшелономъ, а затѣмъ авангардомъ отряда. Должно замѣтить при этомъ, что движеніе нашего отряда облегчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что киргизы не хотѣли вѣрить, чтобы русскія войска могли пройти по пути, по которому они сами рѣдко ходятъ въ это время года, а потому встрѣчные аулы были застигаемы въ расплохъ и не выдерживали нашего неожиданнаго натиска. На одинъ изъ такихъ ауловъ наткнулся подполковникъ Скобелевъ съ двѣнадцатью казаками и когда люди, бывшіе въ этомъ аулѣ, дали по немъ залпъ, онъ бросился на нихъ стремительно въ шашки и, не смотря на то, что враговъ было до ста человекъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, захвативъ 180 верблюдовъ и до 800 пудовъ хлѣба; въ этой стычкѣ Скобелевъ былъ легко раненъ—шесть колотыхъ пикой и сабельныхъ ранъ—что не помѣшало ему на другой день быть снова на конѣ. При дальнѣйшемъ движеніи къ Хивѣ, Скобелевъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, нерѣдко выручая отрядъ изъ труднаго положенія, то смѣлымъ натискомъ конницы, то выдержаннымъ огнемъ пѣхоты, а при атакѣ городской стѣны, во главѣ двухъ ротъ, первымъ пробился въ сдѣланное отверстіе и взялъ съ боя три непріятельскихъ орудія. Передъ выступленіемъ нашихъ войскъ изъ предѣловъ Хивы, Скобелевъ добро-

вольно вызывается произвести опасную рекогносцировку пути, не пройденнаго Красноводскимъ отрядомъ и оставшагося необслѣдованнымъ. Выступивъ, съ разрѣшенія главнаго начальника экспедиціонныхъ войскъ, изъ Змукшира 4 августа, когда наши войска уже оставили туркменскія земли, Скобелевъ въ сопровожденіи трехъ туркменовъ-проводниковъ, совершилъ смѣлую поѣздку къ Ортакую, сдѣлавъ, въ теченіе семи дней, 560 верстъ. За боевыя отличія въ теченіе хивинской кампаніи, подполковникъ Скобелевъ былъ награжденъ орденомъ Георгія 4 степени и вскорѣ назначенъ флигель-адъютантомъ.

Въ августѣ 1875 года положеніе наше въ Средней Азійи было въ высшей степени затруднительнымъ; волненія въ Коканѣ, изгнаніе преданнаго намъ Худоярахана и объявленіе священной войны невѣрнымъ, т. е. христіанамъ, готовое охватить все населеніе и поставить его подъ начальство воинственнаго и свирѣпаго Абдурахмана, грозили намъ серіозной опасностью. Въ такихъ обстоятельствахъ, нужно было дѣйствовать быстро и рѣшительно, а потому, при первой возможности, начальникомъ края, генералъ-адъютантомъ Кауфманомъ, сформированъ былъ въ Ходжентѣ отрядъ и двинутъ въ предѣлы Коканскаго ханства, для разсѣянія полчищъ Абдурахмана. Какъ въ движеніи нашихъ войскъ, такъ и въ первомъ серіозномъ дѣлѣ съ коканцами подъ Махрамомъ, полковникъ Скобелевъ оказалъ отряду неисчислимыя услуги въ званіи начальника кавалеріи, о чемъ генералъ Кауфманъ неоднократно и съ признательностью удостовѣрялъ въ донесеніяхъ о совершившихся тогда дѣлахъ. Въ дѣлѣ подъ Махрамомъ, Скобелевъ былъ легко раненъ. Про дѣло подъ Махрамомъ мы можемъ

передать рассказъ самаго Скобелева, записанный англичаниномъ Марвиномъ. Вотъ что пишетъ Марвинъ въ своей книгѣ «Русское поступательное движеніе къ Индіи»:

«Скобелевъ любезно предложилъ мнѣ пояснить на чертежѣ ходъ боя при Махрамѣ, гдѣ онъ былъ подъ начальствомъ Кауфмана. Скобелевъ придвинулъ къ себѣ пачку бумаги и выбралъ нѣсколько цвѣтныхъ карандашей изъ числа 30—40 штукъ, тонко очиненныхъ и лежавшихъ въ порядкѣ на столѣ. Пододвинувъ свое кресло вплотную къ моему, онъ началъ набрасывать, съ поразительной быстротой, планъ мѣстности при Махрамѣ. Хотя это былъ только набросокъ, однако Скобелевъ началъ съ того, что опредѣлилъ масштабъ. При помощи цвѣтныхъ карандашей, онъ ясно обозначилъ расположеніе войскъ и характеръ мѣстности. Подробности не лишали планъ ясности; названіе мѣстностей были обозначены и рядомъ обозначена численность войскъ... Когда набросокъ былъ завершенъ, онъ оказался болѣе законченнымъ, чѣмъ многіе рисунки плановъ, приложенныхъ къ новѣйшимъ нашимъ военнымъ сочиненіямъ. Исполняя набросокъ, Скобелевъ съ большимъ воодушевленіемъ описывалъ, въ малѣйшихъ подробностяхъ, поле битвы; онъ никогда не искалъ словъ, онъ приводилъ факты одинъ за другимъ въ совершеннѣйшемъ порядкѣ и говорилъ такъ ясно, что не было надобности ни въ какихъ дополнительныхъ объясненіяхъ. «Когда Кауфманъ осматривалъ позиціи», рассказывалъ Скобелевъ, — «онъ обратился къ штабу и спросилъ: «кто знаетъ что-либо о битвѣ при Феразешѣ»? Я читалъ все, что ея касалось, но

промолчалъ, ожидая отвѣта отъ другихъ офицеровъ. Никто ничего не зналъ про этотъ бой; тогда я изложилъ его генералу». «Мы не сдѣлали ошибки, которую допустилъ въ первый день боя при Феразешѣ генералъ англійскій. Мы сразу воспользовались возвышенностями, обошли непріятели и загнали его въ рѣку. Она была запружена человѣческими головами. У коканцевъ было 20 тысячъ человѣкъ изъ 66,000. Мы потеряли 18 человѣкъ. Въ этотъ день я командовалъ кавалеріей отряда».

Изъ этого краткаго описанія уже ясно видно, до какой степени Скобелевъ понималъ всѣ тонкости всякаго военного положенія, до какой степени умѣлъ пользоваться чужимъ опытомъ и ошибками; сразу замѣчаешь, что онъ былъ хозяиномъ своего дѣла.

По разгромленіи полчищъ Абдурахмана послѣ Махрама, войска наши двинулись къ столицѣ ханства, при чемъ предполагавшійся тогда штурмъ Кокана былъ также въ значительной степени облегченъ трудами Скобелева, ибо въ бытность свою въ Коканѣ передъ войной, въ составѣ нашего посольства, Скобелевъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ столицѣ ханства и произвелъ превосходную рекогносцировку городской стѣны, воротъ, путей, ведущихъ къ городу и окрестностей его въ окружности верстъ на десять, представивъ при этомъ подробный планъ и описаніе. Трудъ этотъ исполненъ съ большимъ рискомъ, такъ какъ въ то время въ Коканѣ уже было сильное волненіе. По занятіи столицы ханства, Скобелевъ былъ назначенъ, во главѣ небольшого летучаго отряда, для преслѣдованія Абдурахмана, при чемъ, неустанно слѣдуя по пятамъ

за кипчакскимъ предводителемъ и дѣлая по истинѣ суворовскіе переходы, онъ довелъ, недавно грознаго, Абдурахмана до полного бѣгства: имъ были брошены обозъ, орудія и принадлежащій ему священный значекъ, вывезенный изъ Мекки. Это молодецкое преслѣдованіе, въ связи съ пораженіемъ подъ Махрамомъ, произвело на населеніе ханства громадное впечатлѣніе.

Тѣмъ не менѣе дѣло далеко еще не было окончено. По уходѣ нашего главнаго отряда на зимовку въ Ходжентъ, во вновь занятомъ краѣ былъ оставленъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ, теперь уже свиты Его Величества, генералъ-маіора Скобелева, которому впервые на сей разъ пришлось быть самостоятельнымъ начальникомъ. По данной ему инструкціи, генералъ Скобелевъ долженъ былъ дѣйствовать только оборонительно, не переходя предѣловъ занятой мѣстности, а между тѣмъ враждебное намъ населеніе производило частыя вторженія, которыя, съ наступленіемъ весны, должны были усилиться и поднять весь край. Положеніе было очень опасно. Такому тяжелому и небывалому еще въ Средней Азіи положенію дѣлъ надлежало положить конецъ; этого требовала необходимость поддержанія значенія русскаго имени и доставленія населенію возможности мирной жизни. Эта трудная задача была блистательно разрѣшена Скобелевымъ. Глубоко изучившій характеръ средне-азіатцевъ, Скобелевъ рѣшилъ поразить непріятели въ самомъ центрѣ его враждебной дѣятельности и тѣмъ отбить у него охоту тягаться съ нами; предметомъ дѣйствій былъ выбранъ Андиджанъ, населеніе котораго принимало самое дѣятельное участіе въ возстаніи и было въ выс-

шей степени возбуждено предшествовавшими дѣйствіями, сочтенными ими за побѣду. Рѣшившись съ своимъ небольшимъ отрядомъ въ 2,800 человекъ съ 12 орудіями штурмовать Андиджанъ, въ которомъ собралось до 30,000 вооруженныхъ жителей, искусныхъ, какъ всѣ азіаты, въ оборонѣ, и сознавая важность предстоявшей задачи, Скобелевъ въ мельчайшихъ подробностяхъ обдумалъ планъ штурма и выказалъ то рѣдкое сочетаніе рѣшимости съ осторожностью, которое составляетъ признакъ великихъ полководцевъ. Собравъ всѣ возможные распросныя свѣдѣнія о населеніи города и настроеніи жителей, заручившись планомъ крѣпостной стѣны, Скобелевъ осторожно, подстерегая свою будущую добычу и высматривая ея слабыя стороны, нѣсколько дней ходилъ вокругъ города, производя самыя тщательныя рекогносцировки и съемки; рекогносцировки эти производились не малымъ отрядомъ, а всею кавалеріей отряда, внушительно дѣйствовавшею на оборонявшихся; во время одной изъ такихъ развѣдокъ, подойдя на разстояніе версты къ части города, слабо наблюдаемой коканцами, Скобелевъ, со штабомъ и конвоемъ быстро подскочилъ къ самой стѣнѣ и пронесся даже за ограду, высмотрѣвъ, что было ему нужно; коканцы, пораженные неожиданностью, давъ нѣсколько выстрѣловъ, бѣжали со стѣны. Этотъ налетъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые съ перваго взгляда кажутся безразсудной дерзостью, но въ сущности представляютъ вѣрный расчетъ.

Когда все было приготовлено, 8-го января 1876 года, генералъ Скобелевъ повелъ свои колонны на штурмъ. Наши войска, выйдя на возвышеніе, увидѣли большой городъ, обнесенный крѣпкой стѣной (4—6 аршинъ вы-

шины и 3 аршина толщины) и униженный бѣлыми чалмами враговъ; изъ за стѣны неся глухой ревъ трубъ, бой барабановъ, взвизгиваніе флейтъ и крики «уръ-уръ», которыми коканцы возбуждаютъ себя къ битвѣ. Но горсть храбрецовъ, ведома твердою, опытною рукой, предупрежденная обо всемъ своимъ храбрымъ и увѣреннымъ начальникомъ, быстро преодолѣла всѣ препятствія и черезъ нѣсколько часовъ пылающій городъ былъ въ нашихъ рукахъ. Тогда Скобелевъ, оставивъ часть своихъ войскъ въ Андиджанѣ по горячимъ слѣдамъ бросился преслѣдовать Абдурахмана. Онъ вскорѣ нагналъ свирѣпаго предводителя и принудилъ его къ сдачѣ вмѣстѣ съ 500 джигитами.

Судьба Ферганской долины была рѣшена и 5-го февраля все Коканское ханство было присоединено къ Россіи, а герой этой войны, генералъ Скобелевъ былъ назначенъ губернаторомъ Ферганской области и командующимъ въ ней войсками.

Изложивъ въ краткихъ чертахъ замѣчательную дѣятельность почившаго полководца, въ Средней Азіи, нельзя, для полноты описанія, не упомянуть объ его нѣкоторыхъ отдѣльныхъ распоряженіяхъ и поступкахъ, которые хорошо рисуютъ этого замѣчательнаго человека: Онъ сформировалъ конно-стрѣлковые баталіоны, всюду слѣдовавшіе за кавалеріей и ей успѣшно помогавшіе; онъ, какъ отецъ, радѣлъ о солдатѣ въ походѣ, хотя и не жалѣлъ его, когда того требовало дѣло; онъ составилъ диспозицію штурма Андиджана такъ, что она всеми признана за образцовую; онъ умѣлъ всегда предупредить войска обо всѣхъ опасностяхъ и тѣмъ спасалъ ихъ отъ замѣшательства;—все это дѣлалъ Скобелевъ,

чѣмъ и заслужилъ беззавѣтную преданность солдатъ и офицеровъ.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ одномъ случаѣ, который показываетъ, какъ относился Скобелевъ къ дѣлу. Этотъ рассказъ переданъ очевидцемъ. Однажды (30-го ноября 1875 года) завязнувшее въ рѣкѣ орудіе задержало переправу, а въ это время, скрывавшіеся подъ крутымъ берегомъ туркмены усакали и предупредили о случившемся непріятельскую шайку. Орудіе, не смотря на припряжку новыхъ лошадей, не только не поддавалось усиліямъ, но стало втягиваться въ илистое дно. Скобелевъ приказалъ людямъ втораго Туркестанскаго батальона лѣзть въ воду. Было 2 часа ночи; холодно, сильный вѣтеръ. Люди раздѣваются, генералъ дѣлаетъ тоже, и вмѣстѣ съ ними влѣзаетъ по грудь въ воду. Орудіе тотчасъ же было вытащено; но командиръ баталіона, старый туркестанецъ, задѣтый за живое, сказалъ потомъ генералу:

— Ваше превосходительство, дисциплина у насъ не такъ плоха, чтобы вамъ нужно было самимъ идти въ воду. Вашему превосходительству довольно было приказать!

За боевыя отличія въ 1875 — 1876 годахъ Скобелевъ былъ награжденъ орденомъ Георгія 3-й степени, золотою саблею съ надписью «за храбрость», золотою же саблею, осыпанною брилліантами, и чиномъ генералъ-маіора.

Тѣмъ временемъ, изъ земель славянскихъ стали доходить тревожныя вѣсти о неистовствахъ турокъ; наконецъ Россія объявила войну султану. Понятно, Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ не могъ равнодушно смотрѣть на

подготавливавшіяся важныя событія на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ оставилъ почетное, вліятельное и видное положеніе военного губернатора цѣлой области и отправился къ дѣйствующей дунайской арміи.

Тутъ, сначала далеко не всѣ сочувственно взглянули на молодаго 34-лѣтняго генерала, украшеннаго двумя Георгіями, саблей за храбрость и алмазной шпагой. Сухо встрѣтили его очень многіе, не вполне довѣряя его заслугамъ. Его называли «побѣдителемъ халатниковъ».

Въ виду всего этого, боевому генералу, командовавшему уже передъ тѣмъ большими отрядами всѣхъ родовъ оружія, пришлось удовольствоваться сначала должностью начальника штаба кавалерійскаго отряда, которымъ командовалъ его отецъ. Но и этотъ отрядъ былъ скорѣ расформированъ и Скобелевъ 2-й причисленъ къ главной квартирѣ. Но Михаилъ Дмитриевичъ, увѣренный въ себѣ, не унывалъ, не падалъ духомъ.

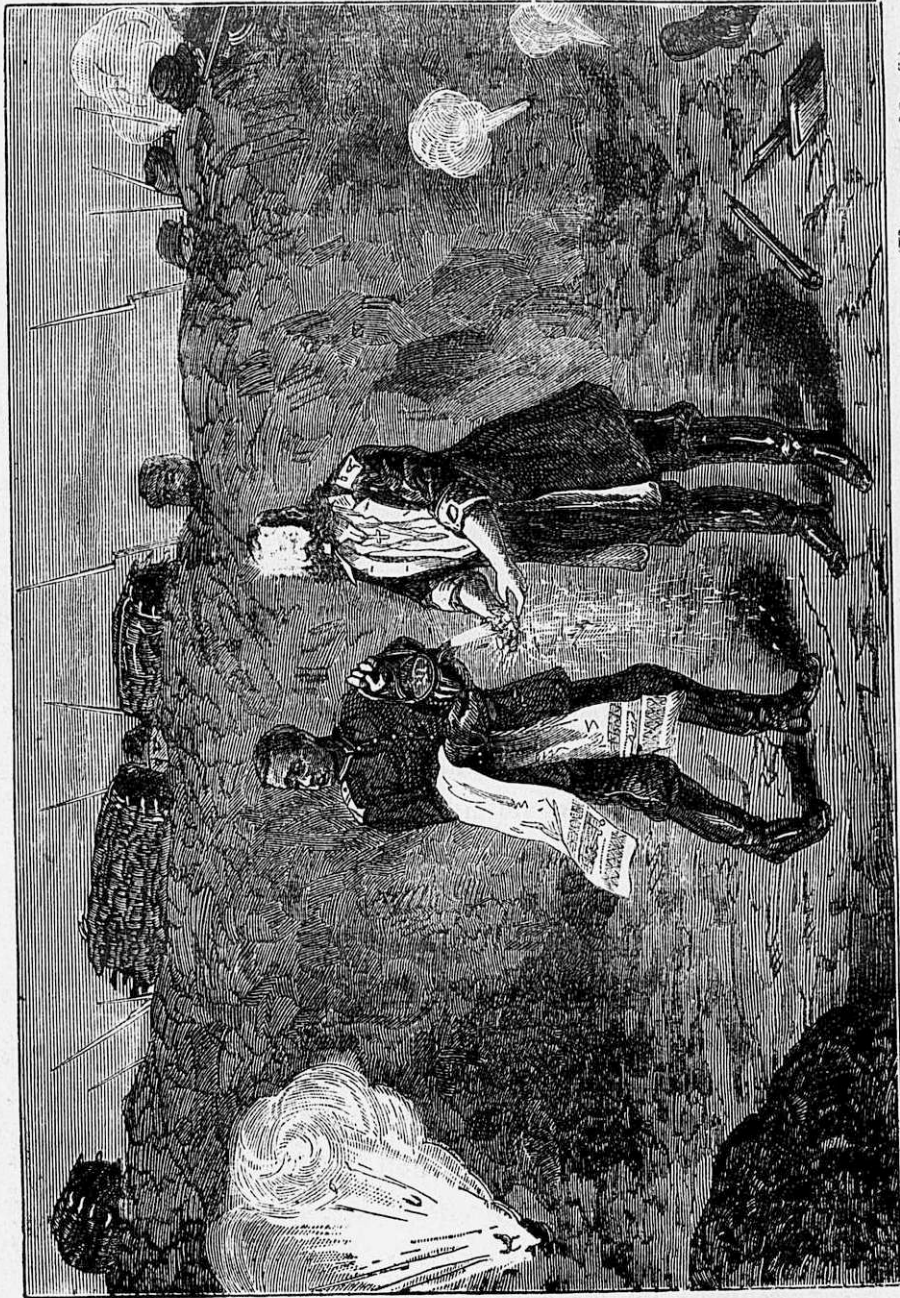
При переправѣ черезъ Дунай у Систова, Скобелевъ былъ охотникомъ-зрителемъ. Онъ отправился на тотъ берегъ послѣ 2-го рейса нашихъ лодокъ, вмѣстѣ съ М. И. Драгомировымъ, штабомъ дивизіи и адъютантами. Участникъ переправы такъ описываетъ этотъ переѣздъ:

«Едва отчалили, какъ лодку начали осыпать пулями со всѣхъ сторонъ, но пули падали то въ воду, то въ бортъ лодки, а въ лодку не попадало.

«Въ утреннемъ туманѣ и дыму трудно было что либо ясно разглядѣть, и генералъ Драгомировъ сказалъ:

«— Ничего не разберешь, лѣзутъ, лѣзутъ, ничего не разберешь!

«Скобелевъ былъ рядомъ съ нимъ; оба были пѣшкомъ

Утренній туалетъ Скобелева, впереди редута.

(Къ стр. 62-ой).

Въ раздумьи и молча глядѣлъ М. И. Драгомировъ; тоска начинала его мучить.

«Тутъ какъ разъ раздается голосъ Скобелева:

«— Ну, Михаилъ Ивановичъ, поздравляю!

«Генераль на него взглянулъ съ удивленіемъ и видитъ, что лицо Скобелева горитъ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ не то радости, не то страсти.

«— Съ чѣмъ? спросилъ Драгомировъ.

«— Съ побѣдою! Твои молодцы одолѣли...

«— Гдѣ, гдѣ ты это видишь?

«— Гдѣ? На рожѣ у солдата: гляди-ка на эту рожу! а? такая у него рожа только тогда, когда онъ супостата одолѣлъ, вишь, какъ претъ, любо смотрѣть.

«Генераль Драгомировъ пересталъ глядѣть на общую картину и заниматься вопросомъ: толково или безтолково лѣзутъ его солдатики впередъ; онъ подчинился слову Скобелева, взглянулъ на «рожу» солдата, взглянулъ и постигъ, дотолѣ ему неизвѣстную, тайну: читать побѣду на лицѣ русскаго солдата.»

Около 10 часовъ утра турки отступили всюду. Дѣло могло считаться блистательно оконченнымъ. Четвертая стрѣлковая бригада и вторая бригада 14-й дивизіи владѣли уже главными высотами.

— Не пора ли остановить солдатиковъ? говорить Скобелевъ Драгомирову.

— Пора то, пора, да некого послать! всѣ ординарцы въ расхѣдѣ...

— Хочешь—я пойду? говорить Скобелевъ.

— Сдѣлай милость; я тебѣ въ ножки поклонюсь!

Скобелевъ отправился. Это былъ первый его подвигъ безумной храбрости за Дунаемъ. Въ бѣломъ кителѣ, по-

шелъ онъ тихою, походною, въ самый жаръ сраженія: слѣва наши стрѣлки въ виноградникахъ, а справа жарятъ съ высотъ турки. Онъ идетъ, подходитъ къ стрѣлкамъ, остановится, съ однимъ поговорить, съ другимъ, дальше идетъ, и такимъ манеромъ вездѣ одинъ, открыто и тихими шагами, онъ обошелъ все войска, передавая приказанія генерала Драгомирова.

Понятно, что генералъ Драгомировъ въ своемъ боевомъ рапортѣ не могъ нахвалиться храбростью, распорядительностью и неутомимостью своего случайнаго ординарца. За переходъ черезъ Дунай, Скобелевъ былъ пожалованъ орденомъ Станислава 1-й степени.

На Скобелева обратили вниманіе: онъ завоевалъ съ бою довѣріе августѣйшаго главнокомандующаго. Скобелеву стали давать важныя порученія. Послѣ неудачи Орловскаго полка на Шипкинскомъ перевалѣ, Скобелева послали поправлять дѣло, но турки ушли отъ него, бѣжавъ изъ укрѣпленій. Явилась необходимость поправить первую неудачу подъ Плевной и 18-го іюня Скобелеву порученъ отдѣльный небольшой отрядецъ, съ которымъ онъ совершенно самостоятельно дѣйствуетъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ; добирается до самаго города, отвлекаетъ на себя силы Османа и тѣмъ удерживаетъ ихъ на мѣстѣ, прикрывъ отступленіе утомленнаго боемъ отряда князя Шаховскаго. Въ этотъ день, 18-го іюня; Скобелевъ и старый боевой кавказскій генералъ Горшковъ явили себя героями и поддержали честь русскаго оружія.

Для обезпеченія дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Плевны, необходимо было взять Ловчу, разъ уже взятую и потомъ очищенную нашими войсками. И Ловча взята

25-го августа 1877 года, взята блистательно, благодаря тщательнымъ рекогносцировкамъ и искуснымъ подготовленіямъ Скобелева, котораго главнокомандующій въ своихъ телеграммахъ называлъ «героемъ дня».

Замѣчательно также умѣнье Скобелева ободрить уставшихъ солдатъ. Зная хорошо русскаго человѣка, Михаилъ Дмитріевичъ понималъ, что усталому солдату, послѣ боя, теплая пища лучшая награда за понесенные труды и лишенія. «Нельзя брать прочій обозъ, но чтобы котлы были взяты», приказывалъ всегда генералъ. Очевидцы рассказывали, что подъ Ловчей, при штурмѣ турецкихъ укрѣпленій, когда утомленные солдаты останавливались, говоря: «Моченьки нѣтъ отъ усталости, ваше превосходительство», Скобелевъ кричалъ имъ: «Благодѣтели! каша будетъ вечеромъ, кашей накормлю; возьмите еще эту турецкую батарею!» и солдатики, смѣясь, напрягали послѣднія силы и брали непріятельское укрѣпленіе.

Вскорѣ Скобелева дѣлаютъ начальникомъ 16-й дивизіи, которая, иначе не называется, какъ «Скобелевская».

Подъ Плевной Скобелевъ обнаружилъ столько же отваги, сколько предусмотрительности. Не разъ на развѣдкахъ Скобелевъ подходилъ очень близко къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ; однажды даже такъ близко подобрался съ двумя офицерами къ вражескимъ редутамъ, что слышалъ разговоры въ турецкихъ ложементахъ, высмотрѣлъ расположеніе ихъ и набросалъ планъ. Въ самый же день 30-го августа, въ то время, какъ турецкіе редуты посылали тысячи смертей, Скобелевъ подскочилъ къ идущимъ на штурмъ войскамъ, свѣтлый

радостный, какъ день. «Ребята, сказалъ онъ:—сегодня именины вашего Государя; вонъ съ той горы Онъ смотритъ на васъ, надо Его порадовать сегодня, побѣда намъ нужна, ее ждетъ вся Россія». Оглушительное «ура» было отвѣтомъ, генералъ поскакалъ впередъ, солдаты его крестили.

Подъ Зелеными горами предъ каждой атакой генералъ Скобелевъ объяснялъ цѣль и характеръ предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій не только офицерамъ, но даже солдатамъ. Такимъ образомъ всѣ, отъ генерала до послѣдняго солдата, знали, что дѣлать. Этимъ и объясняется, почему въ дѣйствіяхъ отряда Скобелева замѣтно было такое согласіе и такая послѣдовательность. На Зеленыхъ горахъ, Скобелевъ былъ контуженъ два раза. Первый разъ онъ былъ контуженъ пулей въ поясницу, хотя ее задержалъ полушубокъ.

— Ай! вскрикнулъ генералъ, схватившись за пораненное мѣсто.

— Что такое съ вами? спросили окружавшіе его.

— Тише... я раненъ.

Скобелевъ прижимаетъ ладонь къ боку... Адъютантъ подхватываетъ его.

— Оставьте... Развѣ можно? Солдаты видятъ... шепотомъ говоритъ Скобелевъ.

— Здорово, молодцы! особенно громко привѣтствуетъ онъ солдатъ: — поздравляю васъ; славно отбили атаку!

— Радъ стараться,—слышится съ бруствера.

— Смотрите же, честно стоять за Вѣру, Престолъ и Отечество! Послужите, братцы, Богу и Государю!

Онъ обошелъ всю траншею и только послѣ этого

удалился въ свою землянку. Тутъ онъ снялъ съ себя полушубокъ—оказалась контузія.

Въ ночь на 4-е ноября, при осмотрѣ линіи непріятельскаго огня при Зеленыхъ Горахъ, Скобелевъ былъ во второй разъ контуженъ осколкомъ гранаты около позвоночнаго столба. Эта контузія была сильнѣе первой. Командованія впрочемъ онъ не оставилъ и распоряжался на позиціяхъ всегда самъ. 5-го ноября генералъ Скобелевъ былъ еще разъ контуженъ въ бокъ и раненъ слегка въ ногу. Несмотря на болѣзненное состояніе, онъ даже не уѣхалъ съ позиціи.

Послѣ сдачи Плевны, дивизія Скобелева начала готовиться къ зимнему переходу черезъ Балканы. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ плѣненія арміи Османа-паши, Скобелевъ перевалилъ уже за Балканы, храбро дрался подъ Иметли и Шейновомъ и освободилъ шипкинскихъ героевъ Радецкаго отъ осаждавшаго ихъ непріятеля, который цѣлою арміею владеть оружіе. Но Скобелевъ не долго останавливается: слѣдующіе дни онъ уже подъ Семенли-Тырново, подъ Хаскіоемъ и въ Адрианополѣ. Адрианополь былъ занятъ Скобелевымъ безъ выстрѣла, хотя турки и приготовили вокругъ города укрѣпленныя позиціи. По подписаніи мира, генералъ Скобелевъ возвратился въ Адрианополь. Затѣмъ онъ хотѣлъ броситься на Галлиполи, но тутъ Скобелева и всю русскую армію остановили!...

Въ продолженіи этой кампаніи, Скобелевъ еще былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта — за Ловчу и золотою шпагою, брилліантами украшенною съ надписью «за переходъ черезъ Балканы». Императоромъ

германскимъ, Скобелевъ былъ пожалованъ орденомъ «За заслуги» 2-й степени.

О генералѣ Скобелевѣ за время турецкой войны составилось мнѣніе, какъ о человѣкѣ, въ высшей степени горячемъ, ищущемъ опасности, бросающемся въ самую свалку и не обращающемъ никакого вниманія на грозящую ему опасность жизни. Живя въ траншеяхъ на Зеленыхъ Горахъ вмѣстѣ съ солдатами, генералъ, каждое утро выходилъ изъ траншей впередъ, умываться; разстегнетъ сюртукъ, денщикъ подаетъ ему воду, а турки такъ и сыплютъ пулями. Дивятся на него солдаты и со страхомъ глядятъ черезъ высокій брустверъ на своего неустрашимого начальника. Впрочемъ, солдаты по своему объясняли и храбрость и невозмутимое хладнокровіе Скобелева подъ пулями. Они приписывали это заговору. По солдатскимъ рассказамъ, «хивинецъ» девять дней и девять ночей возилъ Скобелева по «Хивѣ невѣрной» и заговаривалъ его. Потомъ девять дней и девять ночей Скобелеву ѣсть и пить не давали и все заговаривали, пока совсѣмъ не заговорили, такъ что пули проходятъ насквозь, не причиняя Скобелеву ни малѣйшаго вреда.

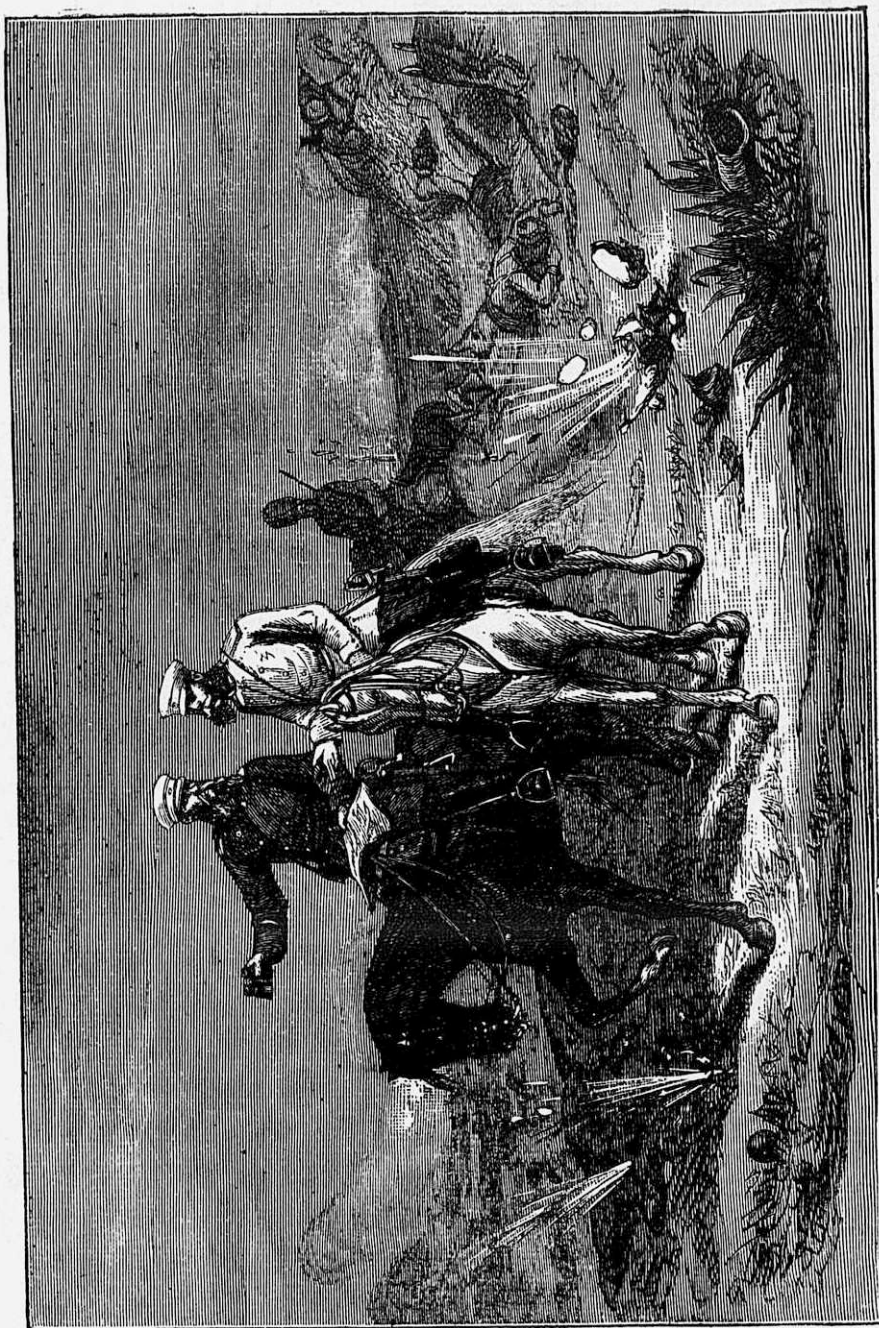
Одинъ раненый солдатикъ рассказывалъ своимъ товарищамъ: «Вотъ эта пуля скрозь него (т. е. Скобелева) прошла; ему ничего, а меня ранила».

Рассказываютъ также, что первое свиданіе Скобелева съ генераломъ Гурко произошло не только въ виду неприятеля но и подъ огнемъ артиллеріи. Послѣ первыхъ минутъ бесѣды, генералъ Гурко предложилъ продвинуться нѣсколько впередъ. Но тутъ они очутились уже не только подъ артиллерійскимъ, но и ружейнымъ огнемъ;

не смотря на это, Скобелевъ продолжалъ бесѣду и только когда генералы окончили свой разговоръ, они разстались, довольные другъ другомъ.

Однако мнѣніе, что Скобелевъ въ своихъ подвигахъ руководился только безумной храбростью совершенно невѣрно. Есть вполне ясныя доказательства, что Скобелевъ всегда подчинялся точному расчету и выводамъ науки. Лучшимъ доказательствомъ трудолюбія, дѣловитости и любви къ дѣлу, Михаила Дмитриевича можетъ служить его громадная переписка съ разными лицами. Если собрать все его письма, то они составятъ нѣсколько печатныхъ томовъ. Скобелевъ горячо любилъ военное дѣло. Его знаніе военной исторіи было поразительно, на каждый частный случай онъ могъ привести массу примѣровъ. Онъ внимательно слѣдилъ постоянно за всѣми успѣхами военного искусства, ни одна сторона котораго не пренебрегалась имъ. Стоитъ только прочесть нѣкоторые его рапорты изъ подъ Плевны, чтобы сразу убѣдиться въ громадной начитанности и глубинѣ военныхъ знаній Скобелева. Онъ во все внималъ, все старался понять, все быстро схватывалъ и легко усваивалъ, онъ все изучалъ и за что ни брался, во всемъ являлся хозяиномъ дѣла.

По окончаніи турецкой войны, генералъ-лейтенантъ Скобелевъ былъ назначенъ командиромъ 4-го армейскаго корпуса, 30-го августа 1878 года пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта, а въ концѣ 1880 года вновь вызванъ на боевое поприще, и на этотъ разъ въ качествѣ совершенно самостоятельнаго начальника—командующаго войсками, дѣйствовавшими въ Закаспійскомъ краѣ.

Первое свиданіе Генераловъ Гурко и Скобелева подъ огнемъ.

Предстоявшая задача была отвѣтственная и трудная, но совершенно подходящая къ характеру Скобелева: должно было поправить дѣла наши въ Закаспійскомъ краѣ и рѣшительнымъ ударомъ сломить сопротивленіе текинцевъ, крайне ободренныхъ нашею предшествовавшею неудачею. Къ разрѣшенію этой задачи Скобелевъ приступилъ съ полной осмотрительностью и свойственнымъ ему умѣньемъ. Какъ здѣсь, въ Петербургѣ, ничего не было упущено изъ виду, такъ и на мѣстѣ дѣйствій. Приготовленіямъ конечно помогало ему отличное знаніе характера, привычекъ и обычаевъ азіатовъ. Кстати здѣсь привести одинъ разсказъ про отношеніе Скобелева къ текинцамъ. Нѣсколько дней спустя послѣ взятія Асхабада, Скобелевъ во время развѣдокъ встрѣтилъ значительную толпу конныхъ текинцевъ.

— Кто вы такіе? спросилъ онъ.

— Мирные теке, отвѣчали они.

— Какъ я повѣрю этому, когда вы вооружены, сказалъ Скобелевъ.

— Текинецъ никогда не лжетъ, возразилъ гордо одинъ изъ нихъ.

— Хорошо, если такъ, вы проводите меня до Асхабада, сказалъ Скобелевъ, и съ этими словами онъ отпустилъ свой военный конвой и отправился къ Асхабаду, окруженный кучкой дикихъ разбойниковъ, которые только что, нѣсколько дней передъ этимъ, отчаянно дрались подъ Геокъ-Тепе. Этотъ случай показываетъ, на сколько хорошо зналъ Скобелевъ натуру азіата.

Осада Геокъ-Тепе, покрывшая неувядаемою славой Скобелева и его сподвижниковъ, была очень труднымъ дѣломъ... Много передумалъ главнокомандующій за это

время. Текинцы — народъ очень храбрый — безпогоили наши лагери постоянными отчаянными вылазками, особенно въ ночное время. Скобелевъ все ближе и ближе подвигалъ къ городу свой лагерь. Онъ постоянно находился среди солдатъ; всегда одинаково молодцомъ, являлся онъ передъ войсками, изящный, величественно стройный, одѣтый съ иголочки, съ ласковой, веселой улыбкой на блѣдномъ, утомленномъ лицѣ.

Солдаты, глядя на него, понимали, что это идетъ ихъ истинный вождь. Бодрость и силы просыпались въ траншеяхъ. Всякій чувствовалъ на себѣ пронизательный взглядъ генерала.

«Скобелевъ идетъ!» говорили солдаты.

«Здорово, молодцы ширванцы! раздастся бывало звучный, вызывающій голосъ и точно электрическій токъ пробѣгаетъ по измученнымъ и запыленнымъ рядамъ офицеровъ и солдатъ; и громкое, лихое «здравіе желаемъ» несется на встрѣчу генералу; онъ пойдетъ по рядамъ высокій, молодой, въ бѣломъ романовскомъ полушубкѣ, съ генеральскими погонами и бѣлымъ крестомъ на шеѣ, не сгибая спины подъ выстрѣлами... И по его приказанію русскіе воины опять готовы неспать, неотдыхать, копать безъ устали и умирать безъ ропота.

Скобелевъ всегда готовъ былъ прислушаться къ совету другаго, хотя бы это былъ просто солдатъ. Самъ Скобелевъ рассказывалъ одному французскому корреспонденту, какъ солдатъ научилъ его побѣдить текинцевъ. Корреспондентъ называлъ генерала — побѣдителемъ Геокъ-Тепе.

— Какъ побѣдитель Геокъ-Тепе? воскликнулъ Ско-

белевъ: — Да знаете ли вы, кто собственно побѣдилъ подъ Геокъ-Тепе? Я вамъ расскажу это: Послѣ того, какъ Геокъ-Тепе была обложена и окружена траншеями, текинцы производили вылазки массами, бросались съ ятаганами въ рукахъ на мои траншеи, влѣзали, не смотря на страшныя потери, на брустверъ моихъ траншей и, стоя выше моихъ солдатъ, рубили ихъ и наполняли рвы ихъ трупами. Я не зналъ, какія средства принять для отпора подобныхъ геройскихъ атакъ. Однажды ночью, объѣзжая верхомъ траншеи, я прислушался къ разговору двухъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ, небольшого роста, говорилъ: «Какъ глупо поступаетъ генералъ, приказывая намъ стоять ночью въ стрѣлковыхъ траншеяхъ. Текинцы влѣзаютъ и бьютъ насъ сверху. Если бы генералъ ставилъ насъ на десять шаговъ за ровиками, текинцы вынуждены были бы спускаться во рвы и погибли бы въ нихъ отъ нашего огня!» Слова эти указали мнѣ, какъ слѣдовало отнынѣ дѣйствовать. Немедленно я отдалъ приказаніе, и на слѣдующее утро 2000 текинскихъ труповъ лежало въ моихъ рвахъ. Это причинило въ рядахъ непріятеля такой упадокъ духа, что съ тѣхъ поръ съ ними не трудно было справляться. Теперь вамъ извѣстно, кто собственно побѣдилъ Геокъ-Тепе. На слѣдующій день я этого солдата пожаловалъ георгіевскимъ крестомъ.

За взятіе Геокъ-Тепе и за завоеваніе Ахаль-Текинскаго оазиса, Скобелеву былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 2-й степени и чинъ генерала-отъ-инфантеріи.

По окончаніи текинской экспедиціи, Скобелевъ вновь вступилъ въ командованіе корпусомъ и усердно занялся его боевой подготовкой. Сторожевая служба, бой въ

лѣсу, ночной бой, усиленные переходы и бой въ зимнее время, переправа вплавь и проч. были обычными занятіями 4-го корпуса. За нѣсколько дней до смерти, Скобелевъ произвелъ съ кавалеріей корпуса маневры и, въ послѣднемъ своемъ приказѣ, отъ 15 іюня, даетъ войскамъ, какъ бы въ видѣ послѣдняго своего завѣта, множество полезныхъ указаній и наставленій, выведенныхъ имъ изъ его славной боевой практики *).

Таковы великія заслуги Скобелева, какъ генерала, полководца и вѣрнаго слуги отечества и престола. Но личность почившаго героя дорога намъ еще и потому, что Михаилъ Дмитріевичъ былъ вообще чисто русскій, хорошій, честный и добрый человѣкъ.

Въ этихъ качествахъ его души главнымъ образомъ и заключалось то чарующее впечатлѣніе, какое онъ производилъ на всѣхъ его окружавшихъ. Умъ Скобелева подсказывалъ ему тѣ приемы въ отношеніяхъ къ людямъ, которые возбуждали любовь къ нему. Пьетъ на примѣръ Скобелевъ чай. Проходитъ мимо него солдатъ. «Хочешь чаю?» обращается Скобелевъ къ солдату. Солдатъ мнется. Скобелевъ улыбается; улыбка у него подкупающая, глаза нѣжные, голубые, лицо такое пріятное. Солдатъ садится и пьетъ чай съ генераломъ. Солдатъ счастливъ! Или встрѣчается разъ Скобелевъ съ молоденькимъ офицеромъ въ ресторанѣ. Офицеръ скромно пьетъ кофе, робко поглядывая по сторонамъ. «Должно быть у него нѣтъ денегъ», догадывается генералъ. Жалованья получить офицеру въ то время негдѣ. Скобелевъ даетъ ему взаймы безъ всякой просьбы. Офицеръ

*) Приказъ будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книжкѣ.

счастливъ. Вотъ еще примѣръ, рассказанный однимъ молодымъ артиллеристомъ:

«Послѣ смотра, мнѣ совершенно случайно посчастливилось познакомиться на жмеринскомъ вокзалѣ съ генераломъ Скобелевымъ вторымъ. Скобелевымъ я былъ положительно очарованъ: «Какъ такой герой, такой талантливый генералъ и обращается со мной, съ молодымъ офицеромъ, такъ просто, по товарищески». Такъ какъ намъ нужно было ѣхать по одному пути, то Скобелевъ пригласилъ меня къ себѣ въ вагонъ.

«— А что, ваше превосходительство, наивно спрашивалъ я у генерала:—страшно на войнѣ? расскажите, какъ тамъ? и Скобелевъ съ улыбкою, добродушно удовлетворялъ мое неумѣстное любопытство».

Молодому офицеру пришлось еще разъ встрѣтиться со Скобелевымъ. Это было уже послѣ взятія Плевны, когда готовились ко второму и окончательному переходу чрезъ Балканы. «2-го декабря, послѣ осмотра укрѣпленій, я ѣхалъ по городу и встрѣтилъ Скобелева.

«— Гдѣ это я васъ видѣлъ? останавливаетъ меня генералъ.

«— Въ Жмеринкѣ, ваше превосходительство, когда вы изволили ѣхать изъ Туркестана! отвѣтилъ я.

«— Ахъ, да, ну, поѣдьте ко мнѣ завтракать!

«— Виноватъ, ваше превосходительство, я не такъ одѣтъ, извинялся я. Но Скобелевъ настоялъ, и я послѣдовалъ за нимъ. Онъ занималъ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ домиковъ Плевны. Мнѣ было крайне совѣстно за свой ужь сильно боевой костюмъ.

Общество у Скобелева было самое разнообразное; тутъ были и генералы, и прапорщики, и корреспон-

денты, и даже вольноопредѣляющіеся; всѣ, не стѣсняясь, сидѣли за столомъ и завтракали. Меня немножко поразило такое общество и это простое, товарищеское обращеніе Скобелева съ каждымъ. Входитъ какой нибудь офицеръ по дѣламъ службы въ полной походной формѣ.

— Ваше превосходительство! Честь имѣю... начинаетъ онъ рапортовать, вытянувшись въ струнку.

— Завтракали? перерываетъ его Скобелевъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство! говоритъ озадаченный офицеръ.

— Садитесь и ѣшьте... чѣмъ Богъ послалъ.

Какъ сказано было выше—Скобелевъ былъ великій патріотъ. У него не было другой любви и привязанности, кромѣ любви къ отечеству; не было личныхъ интересовъ: его занимали только нужды отечества. О немъ онъ думалъ непрестанно. У него не было иныхъ разговоровъ, кромѣ бесѣдъ о предстоящихъ отечеству опасностяхъ и о способахъ предупрежденія ихъ... Эта великая черта его духа, какъ живая, свѣтящая и согревающая сила, сообщала всѣмъ дѣйствіямъ Скобелева чистоту и возвышенность, словамъ искренность и правду.

И русскій народъ не предубѣжденный, прямодушный, сердцемъ понялъ своего героя такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Когда неожиданная потеря Скобелева разнеслась по всей Россіи, всякій русскій почувствовалъ, что утратилось что-то важное, дорогое, великое...

Народъ съумѣлъ и на дѣлѣ показать, какъ онъ почиталъ и любилъ Скобелева, какъ онъ глубоко понимаетъ, чего лишился... Надо было видѣть похороны въ Москвѣ, чтобы убѣдиться во всемъ этомъ.

26 числа въ 8 часовъ вечера, тѣло Михаила Дми-

тріевича при громадномъ стеченіи народа, выразившаго самую искреннюю скорбь о почившемъ, въ присутствіи высшихъ военныхъ властей, съ генералъ-губернаторомъ во главѣ, съ военною церемоніей, перенесено изъ гостиницы Дюссо въ церковь Трехъ-Святителей, у Красныхъ Воротъ, гдѣ и совершенно было отпѣваніе 28 числа. 26 числа послѣ панихиды разрѣшено было допускать въ церковь всѣхъ, желающихъ поклониться тѣлу покойнаго героя, и съ этого времени до самого отпѣванія, въ продолженіи двухъ сутокъ, не переставали приходить въ церковь все новыя и новыя толпы народа для прощанія съ покойнымъ и для отданія ему послѣдняго долга. Въ послѣднюю ночь въ церкви пребывало болѣе 50.000 человекъ. Гробъ былъ поставленъ на возвышенномъ катафалкѣ, подъ богатымъ балдахинномъ; кругомъ его стояли лавровыя деревья. Воздухъ въ церкви благоухалъ запахомъ цвѣтовъ, которые въ видѣ букетовъ и вѣнковъ во множествѣ помѣщались всюду кругомъ гроба и на вѣтвяхъ лавровыхъ деревь, окружающихъ гробъ, и на гробѣ, и на катафалкѣ. Тѣло Скобелева было набальзамировано, поэтому мертвый ликъ не подвергся тлѣнію и сохранялъ черты мужественной красоты.

28 числа, въ 10 часовъ утра началась литургія, послѣ которой было совершено отпѣваніе тѣла Скобелева. Литургію и отпѣваніе совершалъ преосвященный Амвросій, сказавшій при отпѣваніи прекрасную рѣчь, которая произвела на всѣхъ сильное и глубокое впечатлѣніе. Къ отпѣванію прибыли великіе князья Алексѣй Александровичъ и Николай Николаевичъ Старшій, бывшій главнокомандующій Дунайской арміи. Кромѣ

того собралось чрезвычайно много военныхъ лицъ, съ г. военнымъ министромъ, генераломъ Ванновскимъ, во главѣ. Гробъ окружали родственники покойнаго, высшіе воинскіе и гражданскіе чины и разныя, преимущественно военные, депутаціи. Церковь была переполнена. Съ ранняго утра всѣ окрестныя улицы и площадь были покрыты народомъ. Казалось тутъ собралась вся Москва. Войска, какъ назначенныя по уставу для отданія послѣдней почести покойному, такъ и приведенныя изъ лагеря, — чтобы имъ дать возможность поклониться праху народнаго героя-воина, — были выстроены шпалерами по обѣимъ сторонамъ Красноворотской площади и вдоль спуска къ вокзалу Рязанской желѣзной дороги. По окончаніи отпѣванія, гробъ былъ поднятъ и вынесенъ изъ храма высшими военными чинами, при участіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Военная музыка заиграла «Коль славенъ», и печальная процессія двинулась между рядами войскъ. Ихъ Высочества слѣдовали за гробомъ до вокзала пѣшкомъ. Генераль-губернаторъ, князь В. А. Долгорукій, и командиръ гренадерскаго корпуса, генераль-адъютантъ Ганецкій, слѣдовали верхомъ по сторонамъ гроба. Впереди процессіи, офицерами, несены были многочисленные вѣнки и подушки съ орденами покойнаго. За гробомъ, по установленному церемоніалу, вели, покрытую траурной попоной, лошадь покойнаго, ту самую, на которой онъ былъ въ день штурма Геокъ-Тепе. Гробъ, отъ церкви до станціи Рязанской дороги, все время былъ несенъ на рукахъ генералами и офицерами. Въ погребальной процессіи въ строю участвовали 2 батальона отъ 9 гренадерскаго Сибирскаго полка, весь Донской № 1 казачій полкъ, долгое время

дѣйствовавшій подъ начальствомъ покойнаго Скобелева и получившій въ награду надпись на шапкахъ: «За Шейново», и 6 орудій отъ 3 гренадерской артиллерійской бригады. Всѣмъ отрядомъ командовалъ старшій изъ дивизіонныхъ начальниковъ Московскаго округа генераль Дохтуровъ, находившійся во время турецкой войны, со дня Шейновскаго боя и до конца кампаніи, подъ начальствомъ покойнаго. Войска, подойдя къ станціи, выстроились на площади передъ Рязанскимъ вокзаломъ. На дворѣ станціи была устроена ведущая къ платформѣ особая траурная галлерея изъ чернаго сукна, покрытаго растеніями и знаками ордена св. Георгія. Вагонъ, назначенный принять останки, былъ подведенъ прямо къ галлерей, драпированъ чернымъ сукномъ и убранъ зеленью. По прибытіи процессіи къ станціи, гробъ былъ пронесенъ по траурной галлерей прямо къ вагону. По совершеніи литіи, деревянный гробъ опустили въ другой, свинцовый. При пушечныхъ и ружейныхъ залпахъ, гробъ былъ заколоченъ и внесенъ въ вагонъ, гдѣ его поставили на особое возвышеніе, украсивъ множествомъ вѣнковъ, въ числѣ которыхъ былъ замѣтенъ серебрянный, работы Овчинникова, съ надписью: «Русскому богатырю и вождю къ побѣдамъ Михаилу Скобелеву, однополчане Казанскаго полка». При гробѣ занялъ мѣсто караулъ отъ Донскаго казачьяго № 1 полка. Все время большую площадь передъ зданіемъ Рязанскаго вокзала наполняли густыя толпы народа. По отбытіи Ихъ Высочествъ и генераль-губернатора, въ 3½ часа пополудни, депутаціи, сопровождающія тѣло въ родовое село покойнаго Спасское, Рязанбургскаго уѣзда, заняли мѣста въ вагонахъ, и экстрен-

ный поѣздъ тронулся. Съ поѣздомъ отправилось до 200 лицъ. На попутныхъ станціяхъ дороги всюду встрѣчали дорогой гробъ громадныхъ толпы народа, духовенство, служились литіи и возлагались вѣнки. Въ Рязани, въ 11 часовъ утра, при несмѣтномъ стеченіи народа, поѣздъ встрѣченъ былъ губернаторомъ и преосвященнымъ викаріемъ.

Такъ чествовали память героя своего русскій народъ и побѣдоносная русская армія, которая понесла особенно тяжелую потерю въ лицѣ почившаго!

Но и вся Европа, весь свѣтъ не остался безучастнымъ къ горю русской націи; Англія, Франція, Італія, Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты—сочувственно печаловались нашею скорбью...

Вотъ что говоритъ самая распространенная газета Англіи, «Время»: «Современный міръ не такъ богатъ героями, чтобы можно было безъ сердечной боли потерять одного изъ нихъ. Такую утрату понесли мы въ лицѣ генерала Скобелева, внезапно скончавшагося въ Москвѣ. Въ пройденномъ имъ поприщѣ, какъ ни было оно кратко, проявлялось нѣчто, выдававшееся героическими размѣрами. Смѣлость, доходившая почти до безумія, самоувѣренность, основанная на самопознаніи, способность къ составленію плановъ, находчивость во всевозможныхъ случаяхъ, умѣнье воодушевить другихъ мужествомъ и внушить довѣріе — эти окончательныя качества военного героя соединились въ Скобелевѣ всѣ до единого и были развиты въ высшей степени».

Американцы, еще при жизни Михаила Дмитріевича, отзывались о немъ такъ: «Скобелевъ водилъ свои войска на штурмы такъ много разъ, какъ никто изъ находящихся

въ живыхъ генераловъ нашего времени, за исключеніемъ Гранта *). Всѣ штурмы его были побѣдами и только одинъ разъ онъ послѣ счастливаго штурма долженъ былъ уступить позицію подавляющему численностью непріятелю. Его военный геній такъ изумителенъ, что мы твердо вѣримъ, что если онъ проживетъ еще 30 лѣтъ, онъ будетъ главнокомандующимъ въ будущей войнѣ, изъ за восточнаго вопроса и въ исторіи онъ займетъ мѣсто среди величайшихъ полководцевъ нашего столѣтія. Дѣйствительно, едва ли кому либо приходилось въ теченіи 19 лѣтъ принимать участіе слишкомъ въ 70-ти дѣлахъ...»

Но предсказаніямъ американскаго писателя не суждено было исполниться: Скобелева похитила смерть такъ рано, такъ не во время...

Теперь на Руси осталось только неувядаемое воспоминаніе о павшемъ героѣ, да непритворная грусть владѣетъ сердцами всѣхъ русскихъ людей.

Нынѣ, Государь Императоръ, внимая къ народному значенію имени умершаго генерала и желая, чтобы военныя доблести связывали войска и флотъ общими памятowanіями, повелѣлъ боевой корветъ «Витязь» именовать впредь «Скобелевъ».

М. Приваловъ.

*) Грантъ — славный американскій генералъ, теперь уже преклонный старикъ.